

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

4

1984

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
ИЮЛЬ—АВГУСТ

4

1984

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Костюшко И.</i> 40-летие Польской Народной Республики	3
<i>Хорев В. А.</i> От абстрактного гуманизма к социалистическому (Идейно-художественная эволюция ряда польских писателей в 1945—1948 гг.)	13
<i>Позолотин М. Е.</i> Болгария на новом этапе хозяйственного развития (К 40-летию социалистической революции в Болгарии)	24
<i>Волокитина Т. В.</i> Советско-болгарские отношения на современном этапе: курс на всестороннее сближение	32
<i>Покивайлова Т. А.</i> К 40-летию освобождения Румынии от фашизма	38
<i>Черняевский Г. И.</i> Западная буржуазная историография о коммунистическом и рабочем движении в Болгарии между мировыми войнами	46
<i>Флоря Б. Н.</i> Научная деятельность В. Д. Королюка	62
<i>Кириллова О.</i> «Дом на отшибе» как отражение художественного мира И. Андрича	67
<i>Штудинер М. А.</i> Судьба долгих согласных в словацком языке	76

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

<i>Свердлинка С. В.</i> Переписка А. С. Грибоедова о назначении врача А. Семашко в русское посольство в Тегеране	87
--	----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Кранивин А. В.</i> Ю. Львунин, В. Кузько, Георгий Димитров и международное профсоюзное движение	95
<i>Слива А.</i> Библиография радова о Светозару Марковићу	97
<i>Даниллова А.</i> Slawische Kulturen in der Geschichte der europäischen Kulturen vom 18. bis zum 20.	98

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Лилич Г. А.</i> Hubert Rösel. Wörterbuch zu den tschechischen Schriften des J. A. Comenius	102
<i>Кабачкова Г. И.</i> Výroční obuščeje: Současný stav a proměny	104

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Мараш Я. Н.</i> Памяти первопечатника	107
<i>Серёда В.</i> История литератур европейских социалистических стран: точки зрения на исследование	108

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), В. А. ДЬЯКОВ,
 В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ,
 В. Г. КАРАСЕВ, Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
 Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
 Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 121069, Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а
 Телефон 290-27-40
 Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

КОСТЮШКО И.

40-ЛЕТИЕ ПОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В июле 1944 г. на польских землях, освобожденных советскими войсками от немецко-фашистской оккупации, была установлена народная власть. Начался новый период в истории польского народа.

Установление в Польше власти трудящихся было закономерным явлением, следствием героической борьбы народных масс за свое национальное и социальное освобождение. Сентябрьская катастрофа 1939 г. и политика буржуазно-помещичьих кругов в годы оккупации, стремившихся к восстановлению довоенных порядков, раскрыли узкоклассовую, эгоистическую сущность интересов этих кругов и показали несостоятельность их претензий на управление страной. В ходе освободительной борьбы ведущей силой нации стал рабочий класс, вокруг которого объединялись массы крестьянства и интеллигенции. Польская рабочая партия (ППР), выражая коренные интересы народа и руководствуясь марксистско-ленинским учением, разработала программу возрождения подлинно независимой и демократической Польши и возглавила борьбу народных масс за осуществление этой программы. Создание демократического национального фронта и его представительства в лице Крайовой Рады Народовой (КРН), подпольных органов народной власти, Армии Людовой (АЛ), усиление борьбы с оккупантами, радикализация настроений народных масс, связывавших освобождение от оккупации с демократическими преобразованиями, стали предпосылками и факторами, обеспечившими утверждение власти рабочего класса и крестьянства. Всемерную поддержку освободительной борьбе польского народа оказывал Советский Союз.

21 июля 1944 г. КРН, являясь единственным источником законной власти в стране, в соответствии с волей народа создала Польский комитет национального освобождения (ПКНО) — «временный исполнительный орган власти для руководства освободительной борьбой народа, для завоевания независимости и восстановления польской государственности». В манифесте «К польскому народу» от 22 июля ПКНО, отвергая незаконные претензии польского эмигрантского правительства, опиравшегося на реакционную конституцию 1935 г., представлять страну, объявил о взятии им власти на освобожденной территории и о восстановлении действия основных положений конституции 1921 г. до замены ее новой конституцией.

Приступая к воссозданию польского государства, ПКНО провозгласил установление всех демократических свобод, равенства граждан без различия расы, вероисповедания и национальности, свободы политических и профсоюзных организаций, слова и совести. Эти свободы, однако, не могли быть использованы в ущерб интересам народа.

Манифест предусматривал возвращение крестьянам, торговцам, ремесленникам, мелким и средним предпринимателям, учреждениям и церкви их собственности, захваченной оккупантами; передачу во вре-

менное управление государства крупных промышленных, торговых и транспортных предприятий, банков и лесов, находившихся во владении немецкого государства и немецких капиталистов; проведение широкой аграрной реформы: конфискацию земель оккупантов и изменников народа, передачу помещичьей земли (сверх определенного размера и кроме предназначенной для создания образцовых хозяйств) в собственность малоземельным крестьянам, мелким арендаторам и сельскохозяйственным рабочим за минимальную оплату; меры по немедленному улучшению условий жизни народных масс: повышение заработной платы, создание системы социального обеспечения, соответствующее законодательство об охране труда; всеобщее бесплатное обучение в школе, мероприятия в области науки и искусства, поощрение развития кооперации и поддержку частной инициативы.

Исходя из национальных интересов страны, ПКНО считал необходимым воссоединение с Польшей исконных польских земель — Западного Поморья, Опольской Силезии, Вармии и Мазур, установление польской границы на западе по реке Одре. В манифесте указывалось, что восточная граница Польши должна определяться в соответствии с волей соседних народов. Прочный союз с СССР и Чехословакией должен был стать основным принципом польской внешней политики. Высказываясь за укрепление дружбы и союза с Англией, США и Францией, ПКНО заявлял о стремлении Польши к сотрудничеству со всеми демократическими странами мира и подчеркивал, что ее внешняя политика будет демократической, опирающейся на принципы коллективной безопасности.

ПКНО призывал всех поляков мобилизовать свои силы и средства для борьбы с оккупантами, внести свой вклад в дело разгрома немецко-фашистских захватчиков, всемерно содействовать воссозданию и укреплению демократической Польши [1, с. 141—146].

Манифест ПКНО провозглашал образование нового, демократического польского государства, определял его социальные, политические и экономические основы, внешнюю политику, раскрывал вдохновляющие перспективы национального развития, знаменовал собой начало нового периода в истории страны. Дата публикации манифеста стала национальным праздником — Днем возрождения Польши.

Советское правительство приветствовало создание ПКНО как исполнительного органа народной власти и выразило уверенность, что поставленная им «задача усиления совместной с союзными странами борьбы польского народа против немецких оккупантов отвечает коренным интересам народов Советского Союза и Польши» [1, с. 175].

27 июля 1944 г. было подписано соглашение между правительством СССР и ПКНО о советско-польской границе. Советское правительство признало, «что граница между Польшей и Германией должна быть установлена по линии западнее Свиномюнде до реки Одер с оставлением г. Штеттина на стороне Польши, далее вверх по течению реки Одер до устья реки Нейсе и отсюда по реке Нейсе до чехословацкой границы», и обязалось поддержать требование Польши об установлении ее границы по этой линии [1, с. 156—157].

Советское правительство рассматривало действия советских войск на территории Польши как действия на территории суверенного, дружественного и союзного государства и установление администрации в Польше считало делом польского народа [1, с. 153]. Соглашением между правительством СССР и ПКНО от 26 июля 1944 г. были определены отношения между советским главнокомандующим и польской администрацией после вступления советских войск на территорию Польши. В зоне непосредственных военных действий верховная власть и ответственность во всех делах, относящихся к ведению войны, сосредоточивались в руках главнокомандующего советскими войсками. На освобожденной территории, не являвшейся зоной непосредственных военных действий, руководство всеми делами гражданского управления осуществлял ПКНО [1, с. 153—155].

К концу июля 1944 г. в результате наступления советских войск была освобождена от немецких оккупантов восточная часть Польши (78 тыс. кв. км с населением около 5,6 млн человек). На родную землю вступила 1-я польская армия, сформированная в Советском Союзе. Власть на местах переходила в руки вышедших из подполья и вновь создаваемых рад народных, уполномоченных ПКНО, воевод и старост. Попытки реакционных сил в некоторых местах установить свою власть не имели успеха.

Это вызвало серьезное беспокойство у буржуазно-помещичьих кругов. Стремясь в противовес КРН и ПКНО установить свою власть в стране, польское эмигрантское правительство 1 августа прокламировало восстание в Варшаве. В течение двух месяцев повстанцы героически боролись против немецких оккупантов. Советское командование и командование Войска Польского оказывали возможную помощь повстанцам, однако руководство восстанием уклонялось от каких-либо контактов с советским и польским командованием. Восстание было зверски подавлено оккупантами, погибло около 200 тыс. жителей Варшавы, город был почти полностью разрушен. Военно-политическая авантюра реакционных сил закончилась страшной трагедией.

Народная власть, преодолевая трудности военного времени и сопротивление реакции, мобилизовала все средства для борьбы за освобождение польских земель, еще находившихся под оккупацией, налаживала хозяйственную и общественную жизнь, осуществляла демократические преобразования. Ее политику одобряли и поддерживали народные массы. В результате проведенной мобилизации вдвое увеличилось Войско Польское. Его соединения и части, а также партизаны в тылу врага вели боевые действия против оккупантов. Восстанавливались разрушенные заводы, мосты, дороги, подвижной состав, средства связи. Промышленные предприятия переходили во временное управление государством. Этим было положено начало процесса обобществления средств производства.

В соответствии с декретом ПКНО от 6 сентября 1944 г. проводилась аграрная реформа. Земли оккупантов и их пособников были конфискованы, отчуждались безвозмездно помещичьи имения, заключавшие в себе более 50 га пахотной земли или свыше 100 га всех земельных угодий. Часть этих земель предназначалась для создания государственных хозяйств, сельскохозяйственных школ и т. п., остальные — передавались в собственность малоземельным крестьянам и сельскохозяйственным рабочим за оплату в размере одного среднего сбора ржи с приобретаемого участка. Преимущественное право на наделение землей имели солдаты Войска Польского, инвалиды войны и участники партизанского движения. Несмотря на противодействие реакции, аграрная реформа, в проведении которой активно участвовали многие крестьяне, при помощи рабочих к концу 1944 г. в основном была закончена. Помещичье землевладение было упразднено, и почти 110 тыс. крестьянских семей получили 211 тыс. га земли. Возникло около 35 тыс. новых хозяйств (в среднем на хозяйство приходилось 2,8 га земли), а площадь 73 тыс. малоземельных и средних хозяйств увеличилась в среднем на 1,4 га.

Народная власть приняла меры по репатриации населения. В сентябре 1944 г. были подписаны соглашения между ПКНО и правительствами УССР, БССР и ЛитССР об эвакуации из этих республик поляков и евреев, состоявших в польском гражданстве до 17 сентября 1939 г. и желавших переселиться в Польшу, и лиц украинской, белорусской, литовской и русской национальностей по их желанию из Польши в Советский Союз [1, с. 213—219]. В соответствии с этими соглашениями проводилась взаимная эвакуация населения.

Советский Союз оказывал политическую, военную и экономическую помощь народной Польше, призывал своих западных союзников поддерживать ПКНО в осуществлении его важной миссии, выступал против вмешательства во внутренние дела польского народа.

В процессе революционно-демократических преобразований в Польше укреплялось сотрудничество демократических партий и организаций,

входивших в национальный фронт, вокруг него сплачивались широкие массы народа. Возрастал авторитет ПКНО внутри страны и на международной арене. По предложению ППР, поддержанному народными массами, 31 декабря 1944 г. ПКНО был преобразован во Временное правительство, которое в своей деятельности руководствовалось положениями июльского манифеста.

Советский Союз признал Временное правительство Польши и принял решение об обмене с ней послами. На Ялтинской конференции глав правительств СССР, Англии и США в феврале 1945 г. было достигнуто соглашение о существенном приращении территории Польши на западе и севере и о реорганизации Временного правительства в последующем [1, с. 366—367].

В результате начавшегося в январе 1945 г. стратегического наступления советских войск, в котором участвовали соединения и части Войска Польского, были освобождены от немецко-фашистской оккупации Варшава, центральные, западные и северные польские земли. Решающую роль в освобождении польского народа от ига немецких оккупантов сыграла Советская Армия. В тяжелой борьбе с врагом на польской земле сложили свои головы 600 тыс. советских воинов [2, с. 36]. Стремительное наступление Советской Армии воспрепятствовало оккупантам осуществить их планы полного опустошения польских земель. Освобождение Советской Армией польских западных и северных земель обеспечило их возвращение Польше. При большой помощи Советского Союза было создано народное Войско Польское, оно вместе с Советской Армией прошло славный боевой путь от Ленино до Берлина, с честью выполнило свой долг перед родиной и союзниками по антигитлеровской коалиции и стало надежной опорой демократического строя и безопасности народа.

На освобожденной в январе—марте 1945 г. территории Польши проводились революционно-демократические преобразования. Была повсеместно установлена народная власть. В ее ведение переходили промышленные предприятия и другие хозяйственные объекты. Осуществлялись мероприятия по нормализации общественной и культурной жизни. Началось освоение западных и северных земель. На основе декрета Временного правительства от 17 января 1945 г. проводилась аграрная реформа.

Народная Польша придавала особое значение развитию дружбы и сотрудничества с СССР. Советский Союз также был заинтересован в укреплении дружественных отношений со своим западным соседом. 21 апреля 1945 г. в Москве был подписан Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Польшей и СССР. Стороны, констатируя коренной перелом в советско-польских отношениях и убежденные, что дальнейшее укрепление дружбы между Польшей и СССР отвечает жизненным интересам польского и советского народов, обязывались продолжать войну против гитлеровской Германии до окончательного ее разгрома и оказывать друг другу помощь имеющимися в их распоряжении средствами, а после войны — сотрудничать в духе дружбы и взаимно помогать в восстановлении и развитии хозяйства обеих стран [1, с. 414—416]. Польско-советский договор от 21 апреля 1945 г. являлся актом большого исторического значения, гарантией свободы и независимости польского народа, он заложил прочный фундамент подлинно братского союза, отношений нового типа, базирующихся на принципах социалистического интернационализма.

В соответствии с решением Ялтинской конференции глав правительств СССР, Англии и США Временное правительство 26 июня 1945 г. было преобразовано в Правительство национального единства, в состав которого вошли некоторые деятели, находившиеся до этого в оппозиции. Правительство национального единства было признано Англией, США и другими государствами. На конференции в Потсдаме было принято решение об установлении польской границы на западе по линии рек Одры и Нысы Луужицкой и о переселении оставшегося на польских землях немецкого населения в Германию. Договором от 16 августа 1945 г. между Польшей и СССР польско-советская граница устанавливалась вдоль

«линии Керзона» с отступлением от нее в пользу Польши в некоторых местах от 5 до 30 км и от пункта на восточном берегу Гданьской бухты к востоку севернее Браунсберга — Гольдапа до пункта на границе с ЛитССР [1, с. 541—542]. Вопрос о польско-советской границе был урегулирован в соответствии с национальными интересами обоих государств. Все это способствовало стабилизации положения в стране и укрепляло ее внешнеполитические позиции.

После разгрома немецко-фашистских захватчиков польский народ смог приступить к мирному строительству новой жизни. Довоенная Польша была страной со слабо развитой промышленностью и отсталым сельским хозяйством, большинство ее населения прозябало в нищете, значительная часть людей была неграмотной. Война и немецко-фашистская оккупация нанесли огромный ущерб стране: погибло свыше 6 млн человек (22% всего населения), национальное достояние уменьшилось на 38%, оккупанты разрушили или разграбили около 70% всех промышленных предприятий, свыше 460 тыс. крестьянских хозяйств, превратили в развалины Варшаву и многие другие города, тысячи деревень. Предстояло восполнить эти большие потери и создать предпосылки для улучшения жизни народа и развития его культуры.

Трудящиеся массы под руководством ППР, сотрудничавшей с Польской социалистической партией (ППС) и другими демократическими партиями, восстанавливали разрушенное хозяйство, умножали достояние народа. На I съезде ППР, состоявшемся в декабре 1945 г., были определены задачи партии по дальнейшему укреплению народной власти, расширению и углублению социально-экономических преобразований, восстановлению народного хозяйства и освоению западных и северных земель. Съезд указал на необходимость политического и организационного единства рабочего класса, укрепления союза рабочих и крестьян и решительной борьбы против реакционных сил, пытавшихся затормозить революционный процесс.

3 января 1946 г. был принят закон «О передаче в собственность государства основных отраслей народного хозяйства». Национализировались все промышленные, горные, транспортные, банковские, страховые и торговые предприятия, принадлежавшие немецким оккупантам и их пособникам. Прочие предприятия, на которых в одну смену были заняты более 50 человек, средства транспорта и связи переходили в собственность государства с возмещением их стоимости бывшим владельцам. Было национализировано свыше 11 тыс. предприятий, на которых работали 945 тыс. человек или 74,8% всех промышленных рабочих. Законом закреплялось проведенное в ходе освобождения страны обобществление средств производства. С ликвидацией крупной и средней капиталистической собственности в промышленности создавался социалистический сектор в экономике страны.

В результате проведения аграрной реформы до конца 1948 г. малоземельные и безземельные крестьяне получили около 6 млн га, в том числе 4 млн га на западных и северных землях. Возникло 747 тыс. новых крестьянских хозяйств. С созданием государственных сельских хозяйств складывался социалистический сектор в деревне.

Реакционное подполье и враждебные народной власти силы в созданном в августе 1945 г. Польском стронництве людовом пытались воспрепятствовать преобразованиям демократического и социалистического характера. Острая классовая борьба в некоторых местностях приобретала черты гражданской войны. Но расчеты реакции были обречены на провал. Подавляющее большинство народа на референдуме 30 июня 1946 г. одобрило проведенные народной властью революционные преобразования, поддержало ее внутреннюю и внешнюю политику. Выборы в Законодательный сейм 19 января 1947 г. убедительно показали стремление народа к переустройству своей жизни на подлинно демократических началах. Свыше 80% избирателей проголосовали за политику партий демократического блока во главе с ППР. Реакционные силы потерпели поражение.

В сентябре 1947 г. был принят трехлетний план восстановления на-

родного хозяйства (на 1947—1949 г.). Предусматривались значительное увеличение промышленного и сельскохозяйственного производства и повышение благосостояния населения.

Революционные преобразования и связанные с ними социально-политические сдвиги создали благоприятные условия для преодоления раскола в рабочем движении. Сотрудничество между ППР и ППС расширялось и укреплялось. На Объединительном съезде ППР и ППС, состоявшемся 15—21 декабря 1948 г., была образована Польская объединенная рабочая партия (ПОРП). Создание единой партии нового типа, руководствующейся в своей деятельности марксистско-ленинским учением, явилось большим завоеванием рабочего класса и имело решающее значение для дальнейших судеб народа. В ноябре 1949 г. в результате объединения Стронництва людового с Польским стронництвом людовым было создано Зъедночоне стронництво людове (Объединенная крестьянская партия). Стронництво демократычне освободилось от реакционных элементов. Сотрудничество между демократическими партиями способствовало политической стабилизации, восстановлению и развитию народного хозяйства.

Трехлетний план благодаря усилиям рабочего класса и всего народа, при помощи СССР, несмотря на экономический бойкот со стороны капиталистических государств, был досрочно выполнен. Промышленная продукция по сравнению с 1938 г. в стоимостном выражении увеличилась на 48%, сельскохозяйственное производство на душу населения превысило довоенный уровень, национальный доход возрос на 25%, значительно улучшились условия жизни народа.

Это позволило приступить к строительству основ социализма в стране. ПОРП, руководствуясь марксистско-ленинским учением, используя опыт СССР и других социалистических стран, разработала программу социалистического строительства. Основные задачи партии и народа в реализации этой программы определялись шестилетним (1950—1955) и последующими пятилетними планами экономического и социального развития страны. Успешное выполнение шестилетнего плана обеспечило превращение страны из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную. С реализацией последующих пятилетних планов возрастал производственный потенциал страны, повышался материальный и культурный уровень жизни народа. В процессе созидания нового общественного строя реализовались общие закономерности социалистического строительства и проявлялись его национальные особенности.

Большое значение для развития народного хозяйства и культуры Польши имела братская помощь со стороны Советского Союза. С учреждением в 1949 г. Совета Экономической Взаимопомощи Польша стала участником многостороннего сотрудничества стран — членов СЭВ. Варшавский договор от 14 мая 1955 г., обеспечивая безопасность страны, создавал благоприятные условия для продвижения страны по пути социализма. Подписанный 8 апреля 1965 г. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между ПНР и СССР явился прочной основой для дальнейшего развития дружбы, взаимовыгодного сотрудничества обеих стран. Советский Союз предоставлял Польше кредиты, промышленное оборудование, техническую документацию, сырье и продовольствие, во многом обеспечивавшие потребности страны. При помощи СССР были построены крупные промышленные предприятия, созданы новые отрасли производства. Важное значение для СССР имели поставки товаров из Польши. Происходила координация народнохозяйственных планов, осуществлялись мероприятия по производственной кооперации и экономической интеграции обеих стран.

За годы народной власти произошли существенные демографические изменения. Население страны с 23,6 млн человек в 1946 г. увеличилось до 36,7 млн. в 1983 г., городское население соответственно — с 8 до 22 млн. человек.

В результате напряженного труда польский народ под руководством ПОРП добился больших успехов в развитии экономики и культуры ПНР.

Валовая продукция промышленности в постоянных ценах с 1946 по 1960 г. увеличилась более чем в 7 раз, а в 1980 г. по сравнению с 1960 г. — в 4,6 раза [3, с. XXXIV—XXXV]. На общественный сектор (государственные, кооперативные и общественные предприятия) в 1980 г. приходилось 98% всей продукции [3, с. 171].

О развитии отдельных отраслей промышленности дают представление следующие данные. Добыча каменного угля с 47,3 млн *т* в 1946 г. повысилась до 201 млн *т* в 1979 г., производство кокса из угля за этот период возросло с 3,6 до 20 млн *т*. В 1946 г. было переработано 0,1 млн, а в 1978 г. — 17 млн *т* нефти. Производство электроэнергии с 5,8 млрд *квт/ч* в 1946 г. поднялось до 122 млрд *квт/ч* в 1980 г.

С 1946 по 1980 г. продукция чугуна и ферросплавов увеличилась с 0,8 до 12 млн *т*, стали — с 1,2 до 19,5 млн *т*, проката — с 0,8 до 13,6 млн *т*, цемента — с 1,4 до 21,7 млн *т* (1978).

Большие масштабы приобрело судостроение, в 1950 г. общий тоннаж построенных морских судов (свыше 100 ДВТ) составлял 7,6 тыс., в 1975 г. — 1033 тыс., в 1976—1979 гг. — 700—600 тыс. ДВТ. Выпуск грузовых автомобилей и тягачей с 800 единиц в 1950 г. возрос до 60 тыс. в конце 70-х годов, легковых автомобилей с 4 тыс. штук в 1955 г. до 350 тыс. в 1979 г.

Производство минеральных удобрений (без известковых) с 1946 по 1978 г. увеличилось с 62,9 до 2621 тыс. *т*, тканей (без суровых) — с 230 до 1075 млн *м* (1977), обуви с кожаным голенищем с 3,6 до 80 млн пар (1976), мяса и жиров промышленного убоя — с 169 до 2559 тыс. *т* (1979), сахара — с 387 до 1685 тыс. *т* (1981) [3, с. XXXIV—XXXVII].

В больших размерах велось строительство зданий хозяйственного и культурного назначения и жилых помещений. Кубатура построенных зданий в 1950 г. составляла 43,3 млн *м*³, в 1966 г. она превысила 100 млн, а в 1977 г. увеличилась до 210 млн *м*³. В 60—70-е годы ежегодно жилой фонд увеличивался на 140—283 тыс. *м*² [3, с. XXXVI—XXXVII, XLII—XLIII].

Валовая продукция сельского хозяйства в постоянных ценах с 1946 по 1961 г. возросла почти в три раза, а в 1973 г. по сравнению с 1961—1965 гг. — на 40%, примерно в таком же размере она оставалась в 1974—1979 гг. При этом сбор четырех зерновых культур (без смесей) увеличился с 5,1 млн *т* в 1946 г. до 21,4 млн *т* в 1974 г. (в последующие годы он колебался от 19 млн (1976) до 15,3 млн *т* (1979), поголовье рогатого скота возросло с 3,9 (1946) до 13 млн (в конце 70-х годов), продукция мяса, жиров и ливера промышленного и домашнего убоя повысилась с 1139 (1950) до 3130 тыс. *т* (1979). Общественный сектор (госхозы, производственные кооперативы и сельскохозяйственные кружки) в постоянных ценах в 1981 г. дал 24,9% всей сельскохозяйственной продукции [3, с. XXXVI—XXXIX, 229].

Значительное развитие получили средства сообщения и связи, происходила модернизация железнодорожного, речного и морского транспорта. Расширялись розничный товароборот и торговля с социалистическими и капиталистическими странами.

С подъемом экономики возрастал национальный доход. В постоянных ценах он с 1947 по 1960 г. увеличился почти в четыре раза, а в 1978 г. по сравнению с 1960 г. — в 3,3 раза. В 1947 г. участие промышленности в произведенном национальном доходе в постоянных ценах на 1 января 1977 г. составляло 22%, сельского хозяйства 70%, строительства 4,6%, а в 1978 г. соответственно — 49,5, 14,6 и 12,6% [3, с. XXXII—XXXIII]. Средняя реальная заработная плата в общественном хозяйстве с 1960 по 1980 г. возросла на 85,4%, а реальные доходы крестьян-единоличников — на 47,2% [3, с. XXXII—XXXVII].

Весьма примечательны достижения польского народа в развитии народного образования, науки и культуры. Осуществляется всеобщее обязательное обучение детей школьного возраста. Создана широкая сеть средних, специальных и высших учебных заведений. В 1983/84 учебном году во всех школах обучалось около 6,9 млн лиц или около 19% всего

населения [4, 3 II], а в 104 высших учебных заведениях — 420 тыс. студентов [4, 28 II].

Важное место в польской науке заняла Академия наук. Разнообразные и ценные исследования ведутся в университетах, технических вузах, ведомственных институтах.

В 1947 г. насчитывалось 934 публичных библиотеки, а к концу 1981 г. их число достигло 9355. Тираж книг и брошюр возрос с 39 млн в 1946 г. до 191 млн в 1983 г., журналов — с 1767 тыс. (1950) до 772 млн в 1983 г., число кинотеатров с 567 (1946) до 2228 (1980), телеабонентов с 426 (1960) до 8470 тыс. (1983) [3, с. XLII—XLIII; 4, 3 II]. Значительными ценностями обогатились художественная литература, театральное, изобразительное и музыкальное искусство.

Широкое развитие получили системы здравоохранения и социального обеспечения. В 1983 г. на 10 тыс. населения приходилось 18,8 врача и 56,1 больничных коек. Среднее число пенсий и рент в 1983 г. составляло 4993,5 тыс. [4, 3 II].

Большие достижения польского народа в созидании нового общественного строя коренным образом изменили облик страны. Народная Польша стала одним из развитых государств. Осуществленные в ней преобразования социалистического характера обеспечивают условия для дальнейшего экономического и культурного прогресса.

В процессе строительства социализма в Польше встречались немалые трудности объективного характера, в таком новом и сложном деле не удалось избежать некоторых просчетов и ошибок. Все это породило кризисные ситуации в 1956 и 1970 гг. ПОРП принимала меры для устранения этих негативных явлений. Однако непреодоленные противоречия в развитии страны привели в конце 70-х годов к острому политическому и социально-экономическому кризису.

IX чрезвычайный съезд ПОРП, состоявшийся в июле 1981 г., «показал, что источником возникновения кризисной ситуации явился прежде всего серьезный отход от принципов марксизма-ленинизма в процессе социалистического строительства. Это проявилось в особенности в нарушении норм внутрипартийной жизни, бюрократических и автократических ограничениях социалистического народовластия, в упрощенном подходе и запущенности идейно-воспитательной работы в обществе, и особенно среди молодежи, в волюнтаристских решениях в экономической политике, прежде всего в чрезмерном расширении фронта инвестиций, а также в том, что наше народное хозяйство оказалось в значительной зависимости от западных кредитов» [5, с. 12].

Осложнения политического характера и экономические затруднения (с 1979 г. началось снижение национального дохода), порождавшие недовольство трудящихся масс, противники социализма, поддерживаемые реакцией извне, использовали для нападков на ПОРП, народную власть и социалистический строй. Антисоциалистические силы пытались дискредитировать марксизм-ленинизм, подорвать руководящую роль ПОРП, опорочить общественную собственность, нарушить союз с СССР и другими социалистическими странами. Создавая в стране обстановку анархии, они стремились разложить партию рабочего класса и социалистическое государство. ПОРП, преодолевая дезориентацию части членов партии, правооппортунистические тенденции, укрепляла свои позиции и противодействовала проискам контрреволюции.

Советский Союз и другие социалистические страны солидаризировались с борьбой польского народа против реакции, оказывали ему моральную и материальную поддержку. IX чрезвычайный съезд ПОРП, рассмотрев положение в партии и в стране, выработал программу социалистического обновления, предусматривающую проведение социалистических реформ, достижение широкого национального согласия на основе конституционных принципов, последовательную борьбу за упрочение социализма.

Антисоциалистические силы пытались воспрепятствовать осуществлению этой программы. Опираясь на помощь реакционных кругов из-за

границы, провоцируя беспорядки, парализуя экономическую и общественную жизнь, они готовились к захвату власти. Страна оказалась перед национальной катастрофой.

В этих условиях в целях обеспечения защиты основных интересов государства и граждан, спокойствия и общественного порядка с 13 декабря 1981 г. было введено военное положение в стране. Расчеты реакции столкнуть Польшу с социалистического пути развития провалились.

Поддерживая антисоциалистические силы и пытаясь оказать давление на народную власть, правительства США и других капиталистических государств ввели экономические и другие ограничения в отношениях с Польшей. Это усугубило экономические трудности. Только большая помощь со стороны Советского Союза позволила преодолеть эти затруднения и обеспечить условия для подъема промышленного производства.

В результате мер, принятых ПОРП и народной властью, существенно ограничивалась подрывная деятельность противников социализма (часть из них ушла в подполье), ослаблялась напряженность в общественных отношениях, создавались условия для нормальной работы и жизни, постепенно увеличивалось промышленное производство, улучшалось снабжение населения товарами. Была достигнута необходимая социально-политическая стабилизация, обеспечивалась безопасность граждан и общественный порядок. Это позволило с конца 1982 г. приостановить действие военного положения, а с 22 июля 1983 г. отменить его совсем.

Политика ПОРП, направленная на развитие и упрочение народовластия, совершенствование хозяйственного механизма, увеличение промышленной и сельскохозяйственной продукции, удовлетворение материальных и культурных запросов трудящихся, обеспечивает позитивные перемены в политической и экономической жизни страны. Укрепляются связи партии с рабочим классом, с широкими массами народа. Расширяются права институтов социалистической демократии, участие трудящихся в управлении общественным производством. Развивается Патриотическое движение национального возрождения, опирающееся на союз и сотрудничество ПОРП с Объединенной крестьянской и Демократической партиями, на сотрудничество с другими общественными организациями. В 1983 г. по сравнению с 1982 г. возросла продукция промышленности, сельского хозяйства и других отраслей экономики. Это обеспечило впервые после 1978 г. прирост национального дохода по сравнению с предшествующим годом на 4—5% и позволило приостановить снижение реальных доходов населения [4, 3 II]. Всепольская конференция ПОРП (16—18 марта 1984 г.) подвела итоги реализации решений IX съезда ПОРП, выразила благодарность братским партиям, и в особенности КПСС, за помощь в преодолении возникших в стране трудностей, подчеркнула необходимость укрепления идейно-политического единства партии на принципах марксизма-ленинизма и ее связей с массами, определила меры по дальнейшему упрочению социалистического строя в Польше. Она приняла декларацию «За что боремся, к чему стремимся», послание ко всем коммунистическим и рабочим партиям, воззвание в защиту мира и другие важные решения. Конференция констатировала, что остаются еще немалые трудности экономического, политического и социального характера, которые предстоит преодолеть [4, 17—20 III]. Марксистско-ленинская политика ПОРП и поддержка ее со стороны все более широких масс народа являются залогом выхода страны из кризисной ситуации.

Польша, являясь важным звеном социалистического содружества, активно участвует в многостороннем сотрудничестве, в реализации Комплексной программы экономической интеграции стран — членов СЭВ. Особое значение придает Польша развитию и укреплению дружбы и взаимовыгодного сотрудничества с Советским Союзом. Первый секретарь ЦК ПОРП и Председатель Совета Министров ПНР В. Ярузельский, поздравляя К. У. Черненко с избранием его на пост Генерального секретаря ЦК КПСС, указывал: «Наши партии, Польскую объединенную рабочую партию и Коммунистическую партию Советского Союза, связы-

вают общие идеалы марксизма-ленинизма, социалистический интернационализм; наши государства и народы соединяют общие цели и интересы, являющиеся основой союза и дружбы народной Польши с Советским Союзом. В этом мы видим гарантию независимости, суверенности и безопасности наших границ, неоценимую поддержку для успешной реализации задач социалистического строительства в нашей стране» [4, 14 II].

Большое значение для развития дружественных отношений между СССР и ПНР имели переговоры Генерального Секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко с Первым Секретарем ЦК ПОРП, Председателем Совета Министров ПНР В. Ярузельским, состоявшиеся 4 мая 1984 г. в Москве. Переговоры прошли в сердечной, товарищеской атмосфере, «продемонстрировали единство взглядов и взаимопонимание по всем обсуждавшимся вопросам, содействовали дальнейшему укреплению отношений братской дружбы и тесного сотрудничества между Советским Союзом и Польской Народной Республикой, КПСС и ПОРП, советским и польским народами» [6, 6 V]. В результате переговоров была подписана «Долгосрочная программа развития экономического и научно-технического сотрудничества между Союзом Советских Социалистических Республик и Польской Народной Республикой на период до 2000 года» [6, 7 V]. Осуществление этой программы, как отметил К. У. Черненко, «позволит эффективнее и ко взаимной выгоде использовать созданный в наших странах производственный и интеллектуальный потенциал, сообща продвигаться к новым рубежам прогресса, глубже раскрыть созидательные возможности социализма» [6, 5 V].

Укрепляя свои позиции на международной арене, Польша выступает поборником мира и дружбы между народами, решительно осуждает агрессивную политику империалистических сил, энергично поддерживает инициативы Советского Союза, направленные на ослабление международной напряженности, обуздание гонки вооружений, на предотвращение ядерной войны. Сейм в постановлении от 13 февраля 1984 г. о внешней политике ПНР решительно высказался за развитие международной активности в пользу мира, разрядки и разоружения, за восстановление атмосферы диалога и сотрудничества в международных отношениях. Он поддержал выраженное в постановлении Верховного Совета СССР от 29 декабря 1983 г. стремление продолжать политику мира и сотрудничества между народами и советские предложения по этому вопросу [4, 14 II].

За годы народной власти в жизни польского народа произошли перемены большого исторического значения. «40 лет народной власти, — отмечал В. Ярузельский, — коренным образом изменили государство и общество, вывели страну из экономической и культурной отсталости, возродили ее из послевоенных руин и пепелищ, впервые за многие столетия дали ей безопасные границы и прочные союзы, самым ценным из которых является союз с Советским Союзом, обеспечили Польше достойное место в семье социалистических стран и среди народов мира» [5, с. 13].

На пути дальнейшего строительства социализма перед польским народом открываются замечательные и вдохновляющие перспективы экономического, культурного и социального прогресса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VIII. М., 1974.
2. Боевое содружество советского и польского народов. М., 1973.
3. Rocznik Statystyczny. 1982. Warszawa, 1982.
4. Trybuna Ludu, 1984.
5. Ярузельский В. О чем говорит польский опыт. — Проблемы мира и социализма, 1983, № 11.
6. Правда, 1984.

ОТ АБСТРАКТНОГО ГУМАНИЗМА К СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ

(Идейно-художественная эволюция ряда
польских писателей в 1945—1948 гг.)

Развитие польской литературы после 1945 г. определялось новыми общественно-политическими условиями, возникшими после разгрома немецкого фашизма и образования народной Польши. Наряду с политическими и экономическими преобразованиями перед народной Польшей встала задача создания новой социалистической культуры и литературы.

В польской литературной критике существует мнение о том, что создание социалистической культуры и литературы в стране, обсуждение проблем ее метода — это содержание культурного строительства периода 1949 — середины 50-х годов, а по отношению к 1945—1948 гг. можно говорить лишь о «предсоциалистической» или народно-демократической литературе. Такое расчленение единого процесса консолидации демократических литературных сил и становления социалистической литературы представляется искусственным. Хотя программные документы ППР в первые послевоенные годы говорят прежде всего о последовательной народной демократии, а не о социализме, в отличие от непосредственно политических и экономических постулатов социалистическая программа в сфере культуры и ее марксистско-ленинская мировоззренческая основа принципиально формулировались с самого начала. Об этом верно писали польские исследователи С. Жулкевский, З. Жабицкий, М. Стемпень [1—3]. З. Жабицкий, например, писал: «Вряд ли справедливо точное разграничение между двумя фазами в послевоенном развитии нашей левой культурной публицистики: фазой, в которой преобладала модель демократической революции в культуре, и фазой, в которой эта модель начинает приобретать социалистический характер» [2, с. 109].

Следует сказать, что проблемы социалистической литературы и ее метода, проблемы социалистической культурной революции были глубоко осмыслены польской марксистской литературной критикой еще в 20—30-е годы, в выступлениях Я. Гемпеля, С. Р. Станде, А. Ставара, В. Броневского, И. Фика, С. Бачиньского и др. [4]. Ими была сформулирована мысль о том, что кардинальные общественные преобразования требуют генеральной перестройки культуры и литературы, что процесс становления социалистической литературы в Польше, процесс формирования реализма нового типа — органический для польской литературы. В то же время этот процесс не является автоматическим, и одна из главных задач марксистской критики — всемерно бороться за дальнейшее развитие социалистической литературы.

Из этих традиций исходила польская марксистская литературная критика после войны. Социалистическая программа развития литературы формулировалась на страницах партийной печати, прежде всего общест-

венно-литературного еженедельника «Кузница» (1945—1950). Эта программа осуществлялась не только в творчестве таких писателей, как, например, В. Броневский или Л. Кручковский, создавших уже до войны яркие произведения социалистического реализма и продолжавших активно участвовать в послевоенном строительстве социалистической культуры. Идеино-эстетические ориентиры, выдвинутые марксистско-ленинской эстетической мыслью, социалистической литературой имели огромное значение и для писателей, переходивших в эти годы на социалистические позиции, либо развивавшихся в этом направлении.

Говоря о развитии литературы в Польше в первые послевоенные годы, надо учитывать сложную диалектику тесного взаимодействия социалистических и общедемократических тенденций, те возможности, которые предоставляла эпоха кардинальных перемен в жизни страны для проявления этих тенденций, часто выступающих в единстве. Творчество писателей-демократов, писателей-гуманистов, более или менее далеко отстоявших ранее от научного социализма, развивалось в эти, да и в последующие годы, под воздействием социалистических идей. Многие из них создали значительные произведения социалистического искусства, даже если социалистические идеи не всегда еще были усвоены органично, даже если впоследствии — в кризисные годы 1956—1957 и позднее некоторые писатели отошли от марксизма и социализма.

Характерным примером может быть творчество Е. Анджеевского. В первом послевоенном десятилетии Анджеевский оказался в рядах тех, кто активно участвовал в создании новой, реалистической и социалистической литературы. Преодолевая абстрактный гуманизм католического толка своего довоенного творчества (роман «Лад сердца» — 1938; в рассказах сборника «Ночь» — 1945) писатель попытался показать переживания поляков в годы гитлеровского террора. В этих рассказах новые нравственные конфликты, порожденные оккупацией — поведение человека перед лицом смерти, проблемы выбора между жизнью ценой предательства и сохранением чести ценой смерти — писатель решал еще в плане морального оправдания человека, подчинившегося инстинкту самосохранения. Но уже в романе «Пепел и алмаз» (1948), одном из лучших произведений польской послевоенной прозы, Анджеевский показал полную историческую и моральную правоту борцов за победу революции, выразил убеждение в том, что ложные идеалы превращают жизнь человека в пепел. В романе звучит мысль о зарождении в буре и хаосе переломных событий, в «пепле» отжившего строя — «алмаза», нового человека, строителя нового общества. Анджеевский отразил остроту классово-борьбы в освобожденной Польше и показал судьбы молодежи, вовлеченной в борьбу против народной власти. В центре романа — образ Мачека Хелмицкого, попавшего под влияние реакционной идеологии. Эта идеология отживающего подполья чужда Мачеку, он стремится вырваться из ее сетей, но трагически погибает. Защитникам обреченного мира Анджеевский противопоставил коммунистов, целеустремленных борцов за лучший общественный строй — и это было (несмотря на некоторый схематизм образа одного из главных героев романа — коммуниста Щуки) одним из немногих удачных изображений героя эпохи в послевоенной польской литературе.

В конце 40-х — начале 50-х годов Анджеевский много выступает как публицист, декларируя свою солидарность с марксизмом, культурной политикой партии, народной властью. Определяя тогдашние позиции некоторых писателей, он писал: «Польские писатели, правда, не все, но преобладающее большинство, встали на сторону революции. Сумели ли они заметить в ней первый шаг социалистической революции? — это другой вопрос. Большинство из них знало марксизм не лучше астрономии. Понимали ли они руководящую роль рабочего класса и партии в формировании нашей действительности? Видимо, зачастую они понимали эту роль не более, чем вагоны понимают, что их тянет паровоз» [5].

Эта характеристика может быть отнесена и к самому Анджеевскому. Его неопытное увлечение марксизмом оказалось поверхностным и

недолговечным. После 1956 г. под влиянием ревизионистских концепций писатель отходит от марксизма, обращается к разработке абстрактно понимаемых «вечных», «надклассовых» проблем совести и разума, свободы личности, власти как некоего неизбежного зла и т. п.

Подобного рода идейные колебания (присущие не только Анджеевскому, но и некоторым другим писателям) свидетельствуют, в частности, о том, что период освоения творческой интеллигенцией марксистского мировоззрения в послевоенной Польше был недостаточно продолжительным и не обошелся без ошибок, особенно в начале 50-х годов, когда идеологическая работа в области культуры часто подменялась администрированием, а принципиальная критика — вульгарно-социологическими проработками писателей. Однако это не может заслонить положительного смысла борьбы за новое качество национальной литературы в конце 40-х и в 50-е годы, за ее развитие по пути реализма и социалистического гуманизма и значительных художественных достижений на этом пути.

Радикализация сознания польской творческой интеллигенции — хотя это и не означало ее перехода в целом на социалистические позиции — наступила в годы войны. События военных лет дискредитировали в глазах подавляющего большинства писателей тип искусства, оторванного от насущных проблем жизни, поколебали прежние представления о гуманизме, нравственности, красоте, правовых нормах буржуазного общества, оказавшегося неспособным предотвратить разрушительную войну, противостоять мракобесию фашизма. Ю. Тувим в 1944 г., находясь в эмиграции в США, писал, например, о межвоенном двадцатилетии, годах существования буржуазного польского государства: «Чем больше я задумываюсь над событиями и духом этого периода — периода, в котором явно или скрыто доминировал Пилсудский — тем больше я удивляюсь тому, что мы, современники, позволили так одурманить себя, поддались угару, источаемому „романтическими флюидами“ Пилсудского. Признаюсь, что и я долгое время был в числе угоревших... Весь этот кадилльно-угарный вздор, весь этот провинциальный театр, лицемерие и притянутые за уши мифы, разумеется, рассыпались при первом столкновении с жизнью. Осталась пустота. Тогда ее начали заполнять весьма прозаическими „идеалами“ вроде великодержавности, могущественности, „оплота“, „оборонительного вала“ и тому подобных лозунгов, ведущих напрямиком ... к фашизму» [6].

После войны оживают и традиции аполитичности и «надпартийности» художественного творчества, буржуазно-анархического понимания свободы творчества. Но марксистско-ленинская теория, идейная программа ППР были в глазах интеллигенции наиболее привлекательными. И главное — мировоззренческая и эстетическая эволюция значительной части писателей определялась реальными общественными процессами.

Для многих писателей путь к социализму начинался с отрицания фашизма, с осмысления трагических уроков истории — сентябрьской катастрофы буржуазной Польши, гитлеровского террора в годы оккупации Польши, в «эпоху печей», с участия в патриотическом движении сопротивления. Разрушилось традиционное понимание истории, факторов общественно-политического развития, норм буржуазной морали и религии. Все это требовало переосмысления, идейной ревизии. Протест против фашизма и вера и надежда в обновление страны, в воспитание нового человека были характерны для умонастроения значительной части творческой интеллигенции в первые послевоенные годы. «Мы все стремимся к тому, чтобы человеку было лучше, теплее, свободнее. И несомненно, что теперь в Польше многим людям лучше, чем было, а будет еще лучше с каждым днем, с каждым годом» [7, с. 215] — писал в то время Я. Ивашкевич.

Крупнейший поэт современной Польши Тадеуш Ружевич так вспоминал о своем пути в те годы: «Исторический опыт, вынесенный мною из войны, оккупации, из непосредственного столкновения с гитлеризмом, фашизмом, толкал меня в направлении материализма, реализма, социализма, а не в направлении мистики. Выводы, сделанные мною из

этого опыта, формировали и мое поэтическое творчество» [8, с. 96]. Становление Ружеви́ча — поэта социалистического гуманизма показательным для развития послевоенной польской литературы.

Гнил я как порченный плод
ворох белых смердящих тряпок
изрезанный на голубые полоски
и шрамы.
Мне двадцать четыре года
я спасаю
сведенный на бойню.

(Перевод Вл. Бурича [9])

Это фрагменты из стихотворений первого поэтического сборника Ружеви́ча «Беспокойство», изданного в 1947 г. В них содержатся не только биографические сведения о поэте. В них приоткрывается главное содержание творчества Ружеви́ча первых послевоенных лет — постоянное осмысление биографии своего поколения, трагических лет второй мировой войны и гитлеровской оккупации Польши; по ним можно судить и о новаторской поэтике Ружеви́ча, для которой с самого начала были характерны суровость и сдержанность тона, простота и непосредственность высказывания, стремление приблизить поэтическую речь к прозаической, разговорной.

Уже первым сборником своих стихов Ружеви́ч выделился из поэтов своего поколения, привлек к себе внимание читателей и критики. Дело было не только в необычной форме стихотворений и актуально звучащей военной антифашистской теме. Поэзия Ружеви́ча выделялась присутствием поэту видением мира в морально-философском аспекте, необычайно интенсивным и устойчивым лирическим переживанием трагических для Польши лет, этической оценкой всех явлений и фактов повседневной жизни. Опустошения в человеческих душах, совершенные войной, моральная ответственность за судьбы человечества, ощущение тревоги и поиски выхода из разъединения людей в современном мире — эти основные темы творчества прозвучали уже в первых поэтических книгах Ружеви́ча и получили дальнейшее развитие в его последующих произведениях.

В творчестве Ружеви́ча, особенно раннем, преобладает тема войны, фашистских преступлений, крушения прежних культурных, эстетических, моральных ценностей и критериев. Представитель поколения «спасшихся в бойне» видел свою задачу в том, чтобы рассказать правду о годах гитлеровского террора, сеявшего смерть и растлевавшего души людей. На этом основании некоторые критики писали о том, что поэзия Ружеви́ча, как и других писателей его поколения, «заражена смертью». Против такого определения своего творчества справедливо выступил сам поэт. «Наше поколение, — писал он, — являло собой нечто совершенно противоположное. Это было поколение, зараженное жизнью. Мы вышли на бой, чтобы бороться со смертью, которую нес гитлеризм, и мы защищали свою жизнь, жизнь своих близких, честь и жизненные ценности» [10].

Уже первые произведения Ружеви́ча были пронизаны состраданием к человеческим мучениям и боли, желанием вернуть людям надежду, добро и красоту, веру в любовь. Эту задачу выполняет и все последующее творчество Ружеви́ча, в котором со временем все большее место занимает тема личности в современном мире, а память о военных годах выступает в новой функции: к ней восходят критерии нравственного максимализма в оценке поведения человека, она призвана противостоять моральному эгоизму ограниченного мещанского бытия; драматической полосой истории как бы проверяются сегодняшние представления о нравственных ценностях.

Ружеви́ч — поэт-моралист, но не в стершемся смысле этого слова. В его стихах нет назидательности, готовых рецептов и формул. Он воспринимает и оценивает людей, реальные события и факты с этической точки зрения, мерой ценности личности для него является ее отношение

к другим, к обществу. Установка Ружеви́ча на конкретность стиха, отрицание им всякой «заоблачности» и мистики в поэзии вызвали к жизни своеобразную оригинальную поэтику. Стих Ружеви́ча — свободный, безрифменный, избегающий метафор; движение стиха определяют логические связи значащих единиц текста. Сам поэт не раз говорил о том, что он считает метафоричность образа и музыкальность стиха ненужным поэтическим балластом, что для него поэтическое творчество уже в 40-е годы было «действие, а не писание красивых стихов» [8, s. 91].

Не следует дословно понимать деклараций поэта и говорить, как это делали некоторые критики, о его программной антипоэтичности, антиметафоричности, прозаизации поэзии. В них подчеркнута резко выражено стремление к правдивости и действенности поэзии, отрицание всякого поэтического украшательства и сомнение в том, сможет ли традиционное поэтическое слово вместить всю тяжесть жизненного опыта поколения, от лица которого выступает поэт.

Новаторская поэтика Ружеви́ча не рождалась, разумеется, на голом месте. Заметно отличаясь от поэзии предшественников, поэзия Ружеви́ча своеобразно синтезирует лучшие их достижения, в том числе экспериментально-поисковой (с точки зрения формы) поэзии польских авангардистов 20—30-х годов. Но было бы неверно возводить поэзию Ружеви́ча к авангардистским традициям. В отличие от авангардистов Ружеви́ч — поэт коммуникативный, доступный широкому читателю. Ружеви́ч так формулировал различия между своей поэзией и авангардистской: «Произведение должно бежать от создателя к читателю по прямой, не задерживаясь даже на наиболее пленительных с эстетической точки зрения стилистических остановках. Это является главным отличием моей поэтической практики от того, что сделали в польской поэзии авангардистские группы» [8, s. 99—100].

Решающим для перехода огромного числа писателей на сторону социализма оказался опыт социальных и культурных преобразований в народной Польше. В ходе перестройки всего уклада жизни, в ходе социалистического культурного строительства перестраивалось мировоззрение многих художников, рождался новый тип творческой личности — деятельного соучастника общественно-культурной жизни страны. Этому процессу способствовала политика ППР в области культуры. Роль проводника политики партии в области литературы выполнял еженедельник «Кузница». В выступлениях «Кузницы» подчеркивалась ответственность творческой интеллигенции перед обществом, необходимость тесной связи искусства с действительностью, участия художника в общественной борьбе на стороне прогрессивных сил, в культурной революции, осуществляемой в стране. Эта программа отвечала общественной потребности, настроениям большинства интеллигенции, приходившей к подобным выводам на основании анализа жестоких уроков истории. Можно согласиться с мнением польского исследователя Е. Коссака о том, что «борьба партии за победу марксистской мысли в области литературы и идеологии в первый послевоенный период совпала с глубокими переменами в писательской среде. Направление предлагаемых изменений, программа на будущее — все это соответствовало общественной потребности и убеждало людей, которые пришли к идентичным либо сходным выводам на основании собственного жизненного опыта. Редкий случай, когда литературная программа полностью отвечала требованиям жизни» [11, s. 59].

Краеугольным камнем эстетической программы марксистской литературной критики был реализм. На понимание сущности реализма значительное влияние оказали труды Д. Лукача, весьма популярного в те годы в Польше. Вслед за Лукачем польская критика отвергала так называемый «малый реализм», описание повседневности или индивидуальной психологии взятой внесоциально личности, склонность к натуралистическому изображению и противопоставляла ему «большой реализм» зарубежных и польских классиков реализма XIX в. Абстрактно-моралистической и психологической интерпретации отношений между людьми противопоставлялась историческая и социологическая. По характеристике Е. Коссака,

реализм для критиков «Кузницы» — «это не определенный комплекс стилистических средств. Реализм — это показ действительных связей, соединяющих людей в обществе и управляющих их жизнью. Речь шла о том, чтобы в поступках человека открыть действие истории... Единственные позитивные нормы, которые выдвигались в то время критикой, — это идейность, правда и коммуникативность» [11, с. 110—111].

Поворот массы писателей к реализму органически вытекал из всей тогдашней общественно-литературной действительности. «Мы приветствуем каждого, — писал К. Выка в 1945 г. в статье „Трагичность, насмешка, реализм“, — кто без трагичности и насмешки сумеет выразить правду времени. Трудная задача сегодняшней польской прозы — это общая задача, и нельзя отвергать тех, кто начинал свой путь из другого пункта, а сегодня находится на распутье. Реализм ожидает всех» [12].

Именно на волне борьбы за реализм, в атмосфере осознания писателями своей ответственности перед обществом, стремления участвовать в возрождении страны и строительстве новой жизни меняется мировоззренческая ориентация многих писателей, происходят принципиальные изменения в их творческом методе. Процесс перехода прогрессивных писателей на позиции социалистической литературы, совершившийся и ранее, в довоенные годы, необычайно усилился. Это было органичное движение в писательской среде, поддерживаемое партией. ППР проводила открытую, но принципиальную культурную политику, оказывала кредит доверия писателям, не ограничивая их в поисках средств художественного выражения, выступая за «полную и нестесненную свободу поисков, полемик, споров, многообразие направлений» [13, 1945, № 4/5].

«Кузница» видела перспективу развития польской литературы в социалистическом реализме. Хотя работы о социалистическом реализме на ее страницах появляются лишь с марта 1947 г., теоретические положения, совпадающие с принципами социалистического реализма или близкие им, формулировались там с самого начала [14]. Они касались не таких эстетических вопросов, как положительный герой, проблемы поэтики, современность тематики и т. п., а новых общественных функций литературы, ее связей с политикой, с актуальной классовой борьбой. Ошибки критиков «Кузницы» заключались в сглаживании качественного различия социалистического реализма и реализма литературы прошлого, а также в требовании «социологической конструкции человеческой судьбы» и неприязни к психологизму во всех его проявлениях (унаследованной, впрочем, от марксистской критики 30-х годов). И все же можно согласиться с Зб. Жабицким, который писал: «Это было совсем немало. Этой общей программой и сегодня трудно отказать в исторической правоте... Реализм, если он хочет быть самим собой, в самом деле не может отождествляться с экспрессионизмом, сюрреализмом или психологическим романом в духе Генри Джеймса или Вирджинии Вульф... Но он должен уметь использовать их опыт так, как из опыта экспрессионизма черпал Брехт, из опыта сюрреализма — Арагон, из опыта психологизма — Горький как автор „Жизни Клима Самгина“» [2, с. 199].

В споре о реализме и авангардизме, актуальном и сегодня, многие критики «Кузницы», полемизируя с философско-эстетическими основами различных авангардистских течений, признавали их художественный опыт и возможность использования его реалистическим искусством и избегали прямого противопоставления Лукача: реализм — авангардизм. «Нельзя, — писал в 1947 г. С. Жулкевский, — демагогически, якобы во имя общественной пользы, ограничивать творческую свободу художника, если речь идет о выборе средств выражения, их композиции, окраске — обо всем, что в рамках одного художественного мировоззрения определяет индивидуальные различия между писателями» [13, 1947, № 37].

Однако на практике, в конкретных литературно-критических статьях и рецензиях дело выглядело часто иначе. Нетерпеливые критики в своем стремлении к «большому» реализму, к насыщению произведений актуальным идеологическим и политическим содержанием допускали серьезные ошибки догматического и сектантского толка. Они упустили из виду не-

обходимость сохранения творческих связей в творчестве писателя, недооценивали значения личностной проблематики в творчестве предвоенных писателей так называемого «психологического реализма», достижения демократических писателей в области художественной техники. Проявления догматизма и вульгарного социологизма встречались и в рассматриваемые годы, они не являются исключительной привилегией более позднего периода, после Щецинского съезда польских писателей в 1949 г., когда социалистический реализм стал официальной программой польской литературы.

Так, например, с трудом завоевывало признание у марксистской литературной критики в те годы творчество Я. Ивашкевича, большого художника, могучий талант которого расцвел в народной Польше. До войны Ивашкевич не занимал общественно-активной позиции, но его психологическая проза противостояла растущим тенденциям дегуманизации искусства. В послевоенные годы Ивашкевич принимает деятельное участие в общественной жизни страны, в движении защитников мира.

По вопросу о методе вовлечения писателей в строительство народной Польши Ивашкевич (и возглавляемый им еженедельник «Новины литератке», 1947—1948) — в отличие от «Кузницы» — считал, что необходимо уважать специфику творчества каждого писателя, требовал понимания того, что процесс изменения художественного сознания нельзя ускорять искусственно — это может отрицательно сказаться на искренности и органичности перемен в художественном творчестве. «Нравственность писателя, — писал Ивашкевич в 1947 г., — я вижу в верности самому себе. А писатель, остающийся верным самому себе и выражающий полную правду о человеке, выполняет свое общественное назначение... У нашей современной литературы много достоинств. Одно из основных я вижу в том, что она не отрывается от своих корней» [15].

Ивашкевич защищал и свое, как показала история, верное понимание законов развития искусства, и свои произведения того времени. В рассказах сборников «Новая любовь и другие рассказы» (1946) и «Итальянские новеллы» (1947), написанных по большей части в годы войны, как и в произведениях 30-х годов, Ивашкевича занимали коренные нравственные и философские проблемы человеческого бытия, воплощенные писателем в пластических, психологически точных образах созданных им героев. Критикам Ивашкевича казалось, что его произведениям недостает злободневности, актуального политического начала. В них действительно не было политических деклараций, но именно творчество Ивашкевича наиболее соответствовало одному из главных постулатов марксистской критики — необходимости интеллектуализации новой польской прозы.

Произведения Ивашкевича критиковались поэтому со всеми возможными оговорками, с признанием незаурядного таланта писателя и его значительных художественных достижений. С. Бруч писал, например, в «Кузнице» об «Итальянских новеллах»: «Трудно было бы требовать от Ивашкевича, чтобы сегодня, когда все более полно осуществляются творческие возможности писателя, он отказался от навыков эстетического скептицизма и релятивистского мышления, пиши, всосанной с молоком первых литературных нянек. Надо понять, что его развитие приходится на период межвоенного двадцатилетия, когда, как в каждом периоде общественного застоя, эстетизм был для писателя единственным убежищем, когда в эволюции формы можно было искать заменитель прогресса. Ныне такое убежище уже не нужно, но художественные достижения Ивашкевича вошли в историю польской литературы благодаря ясности стиля, достоинствам композиции, литературной культуре, проникающей его гармоничную прозу» [13, 1948, № 12].

Как бы предвосхищая упреки критиков, в предисловии к «Итальянским новеллам» Ивашкевич писал о них: «Здесь нет никакого ухода от действительности и страусиного прятания головы в песок, а есть лишь возврат к тем вечным ферментам нашей жизни, которые всегда будут актуальными. Именно тогда, когда безрассудство и жестокость затмевали людям истин-

ную правду, я старался говорить о том, что в нашей жизни вечно, из чего проистекает наша подлинная человечность» [16].

Последующее творчество Ивашкевича, пронизанное социалистическим гуманизмом, неразрывно связанное с лучшими национальными художественными традициями, существенно обогатившее литературу социалистического реализма, доказало верность избранного писателем пути. Во всем его послевоенном творчестве пристальное внимание к коренным вопросам человеческого существования сочетается с проникновением в сущность новой, социалистической действительности, предоставляющей небывалые возможности для расцвета личности.

Говоря о факторах, способствовавших идейной и творческой эволюции польских писателей-гуманистов в 1945—1948 гг., следует назвать и такой важный фактор, как интернациональный опыт советской литературы, знакомство с которой польских литераторов значительно расширилось в послевоенные годы. О значении этого опыта для польской литературы прекрасно сказал Т. Бреза: «У каждого народа есть своя культурная традиция и свои источники творческого вдохновения. Однако в раздумьях над человеком, над его судьбой, в поисках счастья на земле мы всегда были ближе к русской литературе, чем к западной. И трудно сегодня создавать польскую литературу без глубокого знания социалистической советской литературы» [17].

Многообразная советская литература давала и яркие примеры изображения того, как русская интеллигенция включалась в строительство нового общества в Советской России. Аналогичная проблема стояла перед польской интеллигенцией (и перед литературой). Не случайна в эти годы популярность трилогии А. Толстого «Хождение по мукам», о которой Ивашкевич писал в 1948 г., что она «является громадной картиной перелома, наступившего в русской интеллигенции в результате революции... Сцены гражданской войны, нарисованные с большей страстью и меньшим эпическим спокойствием, чем в „Тихом Доне“ Шолохова, навсегда остаются в памяти» [7, с. 89].

В бурном послевоенном старте польской литературы в 1945—1948 гг. участвовали писатели разных творческих поколений и индивидуальностей. Получившие признание в межвоенном двадцатилетии такие писатели, как З. Налковская и Я. Ивашкевич, вступившие в литературу в 30-е годы Е. Анджеевский, Т. Бреза, дебютанты послевоенных лет Т. Боровский, Т. Ружевиц, С. Дыгат, В. Жукровский, К. Филипович, Т. Голуй — ныне широко известные мастера слова.

Ряд писателей публикует в эти годы романы автобиографического плана о попытках выходца из буржуазной интеллигенции порвать с прежним замкнутым миром, выйти на широкую жизненную дорогу, найти пути сближения со своим народом. Написанные на разном сюжетном материале, в разных художественных манерах, книги эти, ставшие своеобразной «исповедью сына века», получили в тогдашней критике название «литература интеллигентских расчетов». Критическая оценка прошлого была необходима: она отражала глубокие и плодотворные сдвиги в сознании той части интеллигенции, которая переживала трудный и постепенный процесс освобождения от пут индивидуалистического буржуазного мировоззрения.

Так начинал, например, свой путь в литературе С. Дыгат. Если в его первом романе «Боденское озеро» (1946) позиция героя-повествователя еще не приводила к определенному социальному выбору, ограничивалась язвительным осмеянием той среды, в которой сформировался герой, представитель буржуазной интеллигенции, то уже в романе «Прощание» (1948) и последующем творчестве писателя герои Дыгата, терзаясь разладом между своими ложными представлениями о себе и людях и реальным миром человеческих отношений, становятся в конце концов на трудный путь духовного возмужания.

Всей внутренней логикой повествования герои «Прощания» подводятся к осознанию бесплодности пассивной, созерцательной позиции и необходимости решительного выбора в пользу подлинных гуманистических ценностей, активного включения в новую жизнь.

Путь Я. Ивашкевича или С. Дыгата к социалистическому гуманизму — не исключение. Можно привести много других примеров изменения художественного сознания в условиях строительства социализма — оно происходило в творчестве таких крупных художников, как Ю. Тувим, Т. Бреза, З. Налковская, К. И. Галчиньский, М. Домбровская и др.

Сложный путь от довоенной психологической прозы (роман «Адам Гривальд», 1936 и др.), в которой моральные конфликты решались на основе бихевиористской философии, в отрыве от социальной действительности, прошел Т. Бреза. В 1946—1949 гг. он издал панорамный политический роман (дилогия «Степы Иерихона» — 1946, «Небо и земля» — 1949) о жизни правящих кругов буржуазной Польши, приведших страну к катастрофе, а затем обратился к изображению новых людей, новых конфликтов послевоенной польской действительности с позиций убежденного сторонника социалистических преобразований. В романе «Валтасаров пир» (вышедшем уже в 1952 г.) писатель ставил своей задачей «показать борьбу, трудовой ритм, устремление всего сильного и здорового к свету» [18, с. 576], изменения в отношении к труду героя романа — интеллигента, ищущего свое место в жизни. Трудности освоения нового для литературы материала были немалые. Даже такому опытному писателю, как Бреза, не удалось избежать схематизма. Во многом это было связано с сознательной установкой писателя описать события, «звучание которых должно быть однозначным», «ограничить до минимума всякий комментарий, всякую рефлексию, ибо если известная поговорка о том, что факты говорят сами за себя имеет смысл, то именно по отношению к таким эпохам, как та, которую я описываю... Это годы усиления классовой борьбы» [18, с. 575].

Обращение Брезы, как и других писателей, к новой жизни страны отражало объективные условия развития народной Польши и искреннее стремление большинства писателей запечатлеть процесс преобразования страны, деятельно участвовать в нем. Иначе говоря, это обращение явилось органическим следствием общественно-политического и культурного развития. Другое дело, что писателям тогда (да и позднее) часто не хватало зоркости в наблюдениях над жизненными противоречиями, не всегда очевидными и легко схватываемыми, что усилившиеся в начале 50-х годов попытки командования писателями и «подталкивания» их к утилитарно-дидактическим художественным решениям наложили на произведение о современности дополнительную печать схематизма.

Идейно-художественная эволюция была в творчестве Брезы результатом глубоких преобразований во взглядах писателя на мир, напряженной работы мысли, стремившейся постичь законы истории и определить место художника в ней. Сам писатель так рассказывал об этом: «По поводу мировоззрения я всегда думал о себе на худшем образе. Я был прогрессивным, демократичным, сочувствующим. Но прежде всего я был человеком искусства, по убеждению интеллектуалистом, то есть придерживался принципа, что правду того или иного человека надо прежде всего понять, а судить о ней следует крайне осторожно. Тем временем одни „правды“ подождли мир, другие — погасили пожар. Оказалось, что в союзе с носителями той, другой правды и неприятия „правды“ первых гораздо больше здравого смысла, чем во всем моем интеллектуализме. Смысла больше, но это еще не означало, что больше и пользы. Я стал много читать и ревизовать свои взгляды, спорить сам с собой. И вновь, и вновь пришлось бороться с самим собой, преодолевать сопротивление интеллектуального объективизма» [18, с. 702]. Бреза рассказывает, как непросто расставался он с привычными философскими формулами типа тезиса Сореля о том, что «тот, кто хочет слиться с массой, должен быть готов к пожертвованию своей правды и своего знания, должен быть готов к *sacrificium intellectus*» (к жертве разума в пользу веры). «А ведь понимание теории, — продолжим цитату из высказывания писателя, — для художника еще не все. Какие-то принципиальные вопросы я понял, осознал. Проблемы собственного я, проблемы своей страны, человека, искусства. Прекрасная это вещь — понимание. Жаль только, что для писателя от понимания мало пользы

без материала. Что же это за материал? Жизнь! Та, что вокруг. Она совсем другая, нежели та, в которой я воспитывался. Произошли изменения в условиях всякого труда, произошли они и в моей творческой мастерской. Все переменялось. Появилось множество новых явлений... Человек теперь, как и всегда, будет по-прежнему главным героем нашего искусства. А то, что он стал новым? А разве мы также в значительной степени не стали новыми?» [18, s. 704—705].

Приведем и еще один яркий пример эволюции — эволюции от скептического-анархического мирозерцания к социалистическому гуманизму, которую проделал замечательный поэт К. И. Галчиньский. В послевоенные годы Галчиньский находит идейную и моральную опору, которую он тщетно искал до войны (в том числе в католицизме), в созидательном труде народа, которому он «отдает свою лиру».

В 1946—1950 гг. Галчиньский печатает сатирические сценки («Зеленый гусь»), в которых высмеивал мещанина, раба предрассудков, носителя отжившей морали, тупо ненавидящего новое, мифологизирующего прошлое. Безжалостно развенчивает поэт миф довоенной польской интеллигенции о ее «надклассовой» роли и особой исторической миссии, разоблачает ее снобизм, консерватизм мышления, вкусов и обычаев, пренебрежение к людям физического труда. В то же время Галчиньский писал и лирические стихотворения, также весьма популярные у читателей. И хотя образный реквизит в послевоенной лирике поэта остается как будто все тем же, что и раньше, поэт уже не провозглашает необходимости бегства от действительности, а наоборот, стремится навстречу новой жизни и посвящает ей свое умение мастера, искусство поэтического «чародея», «органиста и пиротехника». В стихотворении «Перед Мавзолеем Ленина» (1948) поэт подводит итоги пройденного пути и наново формулирует задачи своей поэзии:

Буду сильным — клянусь я над гробом его,
Превращу перо в луч, разгоняющий тени.
Новый век начался. А два слога всего:
ЛЕНИН.

(Перевод М. Жисова)

Поэтическое освоение новой тематики давалось Галчиньскому нелегко. Художественный уровень стихотворений этих лет очень неровный. «С большей, чем когда-либо радостью, я берусь сегодня за перо, — писал поэт в 1950 г. — Но и трудностей больше, чем когда-либо». Сложившийся поэтический стиль, характер образности вступали подчас в противоречие с идейным замыслом некоторых стихотворений. Не избежал Галчиньский также иллюстративности и риторичности — частой болезни в польской поэзии тех лет. Но чаще энтузиазм и талант поэта спаивали воедино различные элементы стиха и возникали прекрасные произведения, непреодолимые образцы социалистической лирики [19].

Находились, однако, догматические критики, которые, с одной стороны, не хотели верить в искренность поэта, памятуя о его прежних консервативных общественных позициях, с другой — считали, что реализм не допускает гротеска и пародии, этих неотъемлемых компонентов оригинального стиля Галчиньского. Они обвиняли поэта в политической неустойчивости, а «Зеленого гуся» называли «мещанской канарейкой, которой надо скрутить голову». Конечно, сегодня такого рода инвективы по поводу талантливого поэта социализма смешны, но все это лишний раз свидетельствует о трудных путях становления социалистической литературы и является поучительным уроком для наших сегодняшних размышлений о границах метода социалистического реализма.

Опыт литературного развития в Польше в 1945—1948 гг., процесс идейно-художественной эволюции многих демократических писателей в сторону социализма имеет огромное историко-литературное и теоретическое значение. Опыт этот показывает, что социалистический реализм складывался не как набор норм и предписаний, а как осмысление художника

в разнообразных художественных формах действительности в свете социалистических идеалов. Он показывает органичность прихода к социалистическому реализму многих польских писателей, стоявших на позициях общественного прогресса и принявших социалистический путь развития страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Żółkiewski S.* O polityce kulturalnej PPR w latach 1945—1948. In: Przepowiednie i wspomnienia. Warszawa, 1963.
2. *Zabicki Zb.* «Kuźnica» i jej program literacki. Kraków, 1966.
3. *Stępień M.* Program literacki «Kuźnicy» — Ruch Literacki, 1964, № 4.
4. *Хорев В. А.* Становление социалистической литературы в Польше. М., 1979.
5. *Andrzejewski J.* Partia i twórczość pisarza. Warszawa, 1952, s. 126.
6. Nieznana korespondencja J. Tuwima z działaczem robotniczym (1942—1944), oprac. L. Dubacki. Archiwum ruchu robotniczego, I. Warszawa, 1973, s. 346.
7. *Eleuter.* Listy do Felicji. Warszawa, 1979.
8. *Różewicz T.* Przygotowanie do wieczoru autorskiego. Warszawa, 1977.
9. *Ружевич Т.* Избранная лирика. М., 1980, с. 8, 10.
10. *Ружевич Т.* О поэзии, театре и критике.— В кн.: Поиски и перспективы. Литературно-художественная критика в ПНР. М., 1978, с. 284.
11. *Kossak J.* Kultura, pisarz, społeczeństwo. Warszawa, 1964.
12. *Wyka K.* Pogranicze powieści. Warszawa, 1974, s. 29.
13. Kuźnica.
14. *Żółkiewski S.* Przepowiednie i wspomnienia. Warszawa, 1963, s. 348.
15. *Koźniewski K.* Historia co tydzień. Warszawa, 1977, s. 240.
16. *Iwaszkiewicz J.* Nowele włoskie. Warszawa, 1947.
17. *Sokorski W.* Historia i aktualność.— Miesięcznik Literacki, 1973, № 5, s. 51.
18. *Breza T.* Notatnik literacki. Warszawa, 1956.
19. *Хорев В. А.* Константин Ильдефонс Галчинский.— В кн.: Писатели народной Польши. М., 1976.

БОЛГАРИЯ НА НОВОМ ЭТАПЕ ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

(К 40-летию социалистической революции в Болгарии)

9 сентября 1944 г. болгарский народ под руководством Болгарской рабочей партии, используя благоприятную обстановку, сложившуюся в результате победоносного наступления Советской Армии на фронтах Отечественной войны и, в частности, на Балканах, сверг монархо-фашистскую диктатуру. В истории Болгарии начался новый период — страна вступила на путь глубоких демократических и социалистических преобразований. На этом пути в ходе строительства социализма болгарскому народу пришлось решать весьма сложные проблемы. В докладе на V съезде БКП в декабре 1948 г. руководитель Болгарской коммунистической партии и болгарского социалистического государства Георгий Димитров поставил перед народом задачу исключительной важности — в кратчайшие сроки ликвидировать отставание Болгарии, прежде всего в экономической области, «добиться в течение 15—20 лет того, на что другим странам и в других условиях потребовалось целое столетие» [1].

Решение этой задачи весьма осложнялось тем обстоятельством, что начинать приходилось чуть ли не с нуля. Капитализм оставил после себя довольно скудное наследство. Болгария, — говорил Г. Димитров, — страдала как от капитализма, так и от недостаточного его развития. Экономика страны носила аграрный характер. Важнейшие отрасли промышленности были развиты слабо или отсутствовали совсем. Об отсталости болгарской экономики и, в частности, металлообрабатывающей промышленности, говорит тот факт, что даже гвозди ввозились из-за границы [2, с. 16].

В сельском хозяйстве главными орудиями производства были соха и мотыга. Преобладающая часть крестьянских хозяйств не имела даже плугов [2, с. 26]. Урожайность сельскохозяйственных культур была низкой. Средний сбор пшеницы составлял в 1934—1939 гг. 12,5 ц с га, кукурузы — 11,8 ц с га [2, с. 27]. В структуре экспорта, как в зеркале, отражался аграрный характер экономики страны. В 1939 г. сельскохозяйственная продукция составляла в болгарском экспорте около 94% [2, с. 22].

Болгарский народ успешно выполнил завет Г. Димитрова. Важную роль в этом сыграл Апрельский пленум ЦК БКП 1956 г., принявший курс на ускоренное развитие экономики.

Самоотверженный труд народа под руководством партии дал плодотворные результаты. Достигнуты поразительные успехи. Болгарская экономика коренным образом преобразилась. Ныне в Болгарии только машиностроительных предприятий более 150, и они в состоянии произвести почти любую машину, инструмент, аппарат. В частности, запущенный в 1981 г. спутник «Болгария-1300» был целиком оснащен аппаратурой, произведенной на 70 болгарских предприятиях. Производство космических приборов свидетельствует о высокой технической зрелости страны. Болгар-

ская промышленность выпускает и многое другое — электронно-вычислительные машины, автоматические телефонные станции, металлорежущие станки с программным управлением и т. д. Что касается объема промышленного производства, то он увеличился в 1980 г. по сравнению с 1934 г. в 74 раза ¹.

Значительные успехи достигнуты и в сельском хозяйстве. Урожайность пшеницы и кукурузы повысилась в период 1976—1980 гг. примерно втрое по сравнению с довоенным уровнем [4, с. 271]. Производство сельскохозяйственной продукции в целом выросло в 1980 г. в сравнении с 1944 г. в 2,5 раза, хотя число работников, занятых в сельском хозяйстве, сократилось за этот период втрое. Вместе с развитием экономики, индустриализацией страны коренным образом изменилась структура экспорта. Ныне на долю промышленной продукции приходится 96% экспорта, в том числе машины и оборудование занимают 47%, а только электротехника — 11% [5, № 10, с. 45].

Резко повысилась за годы народной власти благосостояние народа. По данным обследования, проведенного в 1934—1935 гг., потребление сахара в рабочих семьях составляло всего 2,05 кг на человека в год, в 1982 г. — 35 кг в год [6; 7, 1983, 29 I]. Мяса в Болгарии потребляется в среднем на душу населения 69 кг в год. До освобождения страны в 1944 г. легковыми автомашинами в Болгарии обладали только богачи. В 1982 г. на каждые сто семейств приходилось 32 легковых машины [7, 1983, 29 I]. Быстрыми темпами растут доходы населения. В 1982 г. средняя заработная плата рабочих и служащих составила 197 левов (1 лев = 1,05 рубля по курсу неторговых платежей), минимальная зарплата 100 левов [7, 1983, 14 II]. Весомым вкладом в семейный бюджет являются значительные надбавки на детей — ежемесячные и одновременно. Так, при рождении первого ребенка родителям выплачивается 100 левов, второго — 250, третьего — 500 левов. Ежемесячно семья получает на первого ребенка — 15, на второго — 40 и на третьего — 85 левов [8].

Многое сделано в Болгарии для улучшения пенсионного дела (размер пенсии составляет от 55 до 80% зарплаты за 3 последних года) [9]. Существует постоянно действующая комиссия, которая периодически пересматривает размеры пенсий в сторону их повышения. Большие льготы предоставляются женщинам по уходу за ребенком.

Успешно решается жилищный вопрос. В 1982 г. на каждого жителя страны в среднем приходилось 15,4 м² жилой площади [10, № 3, с. 8]. Поставлена задача: в 1985 г. обеспечить каждую семью отдельной квартирой, а в 1990 г. — каждого члена семьи отдельной комнатой.

Огромные средства расходуются государством на образование, медицинское обслуживание, организацию отдыха трудящихся, повышение их культурного уровня, развитие спорта.

В целом уже в 70-х годах Болгария по производству промышленной продукции и национального дохода на душу населения превзошла некоторые страны содружества ².

Большую помощь Болгарии в развитии ее экономики и культуры, повышении благосостояния народа оказал Советский Союз. При техническом содействии СССР в НРБ построено около 220 крупных предприятий и других объектов, которые производят около 80% всей промышленной продукции страны, в том числе почти 100% черных и цветных металлов, нефтехимии, судов, 70% электроэнергии, химической продукции, цемента, целлюлозы и т. д. Более 120 объектов строится [7, 1982, 23 VIII, 1983, 18 III]. Для оказания помощи в монтаже и наладке оборудования в Болгарию было командировано 16 тыс. советских специалистов [7, 1982, 20 VI]. СССР предоставил Болгарии более 7000 комплектов технической документации, в основном безвозмездно. По подсчетам болгарских экономистов только до 1979 г. Болгария сэкономила в результате этого 1,5 млрд

¹ Подсчитано по [3].

² Рассчитано по [11].

руб. [12]. Советский Союз в 1967 г. предоставил Болгарии право заготовки леса в Коми АССР [13].

Советский Союз сыграл важную роль в создании кадров болгарской интеллигенции. К 1979 г. более 5000 студентов закончили советские вузы. Около 2000 человек защитили в СССР кандидатские и докторские диссертации [14]. Несколько тысяч болгарских специалистов прошли стажировку на советские предприятия и в научно-исследовательских институтах.

Болгарские друзья высоко оценивают советскую помощь. «Мы не можем представить себе развитие Болгарской коммунистической партии, — писал Генеральный секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного совета НРБ Т. Живков, — не можем себе представить развитие Народной Республики Болгарии, строительство социализма и коммунизма в нашей стране без Советского Союза, без творческого применения его всемирно-исторического опыта, без братской дружбы и сотрудничества с СССР» [15, т. 21, с. 463].

В последние годы Болгария принимает активное участие в строительстве ряда предприятий на территории СССР, в частности, газопровода «Союз», вступившего в строй в 1978 г., Усть-Илимского и Архангельского целлюлозно-бумажных комбинатов, Киембаевского асбестового комбината, нефтяных и газовых предприятий в Тюмени, Сургуте, в Небит-Даге (Туркмения), Оренбурге, железорудных и горнообогатительных комбинатов в районе Курской магнитной аномалии.

Всего в СССР, не считая леспромпхозов на территории Коми АССР, где болгарские лесорубы заготавливают лес для Болгарии по особому соглашению, трудятся на 30 объектах тысячи болгарских специалистов и рабочих [12].

Весьма активны торговые связи между двумя странами. СССР поставляет в Болгарию в больших количествах оборудование, машины, а также сырье и топливо (нефть, газ, железную руду, прокат черных металлов, кокс, уголь, древесину, хлопок и т. д.), причем нефть, например, по ценам на 30—35% ниже мировых [16].

В условиях, когда БКП взяла курс на переход от экстенсивного к интенсивному развитию производства, на повышение качества продукции, в условиях развертывания научно-технической революции, активизации участия Болгарии в международном социалистическом разделении труда, быстрого расширения ее экономических связей со всем миром существующая система управления производством не отвечала новым возросшим требованиям. Она по выражению Генерального секретаря ЦК БКП, Председателя Государственного Совета НРБ Т. Живкова «исчерпала свои возможности, сыграла свою роль» [15, т. 12, с. 391].

В связи с этим БКП приступила к разработке более эффективных форм управления. Контуры нового экономического подхода, нового механизма управления были очерчены уже на Июльском пленуме ЦК БКП в 1968 г. В течение примерно 11 лет он постепенно разрабатывался, с 1979 по 1982 г. опробовался в порядке эксперимента, а с 1 января 1982 г. введен повсеместно. Новый экономический подход, как его охарактеризовал Т. Живков, это целая комплексная система экономических средств, форм и механизмов воздействия и регулирования, которые наиболее полно и целиком охватывают управление и планирование, производство и распределение [7, 1982, 24 I; 17].

Сущность нового метода заключается в том, что строительство социализма осуществляется при более строгом учете экономических законов и требований. Это означает широкое внедрение хозрасчета и самоокупаемости, тесную увязку заработной платы с результатами хозяйственной деятельности. Внедрение новой экономической системы потребовало внесения изменений и в механизм экономического управления. Было установлено более оптимальное соотношение между централизмом и самостоятельностью предприятий. Основой руководства экономической является централизованное начало, освобожденное от бюрократизма и мелочной опеки над предприятиями. Государство руководит хозяйственной деятельностью, но не непосредственно, а через трудовые коллективы.

Министерства контролируют главным образом развитие отрасли, а не отдельных хозяйственных организаций. Они утверждают обязательную номенклатуру и ассортимент продукции, устанавливают Государственным хозяйственным организациям (ГХО) план на нижней границе их возможностей, но не вмешиваются в их оперативную деятельность. Последние наделяются более широкими правами. Они разрабатывают встречные планы с учетом имеющихся резервов и могут производить любую продукцию сверх плана и вне плана, если это обеспечивает экономический эффект и более полное использование производственных ресурсов. Полученная при этом дополнительная продукция свободно реализуется на внутреннем рынке — через государственную торговлю или через собственные специализированные торговые подразделения и фирменные магазины и на внешнем рынке — через Министерство внешней торговли, через внешнеторговые организации нескольких ГХО или через собственное, подчиненное ей внешнеторговое предприятие.

В этих условиях повышается материальная заинтересованность ГХО, расширяются возможности для производства той продукции, которая необходима рынку, населению, пользуется спросом и находит сбыт.

При новой системе усиливаются межпроизводственные связи и непосредственные связи производителей с рынком. Комбинаты, ГХО, Аграрно-промышленные комплексы (АПК) не только могут, но и обязаны вступать в договорные отношения с поставщиками и потребителями, определять свои потребности в сырье, материалах, топливе, энергии, изучать конъюнктуру рынка, организовывать процессы снабжения, сбыта, торговую деятельность на внутреннем и внешнем рынках.

Для осуществления внешнеторговых операций в рамках Национального аграрно-промышленного союза функционируют Управление международного сотрудничества и Управление координации внешнеторговой деятельности, а также восемь специализированных внешнеторговых организаций³.

Серьезные коррективы внесены в систему планирования. В централизованном плане отражается лишь минимальное число показателей, в частности: объем реализации готовой продукции в натуральном выражении, объем чистой продукции (т. е. за вычетом овеществленного труда); валютные поступления от экспорта продукции; лимиты на снабжение основными материалами, сырьем, топливом, электроэнергией, лимит на импорт материалов и оборудования, лимит на общую численность персонала.

Не включаются ныне в централизованный план такие в прошлом обязательные элементы как производительность труда, себестоимость, прибыль, фонд заработной платы, капитальные вложения. Эти и некоторые другие показатели разрабатываются самими хозяйственными организациями.

В целях укрепления финансовой базы предприятий и аграрно-промышленных комплексов запрещается изъятие большей части их средств в централизованные фонды объединений, комбинатов, окружных аграрно-промышленных союзов и Национального аграрно-промышленного союза. Хозяйственные организации получили право самостоятельно распоряжаться своими фондами «Расширения и технического совершенствования», «Резервным», «Валютным», социально-бытовых и культурных мероприятий.

При новом экономическом подходе значительно повышается ответственность за выполнение договорных обязательств и кооперированных поставок. В прошлом срыв поставок порождал неритмичность в работе предприятий и как следствие этого простои, авралы, штурмовщину.

При этом предприятия-нарушитель не несло особого ущерба, так как возлагавшиеся на него штрафы компенсировало, как правило, за счет получения штрафов со своих поставщиков, также не выполнявших своевременно обязательств. Ныне предприятие-нарушитель должно полностью

³ «Булгартабак», «Булгарплодекспорт», «Винимпекс», «Родоимпекс», «Храпекспорт», «Семена и посадочный материал», «Рибно стопанство» и «Агрокомерс».

возместить весь ущерб, причиненный заводу-получателю в результате срыва поставок, при чем не только суммарную стоимость произведенной в связи с этим продукции, но и прибыль, которая была бы получена от ее реализации. При новом положении санкциям подвергаются как хозяйственные организации, так и их руководители персонально.

При новой системе зарплату не получают, а зарабатывают. Никто не гарантирует зарплату работнику, если он трудится плохо. Размер ее выясняется лишь после того, как реализована продукция, выплачены отчисления в бюджет государства, погашена задолженность банку, выполнены все финансовые обязательства перед поставщиками и другими организациями, выделены необходимые средства в фонды предприятия и т. д. Таким образом, зарплата становится остаточно-результативной величиной.

На государственный бюджет отныне предприятия рассчитывать не могут. Если собственных средств не хватает, должны быть сокращены расходы, в том числе и фонд заработной платы. Это побуждает коллектив повышать эффективность производства, поднимать производительность труда, внедрять технические достижения, поддерживать тесную связь с наукой, изучать спрос покупателей, повышать качество продукции.

Главной формой организации труда становится комплексная бригада, действующая на основе полного хозяйственного расчета. При этом все члены бригады зависят друг от друга, каждый заинтересован в том, чтобы все работало хорошо. Это ведет к повышению сознательности, дисциплины, формированию нового отношения к труду.

На хозяйственный расчет переводятся все научные учреждения прикладного характера, все технические станции. Их содержание и зарплата сотрудников зависят исключительно от экономического эффекта, полученного от внедрения новых машин и технических усовершенствований [5, № 8, с. 30; 7, 1982, 19 I; 18].

Новая экономическая система введена повсеместно и действует пока только два года. Но и за этот срок она, судя по данным болгарской экономической и партийной печати, показала свою результативность. Созданы дополнительные возможности для развития инициативы трудовых коллективов и всех трудящихся, повысились эффективность и качество работы, ускорилась реализация продукции, укрепилась договорная система, увеличилось производство товаров и услуг, стало более ритмичным производство. «Новый экономический подход и новый экономический механизм, — подчеркнул Председатель Совета Министров НРБ Г. Филипов, основываясь на результатах экспериментирования, — оказался более эффективным, чем все подходы и механизмы, которые имели место за последние 15 лет. Это наша большая победа» [7, 1982, 15 I].

Аналогичные задачи решала Болгарская коммунистическая партия и в сельском хозяйстве. С течением времени становилось все более ясно, что старые производственные формы уже не обеспечивали повышения эффективности производства, решения стоящих перед сельским хозяйством задач. Поэтому в начале 70-х годов партия приступила к проведению третьего этапа⁴ реорганизации сельского хозяйства, системы управления им и его структуры.

В соответствии с решениями Апрельского пленума ЦК БКП 1970 г. о создании аграрно-промышленных комплексов было образовано к концу 1972 г. 170 АПК, в которые вошли трудовые кооперативные земельно-хозяйственные хозяйства (ТКЗХ), государственные земельно-хозяйственные хозяйства (ГЗХ) и специализированные предприятия.

Четвертый этап реорганизации сельского хозяйства начался после Пленума ЦК БКП в 1975 г., на котором был взят курс на отраслевой принцип организации производства, на постепенное упразднение ТКЗХ и ГЗХ и полную замену их аграрно-промышленными комплексами. Уже в 1974 г.

---

⁴ Первый этап — кооперирование сельского хозяйства в 50-х годах, второй этап — укрупнение трудовых кооперативных земельно-хозяйственных хозяйств в конце 50-х годов.

Т. Живков в докладной записке в Политбюро ЦК БКП указывал: «Созрели условия для того, чтобы приступить к отмене юридической и хозяйственной самостоятельности нынешних ТКЗХ, предоставив руководство сельским хозяйством целиком аграрно-промышленным комплексам» [15, т. 22, с. 584]. Практически, уже в начале 70-х годов, когда в некоторых АПК еще сохранялась кооперативная собственность, в ее сущности произошли значительные перемены. Средствами производства, принадлежавшими ранее ТКЗХ, распоряжались не только они, но и АПК в целом. Создавались новые производственные фонды, являвшиеся собственностью всего АПК. ■

В начале 1979 г. было ликвидировано Министерство сельского хозяйства и пищевой промышленности, а АПК объединены в Национальный аграрно-промышленный союз (НАПС). В период 1981—1982 гг. ТКЗХ и ГЗХ утратили полностью свою юридическую и экономическую самостоятельность, стали подразделениями АПК.

Смысл этой реорганизации заключается в объединении разнородных, но экономически и технологически связанных отраслей производства, переработки, хранения и реализации сельскохозяйственной продукции в едином производственном цикле. В рамках АПК произошло объединение сельского хозяйства, перерабатывающей промышленности, сельскохозяйственного машиностроения, научных и инженерных подразделений, транспортных и сбытовых организаций. Так, в АПК «Дръстър» в Силистре помимо земельных угодий и животноводческих ферм входят также консервный завод, предприятия мясной и молочной промышленности, птицефабрика, станция защиты растений, предприятие по агрохимическому обслуживанию, строительная организация, учебно-производственный центр, включающий в себя сельскохозяйственный техникум, организация по внедрению инженерных разработок и проектов, ремонтные мастерские. Есть также торгово-снабженческая организация. В АПК работает 30 229 человек, земельная площадь составляет 150 тыс. га [19].

В Государственное хозяйственное объединение «Родопа» входят 27 мясоперерабатывающих предприятий, Софийский институт мясной промышленности, Центральная база развития в Софии, предприятие по производству оборудования для мясной промышленности в Хаскове и 6 промышленно-животноводческих комбинатов — в Толбухине, Русе, Тырговиште, Ловече, Мичурине и Кюстендиле. В результате этой перестройки Болгария стала страной с большой степенью концентрации сельскохозяйственного производства.

Достижения болгарского народа были высоко оценены на XXVI съезде КПСС. На съезде указывалось, что «в Болгарии и ряде других европейских стран социализма найдены полезные формы агропромышленной кооперации», что необходимо внимательно изучать и шире использовать этот опыт [20].

Образование АПК имело большие экономические и социальные последствия. Сосредоточение процессов производства, переработки, хранения, транспортировки, реализации продукции и обслуживания сельского хозяйства в одних руках привело к значительному повышению эффективности производства и производительности труда, сокращению потерь и отходов, к снижению транспортных и складских расходов, к упразднению излишних звеньев. Ускорился процесс движения продукции от ее заготовки до переработки и сбыта. Все это имело своим результатом снижение себестоимости продукции [7, 1982, 15 I].

С созданием АПК произошло коренное изменение характера кооперативной собственности. Процесс сближения двух форм собственности в Болгарии развивался в 70—80-е годы по ряду направлений. Он проявлялся в унификации методов производства в государственном и кооперативном секторах, в единообразии форм политической организации общественного производства в обоих секторах, в создании государственно-кооперативных организаций. Ныне хозяйственные организации в промышленности и сельском хозяйстве работают, можно сказать, в одинаковых экономических условиях. Планирование, управление, распреде-

ление доходов в большинстве АПК приближаются по своей сущности к методам, действующим на государственных предприятиях.

Образование АПК в Болгарии сблизило две формы собственности — государственную и кооперативную и способствует превращению их в единую общенародную собственность. Многие исследователи в Болгарии, в частности Д. Порязов, Ж. Аройо, Т. Пачев ныне сходятся во мнении, что «кооперативная собственность в корне изменила свой характер. Несмотря на некоторые, только ей присущие и сохраняющиеся специфические черты, она в основном превратилась в общенародную собственность...» [21]. Т. Живков прямо указывает: «По существу это — общенародная собственность с некоторыми непреодоленными еще специфическими чертами...». Фактически владельцем собственности в городе и деревне «является по полномочию народа социалистическое государство» [22, с. 26]. Таким образом, есть основания полагать, что слияние двух форм собственности в НРБ если еще и не вполне достигнуто, то, очевидно, произойдет в недалеком будущем, уже на этапе строительства развитого социализма.

Образование АПК оказало большое влияние и на развитие социально-классовой структуры общества. В Болгарии процесс сближения рабочего класса и крестьянства и ранее протекал быстрыми темпами. Сельскохозяйственный труд все более становился разновидностью труда индустриального.

Даже многие члены кооперативов — комбайнеры, трактористы, электрики, механики, считавшиеся крестьянами-кооператорами, по существу, выполняли функции рабочих.

Но быстро росла и численность работников, которые официально относились к рабочим. Следует отметить, что аграрный отряд рабочего класса увеличивался быстрее, чем рабочий класс в целом, в том числе и в промышленности, и в 1980 г. составлял уже 28% от общего количества рабочих [4]. Одновременно шел процесс сглаживания существенных различий между рабочим классом и кооперированным крестьянством, которое по своему мировоззрению, положению в обществе, уровню образования и культуры, по условиям труда и быта, материальному обеспечению, отпускам, пенсиям все более приближалось к рабочим.

Вот как выглядит, например, современное болгарское село Овчарово Толбухинского округа. В село ведет асфальтированная дорога. В нем есть школа с кабинетами по основным учебным предметам, медпункт, универмаг, ресторан, кафе-кондитерская, быткомбинат, оказывающий всевозможные услуги, в том числе по ремонту телевизоров, радиоприемников, холодильников, имеющихся в каждом доме, почта, откуда можно поговорить по телефону со всеми окружными городами страны и с некоторыми европейскими столицами.

В 1982 г. АПК «Толбухин-Исток», в которой входит с. Овчарово, израсходовал только на социальные нужды 2975 тыс. левов. Из них 675 тыс. левов пошли на оборудование школ (помимо средств государственного бюджета), техникумов, на детские музыкальные школы, на стипендии одаренным детям, учащимся высших и средних учебных заведений, овладевающим нужными селу специальностями, на дополнительную оплату труда учителей и врачей, работающих на селе. 366 тыс. левов было отпущено на оборудование столовых, детских яслей и садов, домов отдыха на Черноморском побережье. 109 тыс. левов истрачено на дотации в столовых (обед из трех блюд стоит здесь 25—32 стотинки). 204 тыс. левов израсходовано на книги для клубных библиотек, аппаратуру для дискотек, на художественную самодеятельность. На оплату пособий по временной нетрудоспособности (помимо средств государственного социального страхования), оказание помощи престарелым (они получают бесплатно хлеб и питание) выделено 248 тыс. левов, на развитие спорта и туризма — 57 тыс. левов. Более 1 млн левов было выделено на улучшение инфраструктуры сел, на строительство, асфальтирование сельских улиц, оплату путевок на курорты и в дома отдыха [23].

Многие работники АПК имеют личные автомашины, собственные биб-

лиотеки, занимаются спортом на сельском стадионе, в бассейне, построенных на средства АПК. А ведь было время, когда воду здесь продавали ведрами.

Село Овчарово — не единичное явление в Болгарии. Быстро растет благосостояние сельских тружеников по всей стране. Процесс сближения рабочего класса и крестьян, имевший место и раньше, особенно ускорился, естественно, после образования и укрепления АПК. По сути дела, отношение к средствам производства в АПК мало чем отличается, если вообще отличается от отношения к ним рабочих государственных предприятий. А это означает, что крестьянство в Болгарии в значительной мере сблизилось с рабочим классом. К этой точке зрения склоняется ныне ряд болгарских ученых. Так, например, В. Иванов пишет: «Можно даже утверждать, что в Болгарии уже сейчас, в ходе строительства зрелого социализма, в основных чертах класс крестьян-кооператоров исчезает» [10, № 8, с. 68].

Таким образом, в Болгарии достигнуты значительные результаты в усилении социальной однородности общества. То, что произошло в Болгарии с образованием АПК, дало основание Т. Живкову заявить в ноябре 1982 г.: «В развитии социально-классовой структуры общества сделан новый значительный шаг к будущей классовой однородности, крестьяне-кооператоры в социально-классовом отношении по существу сравнялись с рабочим классом» [7, 1982, 3 XII].

Достигнутые Болгарией успехи в подъеме экономики, повышении благосостояния народа являются убедительным доказательством жизненной силы марксизма—ленинизма, дела и идей Великой Октябрьской социалистической революции, принципов социалистического интернационализма, в развитие и обогащение которых болгарский народ, Болгарская коммунистическая партия вносят свой весомый вклад.

ЛИТЕРАТУРА

1. Димитров Г. Избранные произведения. Т. II. М., 1957, с. 644.
2. 30 години икономика на НР България. София, 1974.
3. Статистически ежегодник стран — членов СЭВ. М., 1971, с. 42, 54; 1981, с. 41, 63; Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ, 1983, № 9, с. 24.
4. Статистически годишник на Народна република България. София, 1981.
5. Внешняя торговля СССР, 1983.
6. Списание на Главната дирекция на статистиката кн. III — IV. София, 1946, с. 13, 28.
7. Работническо дело.
8. Современная Болгария. История, политика, экономика, культура. София, 1981, с. 315.
9. Колев К. Пенсионното остуряване у нас.— Политическа просвета, 1981, № 12, с. 56.
10. Информационный бюллетень ЦК БКП, 1983.
11. Статистический ежегодник стран — членов СЭВ. М., 1976, с. 11—12; М., 1981, с. 12, 42, 59; Теория и практика строительства социализма. М., 1975, с. 167; Социалистическата икономическа интеграция. София, 1975, с. 210.
12. Шаренков С. СССР и Болгария: общий путь, единая цель.— Международная жизнь, 1979, № 9, с. 101.
13. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, подписанных СССР с иностранными государствами, вып. XXV. М., 1972, с. 176—180.
14. Развитие и обогатяване на теорията и практиката на българо-съветската дружба. София, 1979, с. 247.
15. Живков Т. Избрани съчинения.
16. Шмелев Н. П. Внешнеэкономические связи мирового социализма. М., 1981, с. 20.
17. Дванадесети конгрес на БКП. София, 1981, с. 24.
18. Икономически живот, 1982, № 5, приложение; Политическа просвета, 1983, № 5, с. 35—38; Държавен вестник, 1982, № 12; Управление на селското стопанство, 1982, № 4, с. 6—9.
19. Интеграционни процеси в българското село. София, 1981, с. 135—136.
20. Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 7.
21. Проблемы мира и социализма, 1983, № 12, с. 61.
22. Живков Т. Да вплотим в реални дела решенията на XII конгрес на партията. София, 1982.
23. Петров А. Социальные фонды одного агропромышленного комплекса.— Экономический бюллетень, 1983, № 11, с. 12—13.

СОВЕТСКО-БОЛГАРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: КУРС НА ВСЕСТОРОННЕЕ СБЛИЖЕНИЕ

Поддержанный победоносным наступлением Советских Вооруженных Сил на Балканах болгарский народ 9 сентября осуществил вооруженное восстание и сбросил монархо-фашистский режим. В истории страны открылась «новая эра глубоких революционных — политических, экономических, социальных и культурных — преобразований, расчищающих путь новому общественному строю — строю без эксплуатации человека человеком» [1].

После 9 сентября 1944 г. советско-болгарские отношения прошли в своем развитии несколько этапов. Первый этап охватывает период от победы восстания в 1944 г. до подписания 18 марта 1948 г. Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Хронологические рамки второго этапа — 1948—1956 гг. Начальные вехи третьего этапа — XX съезд КПСС и Апрельский (1956) пленум ЦК БКП. Завершается этап подписанием второго советско-болгарского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 12 мая 1967 г. Новый договор подтвердил основные принципы договора 1948 г. и намерение обеих сторон придать их отношениям еще более разносторонний характер. Со времени его ратификации начинается новый, современный этап взаимоотношений двух стран.

Договор 1967 г. дал значительный импульс развитию советско-болгарских отношений, направленных на сближение экономик обеих стран, более тесную координацию народно-хозяйственных планов, развитие кооперирования и специализации производства [2]. В соответствии с договором БКП разработала курс, закреплённый в Программе БКП, принятой X съездом партии в 1971 г. «Болгарская коммунистическая партия, — подчеркивается в Программе, — исходя из своих национальных и интернациональных задач и обязательств, будет и впредь всеми силами развивать и углублять братство, единomyслие и единоедействие с КПСС, будет проводить курс на всестороннее сближение Народной Республики Болгарии с Советским Союзом» [3].

Значительными вехами на пути развития болгаро-советских отношений явились решения Июльского (1973) пленума ЦК БКП и декабрьского (1973) Пленума ЦК КПСС. Обе стороны выразили стремление укреплять всестороннее сотрудничество по партийной, государственной и общественной линиям, обеспечивать тесное взаимодействие национальных экономик в соответствии с Комплексной программой развития социалистической интеграции. Речь идет о достижении такого уровня всестороннего сближения и интеграции, при котором создается возможность действовать подобно «единому организму, дышащему одними легкими и орошаемому одной кровеносной системой» [4]. Такой курс являет-

ся логическим следствием объективно развивающегося процесса интернационализации производительных сил и общественной жизни, развития научно-технической революции, что обуславливает нарастающий динамизм в отношениях между нашими народами [5, с. 35].

Сближение обеих стран успешно реализуется в различных направлениях. В экономическом аспекте оно ускоряет создание материально-технической базы развитого социализма и способствует созданию предпосылок для постепенного перехода к коммунизму. Интеграция помогает обеспечить растущие потребности народного хозяйства в сырье, энергии, современной технике. Долгосрочная стратегия интеграции разрабатывается и утверждается сообща.

Существенным вкладом в теорию и практику международной социалистической экономической интеграции является Генеральная схема специализации и кооперирования в отраслях материального производства СССР и НРБ до 1990 г., принятая 15 сентября 1979 г. Это — первая в истории социалистического содружества двусторонняя и долгосрочная целевая программа, определяющая задачи, проистекающие из Комплексной программы социалистической экономической интеграции стран — членов СЭВ и перспективных целевых программ сотрудничества этих стран в области материального производства [6, с. 19—20]. В ходе осуществления Генеральной схемы были согласованы основные направления производственного и научно-технического сотрудничества, в частности, в автомобильной промышленности, приборостроении, химическом машиностроении, строительном, сельскохозяйственном и дорожном машиностроении и других отраслях [7]. Специализация и кооперирование должны охватить производство примерно 600 видов машин и единиц оборудования. Генеральная схема послужила основой для разработки новых интеграционных мероприятий, появления отраслевых программ совместной деятельности. Например в области химической промышленности было подготовлено пять таких программ, рассчитанных до 1990 г. (в отраслях нефтеперерабатывающей, нефтехимической, фармацевтической, микробиологической и парфюмерно-косметической промышленности) [8, 1983, 6 XII].

На нынешнем этапе все более возрастает роль Межправительственной советско-болгарской комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, созданной еще в 1964 г. [9]. Главные усилия этого органа сосредоточиваются на эффективном решении проблем согласованного развития отраслей народного хозяйства СССР и НРБ, определении направлений экономического сотрудничества, координации планов развития промышленности, увеличения товарообмена и т. п. Так, в июле 1975 г. на XVII сессии Межправительственной советско-болгарской комиссии было подписано 11 соглашений по специализации и кооперированию производства, из которых 6 — в области машиностроения. В них предусматривается, что Болгария будет специализироваться в производстве 22 типов машин и сооружений — судовых двигателей, дизельных локомотивов, металлорежущих станков специального назначения, электротельферов, гидравлических механизмов, бесчелночных ткацких станков, оборудования для электростанций, сооружений пищевой промышленности и пр. [10, с. 75—76].

Все активнее развивается такая новая форма экономического сотрудничества, как строительство совместными усилиями СССР, НРБ и других братских стран промышленных объектов на советской территории в целях получения сырья и энергии. По данным на 1979 г., болгарские рабочие и специалисты участвовали в возведении 174 объектов на территории СССР. Болгарские поставки строительных материалов, конструкций, оборудования, транспортных средств для их сооружения в 1976—1980 гг. составляли 670 млн руб, т. е. 10% общей расчетной стоимости [10, с. 76]. В 6 союзных, 2 автономных республиках и 26 областях Советского Союза в 1981 г. работали болгарские специалисты. Они участвовали в создании и расширении Архангельского и Усть-Илимского целлюлозно-бумажных комбинатов, в строительстве нефтепред-

приятый Небит-Дага и Киембаевского асбестового комбината, в освоении рудных богатств Курской магнитной аномалии и т. д. После ввода в эксплуатацию этих объектов Болгария в течение 10—12 лет будет получать из СССР ежегодно 75 тыс. *т* целлюлозы, 40 тыс. *т* асбеста, более 1 млн *т* железнорудных концентратов (в пересчете на чистый металл), 26 тыс. *т* аммофоса, 3 млрд *куб. м* природного газа, нефть и другое ценное сырье, значительное количество электроэнергии [10, с. 76—77]. В феврале 1983 г. исполнилось 15 лет с начала совместных лесоразработок в Коми АССР, имевших важное значение для Болгарии [8, 1983, 27 II].

Со своей стороны, Советский Союз традиционно оказывает помощь НРБ в строительстве промышленных предприятий. По данным на 1981 г., число их составило 230, тем самым создано примерно 43% основных фондов болгарской промышленности. Сегодня они обеспечивают более 65% всего промышленного производства страны, в том числе 95% производства черной и 85 — цветной металлургии, 70 — электроэнергии, 55% химической продукции и пр. [10, с. 82]. С советской помощью в стране введено в действие около 80 крупнейших предприятий химической промышленности [8, 1983, 6 XII]. Таким образом, тесное сотрудничество с Советским Союзом позволяет Болгарии создавать высокоэффективную структуру национальной экономики, строить предприятия с крупносерийным производством, с самой современной технологией, максимальной механизацией и автоматизацией. Это, в свою очередь, образует обратную связь: дает возможность Советскому Союзу использовать научно-технические достижения НРБ, особенно в цветной металлургии, пищевой промышленности, сельском хозяйстве и других отраслях [6, с. 20].

Важным показателем развития советско-болгарского экономического сотрудничества является стабильный рост товарообмена между СССР и НРБ. СССР — главный торговый партнер НРБ, занимает первое место во внешнеторговом обороте Болгарии. В 1983 г. около 47% советского экспорта в Болгарию составляли металлорежущие станки, электротехническое, шахтное и химическое оборудование, автомобили, 65 видов сельскохозяйственных машин (в основном тракторы, комбайны и т. п.), а 50% — приходилось на сырье: нефть, газ, целлюлозу, каучук, кокс, хлопок, лес. Болгария также играет важную роль во внешнеторговом обороте СССР, занимая в нем третье место. В болгарской экспортной номенклатуре прочное место принадлежит системам машин и механизмов, комплексным технологическим линиям, многотоннажным судам, комплексным объектам [8, 1983, 16 II]. НРБ является крупнейшим поставщиком подъемно-транспортных машин, электронно-вычислительной техники, электродвигателей, кальцинированной соды, сельскохозяйственной техники для нужд виноградарства и овощеводства (экспортируется 18 видов машин), фруктов, сигарет и пр. [8, 1983, 5 II]. В 1983 г. Болгария впервые начала поставлять в СССР такие крупные и сложные механизмы, как роторные экскаваторы [8, 1983, 25 XII]. В целом до 50% экспорта НРБ в СССР приходится на машины и оборудование, а относительная доля специализированной продукции в этом экспорте в последние годы достигла 37,6%.

Совместными усилиями успешно решается транспортная проблема. В 1978 г. в эксплуатацию была введена самая крупная в Европе высокоэффективная железнодорожная паромная переправа через Черное море с пристанями в Ильичевске и Варне. Железнодорожные составы с ее помощью проходят путь от СССР до Болгарии в три-четыре раза быстрее, чем прежде. С каждым годом этот транспортный мост увеличивает пропускную способность: в 1981 г. по нему было перевезено 2,9 млн *т* народнохозяйственных грузов, а в 1982 г. — уже 3,5 млн *т* [8, 1983, 25 II].

На основе Генеральной схемы специализации и кооперирования проведена координация планов развития науки и техники на 1981—1985 гг. Это позволяет эффективно соединять исследовательскую, производственную и рационализаторскую деятельность при решении основных проблем научно-технической революции. В развитии интеграционных про-

цессов велика роль советско-болгарских предприятий, научно-производственных объединений, конструкторских бюро, лабораторий, временных научно-технических коллективов. Созданы и действуют, например, совместное конструкторское бюро «Совболгарцветмет», институт «Интерпрограмма», научно-производственное объединение «Электроинструмент» и некоторые другие. В настоящее время 56 советских и 20 болгарских министерств и ведомств связаны непосредственным научно-техническим сотрудничеством, 150 болгарских и более 200 советских научно-исследовательских и проектно-конструкторских институтов и организаций совместно разрабатывают свыше 600 тем в различных областях народного хозяйства [8, 1980, 16 I]. В широких масштабах осуществляется обмен производственно-техническим опытом, научно-технической информацией и документацией в различных сферах производства, науки и техники [12].

Особо следует сказать о связях АН СССР и Болгарской академии наук. Первое соглашение о сотрудничестве было подписано в 1958 г. И фактически с этого времени, как отмечает председатель БАН акад. А. Балевики, начался соответствовавший требованиям современности процесс развития Болгарской академии наук. Ныне «наше сотрудничество с советской наукой — это, с одной стороны, помощь, с другой — совместная научная работа равных партнеров... Народ сказал: то, что дается от сердца, дается вдвойне. И действительно, то, что мы получаем от советской науки, мы получаем в двойном и тройном размере, ибо помощь идет от всего сердца и вовремя!» [8, 1983, 15 IV]. На специализации в СССР побывали около 11,5 тыс. болгарских ученых. Научно-исследовательские институты обеих академий, руководствуясь конкретными согласованными планами, разрабатывают совместно 11 целевых программ. Но, пожалуй, наиболее ярким показателем эффективности нашего научно-технического сотрудничества является совместная деятельность по линии «Интеркосмоса». Учеными БАН создано более 70 космических систем оборудования, уже прошедших испытания в полетах спутников «Интеркосмос — 8, 12, 14, 19», тяжелых геофизических ракет «Вертикаль — 3, 4, 6, 7, 10». Болгарское оборудование устанавливалось на советских космических кораблях «Салют» — 6, 7 на индийских ракетах «Центавр-2». В 1981 г. в честь 13-векового юбилея болгарского государства НРБ двумя спутниками осуществила космический проект «Болгария-1300», [8, 1983, 21 I]. Болгария стала шестым государством мира, пославшим свой флаг в космос и имеющим своих космонавтов. В декабре 1982 г. в Государственном комитете СССР по делам изобретений и открытий под № 244 было зарегистрировано первое советско-болгарское открытие. Среди его авторов 11 советских и 2 болгарских ученых, работающих в области физики высоких энергий [8, 1983, 15 IV].

Реализация Генеральной схемы создала условия для вступления в качественно новый этап взаимоотношений и в области сельского хозяйства. При этом научно-техническое сотрудничество не только развивается, но и углубляется, рождая такие новые формы, как долгосрочное планирование, создание координационных центров по совместной разработке актуальных проблем теории и практики сельского хозяйства, формирование совместных рабочих групп и проч. [13]. Большое значение имеет сотрудничество в области производства средств производства для нужд сельского хозяйства. По планам интеграции и кооперирования в Болгарии работают 6 машиностроительных заводов (в Русе, Карлово, Толбухине, Ямболе, Пловдиве и Чирпане), 2 научно-исследовательских института — механизации и электрификации сельского хозяйства в Софии и сельскохозяйственного машиностроения в Русе. В 70-е годы Болгария добилась значительных успехов в тракторостроении, и сегодня страна специализируется в производстве трех видов тракторов, некоторой посевной и зерноуборочной техники, в том числе и с использованием электроники. В области сельскохозяйственной науки сотрудничество наших стран концентрируется в трех основных направлениях, являющихся в конечном счете показателями прогресса сельскохозяйственного производства: 1) созда-

нии и испытании сортов семян с высоким биопотенциалом; 2) разработке и внедрении технологий производства, обеспечивающих наиболее эффективное использование земельных угодий и 3) изучении условий максимального использования солнечной энергии в целях образования биомассы растений в процессе фотосинтеза [13, с. 103]. Болгария вносит существенный вклад в реализацию совместной, рассчитанной до 2000 г., программы селекции пшеницы. Болгарские сорта, занявшие 1-е место на международных сортоиспытаниях, успешно используются советскими селекционерами. В селекционной работе широко применяются также и болгарские сорта помидоров, а объединенная советско-болгарская рабочая группа создала новый высококачественный сорт помидоров «Салют 1», широко внедренный, в частности, в Молдавии. Таковы лишь отдельные примеры советско-болгарского сотрудничества в этой сфере экономики, содействующего реализации аграрной политики КПСС и БКП.

Подытоживая вышесказанное, отметим, что в последнее десятилетие сотрудничество между СССР и НРБ вступило в новую фазу сближения и интеграции во всех сферах производства, науки и технического прогресса. Постоянно расширяющаяся и углубляющаяся научно-техническая и экономическая интеграция обеих стран обуславливает высокие темпы планомерного развития, роста экономического и научно-технического потенциала, их огромные достижения в области социальной политики.

Советско-болгарское сотрудничество и сближение осуществляется и в области культуры и идеологии. Происходит взаимное обогащение советской и болгарской культур на основе расширения культурного обмена, проводятся совместные крупные мероприятия в области культуры, укрепляются контакты между деятелями советской и болгарской культуры, представителями творческой интеллигенции. Важное значение имеет деятельность Межправительственной советско-болгарской комиссии по культурному сотрудничеству.

Объективные условия расширяют возможности духовного сближения двух народов, формирования нового сознания гражданина. В Отчетном докладе ЦК БКП XI съезду партии отмечалось, что «в сфере болгаро-советских взаимоотношений мы уже определенно можем говорить о качественно новом патриотическом и интернационалистическом сознании болгарского народа, о возникновении и утверждении патриотизма нового типа, когда любовь к Болгарии и любовь к Советскому Союзу взаимно дополняют и обогащают друг друга и все больше сливаются в одно чувство, в единое сознание» [14].

Под руководством КПСС и БКП сближение обеих стран стало кровным делом миллионов трудящихся. В этом — одна из наиболее характерных черт современного этапа советско-болгарских отношений.

Важную роль в развитии этих отношений играет деятельность обществ дружбы. С 1957 г. в НРБ действует Всенародный комитет болгаро-советской дружбы, имеющий свои отделения во всех 26 округах страны, в крупных городах и даже общинах. Общество советско-болгарской дружбы в СССР в 1983 г. имело 288 отделений и объединяло свыше 4,5 тыс. коллективных членов, среди которых такие крупные производственные объединения и учреждения культуры, как ЗИЛ, «Электросила», «Светлана», «Ростсельмаш», «Уралмаш», Государственный Эрмитаж и многие другие. В прошлом году Обществу советско-болгарской дружбы исполнилось 25 лет. За заслуги в популяризации достижений социалистической Болгарии, за вклад в развитие и укрепление советско-болгарской дружбы, всестороннего сотрудничества и сближения народов оно было награждено орденом Георгия Димитрова [8, 1983, 22 III]. На рубеже 1975—1976 гг. Всенародный комитет болгаро-советской дружбы, Союз советских обществ дружбы и культурных связей с заграницей и Общество советско-болгарской дружбы разработали и подписали ряд соглашений о сотрудничестве. В частности, была принята перспективная программа совместной деятельности и подписано соглашение, определяющее формы и методы совместной работы этих организаций.

Большой интерес в Болгарии проявляется к изучению русского языка. По инициативе Всенародного комитета болгаро-советской дружбы и его содействии более 2 млн болгарских граждан прошли курс обучения. В 1979/80 учебном году действовало более 6 тыс. кружков и групп обучения, объединявших до 100 тыс. человек. К работе были привлечены 2 200 преподавателей русского языка [5, с. 53].

Крепнут связи породненных городов. Сотрудничество между государственными учреждениями, общественными организациями, производственными коллективами носит самый оживленный, плодотворный характер.

Множеством нитей связаны партийные организации СССР и НРБ, контакты осуществляются на всех уровнях — от республик, краев, областей до районов и крупных предприятий. Регулярно проводится обмен партийно-правительственными делегациями.

Большое значение СССР и НРБ придают координации внешнеполитической деятельности как в рамках Организации Варшавского Договора, так и на двусторонней основе, дальнейшему укреплению социалистического содружества, сплочению революционных сил, поддержке борьбы народов за мир, национальную независимость, социальную справедливость. Координируя внешнюю политику с Советским Союзом, Болгария играет существенную позитивную роль на международной арене. Как свою собственную воспринял болгарский народ советскую программу мира, отвечающую его национальным интересам и интересам всех миролюбивых народов. Внося значительный вклад в борьбу за упрочение безопасности в Европе и во всем мире, Болгария предложила программу мира на Балканах, выдвинула идею превращения Балкан в безъядерную зону.

Советско-болгарское сотрудничество, основанное на принципах социалистического интернационализма, является важным фактором экономического и социального прогресса обеих стран, их безопасности и обеспечения мира во всем мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Димитров Г.* Избранные произведения. Т. II. М., 1957, с. 463.
2. Советско-болгарские отношения. 1948—1970. Документы и материалы. М., 1974, с. 378—382.
3. Программа на БКП. София, 1974, с. 107.
4. *Жижков Т.* Избрани съчинения. Т. 21. София, 1976, с. 222.
5. *Папазов Н.* Сближение на НР България със Съветския съюз и движението за българо-съветска дружба. — В сб.: България и народите на Съветския съюз през вековете. Летопис на дружбата. Т. 8. София, 1981.
6. *Валев Л. Б.* Торжество социалистического строя — великое завоевание болгарского народа. — История и культура Болгарии. К 1300-летию образования болгарского государства. М., 1981.
7. Правда, 1979, 28 XII.
8. Работническо дело.
9. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами, вып. XXIII. М., 1970, с. 214—217.
10. *Царевски Н., Стефанов С.* Българо-съветското икономическо сътрудничество и успехите на НР България в социалистическото строителство. — В сб.: България и народите на Съветския съюз през вековете. Летопис на дружбата. Т. 8. София, 1981.
11. Статистически годишник на НРБ. София, 1980, с. 386.
12. *Горанов П.* Съветската научно-техническа документация в нашето социалистическо строителство (1944—1970). — В сб.: Летопис на дружбата. Т. 4. София, 1972.
13. *Песчани Д. Г.* Приносът на Народна република България за съветско-българското сътрудничество в областта на селското стопанство през 60-те и 70-те години. — В сб.: България и народите на Съветския съюз през вековете. Летопис на дружбата. Т. 8. София, 1981.
14. XI съезд Болгарской коммунистической партии. М., 1977, с. 84.

ПОКИВАЙЛОВА Т.А.

К 40-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ РУМЫНИИ ОТ ФАШИЗМА

23 августа 1944 г. румынский народ под руководством Коммунистической партии Румынии (КПР)¹ сверг фашистский режим диктатора И. Антонеску, втянувший Румынию в преступную антисоветскую войну на стороне гитлеровской Германии. Румыния повернула оружие против нацистской Германии. Победа антифашистского вооруженного восстания румынского народа стала возможной в условиях наступления Советской Армии, осуществлявшей свою историческую освободительную миссию.

Восстание 1944 г. ознаменовало коренной поворот в судьбах румынского народа. При поддержке Советского Союза, в обстановке складывания мировой системы социализма были созданы условия для демократических и социалистических преобразований, успешного построения социализма в Румынии.

Втянув в 1941 г. Румынию в антисоветскую войну в качестве сателлита гитлеровской Германии, реакционные правящие круги мечтали о создании «Великой Румынии» за счет захвата советских земель. Они полагали, что чем весомее будет вклад Румынии, тем большее вознаграждение они получат. Выставив против СССР до 30 дивизий, которые вместе с немецко-фашистскими войсками воевали на Пруте, под Одессой и Севастополем, на Северном Кавказе, на Дону и Волге, фашистский диктатор И. Антонеску свои агрессивные притязания обосновывал тем, что его правительство внесло в антисоветскую войну «самый большой вклад из всех европейских стран» [1, с. 34, 35]. На захваченных советских территориях румынские оккупанты совершали насилия над мирным населением [2, с. 235—288]. Советские люди — молдаване, украинцы, русские развернули героическую борьбу против фашистских оккупантов [2, с. 165—244].

КПР была единственной политической силой, которая с первых дней войны выступила в поддержку справедливой борьбы советского народа. В листовках, воззваниях, манифестах, выпущенных ЦК КПР в связи с фашистской агрессией, разоблачался антинациональный характер участия Румынии в войне против СССР. «Мы не хотели и не хотим этой разбойничьей войны против советского народа, — заявила Коммунистическая партия. — Не великий советский народ является нашим врагом. Нашим врагом является немецкий фашизм и его лакеи в нашей стране во главе с генералом Антонеску» [3, р. 345]. Она призвала румынский народ к борьбе против фашистского режима, гитлеровских агрессоров и антисоветской войны.

6 сентября 1941 г. Коммунистическая партия предложила платформу единого национального фронта, которая в январе 1942 г. была дополнена

¹ После объединения в 1948 г. Коммунистической партии Румынии (образована в 1921 г.) с Социал-демократической партией объединенная партия стала называться Румынской рабочей партией. В 1965 г. она была переименована в Румынскую коммунистическую партию.

возвращением «Гибель или спасение румынского народа?»). В документах подчеркивалось, что в создавшейся обстановке насущной задачей является спасение страны путем объединения широких социальных сил в единый антифашистский фронт для борьбы за выход Румынии из антисоветской войны, свержение прогитлеровского режима и создание правительства национальной независимости, возвращение Северной Трансильвании² [3, р. 347]. В труднейших условиях подполья Коммунистическая партия пропагандировала идею широкого антифашистского фронта, поднимала на борьбу с фашизмом рабочий класс, крестьянство, интеллигенцию и другие слои населения.

КПР придавала важное значение привлечению к антифашистской борьбе всех категорий рабочих независимо от их политической ориентации. Правые лидеры СДП, однако, отказались от сотрудничества с КПР в деле создания единого национального фронта. Развивались связи коммунистов с демократической организацией крестьянства «Фронт земледельцев». В начале 1942 г. его руководство призвало крестьян объединяться совместно с рабочими в национальный антифашистский фронт. В 1942—1943 гг. оно укрепило связи с местными организациями, активизировало антифашистскую, антивоенную агитацию в ряде уездов Трансильвании.

В 1942 г. по инициативе коммунистов была образована подпольная организация «Союз патриотов», которая призвала всех патриотически настроенных граждан к объединению, к борьбе за свержение военно-фашистской диктатуры, за прекращение антисоветской войны, за изгнание германских войск из страны. «Союз патриотов» объединял различные слои населения, прежде всего прогрессивную часть интеллигенции. В бюллетене «Союза патриотов», выпущенном в подполье 1 ноября 1942 г. в связи с 25-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции, говорилось: румынские патриоты понимают, что судьба Румынии зависит от окончательной победы советского народа над гитлеровским фашизмом и что румынский народ должен быть рядом с Советским Союзом [4, р. 147]. 28 января вышел в подполье первый номер газеты «Румыния либерэ» («Свободная Румыния»).

Большое внимание уделяла Коммунистическая партия разъяснительной работе среди солдат с целью усиления антивоенных настроений в армии и среди призывников.

Коммунистическая партия пыталась вступить в контакт с буржуазными «историческими» партиями: Национал-паранистской (НЦП) и Национал-либеральной (НЛП). Однако их лидеры отвергли предложение Коммунистической партии о сотрудничестве [5, с. 404].

Помимо подпольного ЦК КПР, который непосредственно руководил борьбой антифашистов внутри страны, было образовано Заграничное бюро ЦК КПР, находившееся в СССР. Оно осуществляло руководство деятельностью коммунистов-политэмигрантов, проводило политическую работу среди пленных румынских солдат, помогая формированию румынских добровольческих антифашистских частей в СССР [1, с. 50].

Важная роль в антифашистской, антивоенной агитации принадлежала радиостанции «Свободная Румыния», созданной в СССР по решению руководства Коминтерна, которая вела передачи на Румынию. Румынские антифашисты, проживавшие в СССР, были объединены в Румынский национальный блок в СССР [1, с. 50]. В 1943 г. по просьбе румынских военнопленных на территории СССР была сформирована 1-я добровольческая румынская дивизия, которой было присвоено имя Тудора Владимиреску, вождя народного восстания 1821 г. в Валахии. Она вошла в состав войск 2-го Украинского фронта [1, с. 50—56].

Разгром немецких и румынских войск под Сталинградом способствовал углублению политической дифференциации румынского общества, развертыванию антифашистской борьбы в стране. По признанию И. Антонеску после поражения 3-й и 4-й румынских армий под Сталинградом

² По второму Венскому арбитражу от 30 августа 1940 г. представители фашистских правительств Германии и Италии приняли решение, по которому от Румынии к хорватской Венгрии отходила Северная Трансильвания.

государственные устои пошатнулись [6, с. 220]. Часть буржуазии призвала И. Антонеску «не заходить слишком далеко в удовлетворении интересов Германии», рассчитывая обеспечить свои интересы с помощью западных держав, которые намеревались использовать Румынию и в будущем в качестве барьера, «санитарного кордона» против СССР.

Разгром Советской Армией немецко-фашистских войск на Курской дуге летом 1943 г. и стремительное ее продвижение к государственными границам СССР существенно повлияли на обстановку в Румынии. Углубился кризис фашистского режима, господствующие классы склонялись к заключению сепаратного мира с Англией и США, нарастала антифашистская борьба, радикализировались настроения широких слоев населения.

В июне 1943 г. КПр выступила с предложением организовать Национальный комитет борьбы за освобождение страны, чтобы «мобилизовать и сплотить все национальные силы страны, независимо от партийной и религиозной принадлежности, в единый патриотический антигитлеровский фронт румынского народа» [3, р. 348]. Однако и на этот раз лидеры «исторических» партий отказались от сотрудничества с коммунистами, все еще надеясь на изменение состава правительства и заключение сепаратного мира с западными державами [7, с. 76—77].

Во второй половине 1943 г. по инициативе и под руководством коммунистов был создан Патриотический антигитлеровский фронт (ПАФ), в который вошли Коммунистическая партия, «Фронт земледельцев», «Союз патриотов», МАДОС (организация венгерских трудящихся в Румынии), Крестьянская социалистическая партия и некоторые местные организации Социал-демократической партии [8, р. 112]. Его демократическая платформа основывалась на программе антифашистской борьбы, разработанной Коммунистической партией.

Весной — летом 1944 г. в связи со вступлением советских войск на территорию Румынии крайне обострились социально-политические противоречия в стране. К этому времени совершенно очевидным стал неминуемый крах гитлеровского военного блока. Румынская армия несла тяжелые потери на советско-германском фронте. Страна была истощена, голод стоял на пороге. Жесточайшая эксплуатация трудящихся, репрессивная политика фашистского режима, экономическое ограбление страны Германией, участие в войне против Советского Союза и мобилизация для этого материальных и людских ресурсов — все это до предела усилило недовольство масс. Антивоенные настроения проявлялись в массовом дезертирстве.

Правительство Антонеску, все более теряя поддержку буржуазии, искало путь к соглашению с Англией и США [5, с. 418—426]. Лидеры НЦП и НЛП также пытались войти в контакт с представителями англо-американских дипломатических кругов и связывали свои надежды с осуществлением балканского плана Черчилля. Королевский двор маневрировал, надеясь сохранить свои позиции. Стремительное наступление советских войск сорвало планы румынской реакции. Правительства Англии и США не решились пойти на заключение сепаратного мира с союзниками Германии без участия СССР [5, с. 457].

Соотношение политических сил в стране все больше менялось в пользу антифашистов, возглавляемых КПр. В связи с этим от НЛП откололась группа Г. Татареску. В апреле 1944 г. были установлены контакты этой группы с коммунистами. Соглашение между КПр и группой Татареску, заключенное в мае 1944 г., предусматривало свержение правительства Антонеску и формирование нового правительства, которое должно было покончить с войной и провести демократические реформы [7, р. 89—91].

Активизировались и дворцовые круги. В документе, подготовленном ближайшим окружением короля Михая, обращалось внимание на то, что «румынский народ будет склонен обратить свои взоры к новым формам политической и социальной организации», если монархия не порвет с фашистским диктатором [9, р. 17]. Первые контакты между дворцовыми кру-

гами и КНР были установлены в августе 1943 г. Прерванные в январе 1944 г., они были возобновлены в феврале — марте 1944 г. В мае 1944 г., когда советские войска уже вступили на территорию Румынии, король, стремясь отмежеваться от И. Антонеску и спасти трон, заявил о своем согласии с предложением КНР о ликвидации военно-фашистской диктатуры и разрыве с фашистской Германией [9, р. 30]. Несмотря на этот шаг, Михай и его окружение продолжали маневрировать.

Советская Армия, форсировав реку Прут, 27 марта вступила на территорию Румынии. 2 апреля 1944 г. Советское правительство заявило, что вступление советских войск в пределы Румынии «диктуется исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением войск противника», что оно «не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя...» [10, с. 105]. 12 апреля 1944 г. Советское правительство направило румынскому правительству условия перемирия, которые предусматривали: разрыв с фашистской Германией и совместную с союзными войсками борьбу против нее; восстановление советско-румынской границы по договору 1940 г.; возмещение убытков, причиненных Советскому Союзу военными действиями и оккупацией Румынией советской территории, возвращение всех советских и союзных военнопленных и интернированных лиц; обеспечение союзным войскам свободного передвижения по румынской территории в соответствии с военными потребностями; согласие Советского правительства на аннулирование венского диктата о Трансильвании и оказание помощи в деле ее освобождения [10, с. 175]. Хотя эти условия были очень умеренными, правительство Антонеску отвергло их и продолжило войну на стороне фашистской Германии, увеличивая бессмысленные жертвы.

Заявление Советского правительства от 2 апреля способствовало активизации антифашистского движения. Происходили выступления шахтеров, нефтяников, железнодорожников. Брашовская сигуранца отмечала, что «рабочие пребывают в обстановке непрерывного брожения. Они ожидают благоприятной перемены, считая, что она может осуществиться лишь при коммунистическом режиме» [9, р. 55]. Из Решицы сообщалось, что рабочие настроены против войны и правительства Антонеску, саботируют производство для фронта. Шахтеры в Долине Жюу с симпатией следили за победами Советской Армии на восточном фронте [9, р. 48—50]. В Плоешти рабочие-нефтяники в июне 1944 г. провели антивоенную манифестацию [9, р. 52]. Непокойно было в селах Ясского уезда [9, р. 26]. 1 мая состоялась демонстрация молодежи перед германским консульством в г. Тимишоаре, ее участники скандировали антифашистские лозунги [9, р. 16]. За прекращение войны выступили 66 работников Бухарестского университета и Румынской академии [9, р. 37], группа преподавателей Торговой академии в г. Брашов [11, с. 55].

В апреле 1944 г., в условиях обострившейся военной и политической обстановки в стране, была достигнута договоренность между Коммунистической и Социал-демократической партиями о создании Единого рабочего фронта (ЕРФ). 1 мая 1944 г. ЕРФ опубликовал манифест, в котором призвал рабочий класс и весь румынский народ к решительной борьбе за немедленный мир, свержение правительства Антонеску и создание национального правительства из представителей антифашистских сил, за освобождение страны от гитлеровских войск, к борьбе за свободную демократическую и независимую Румынию [12, с. 10]. Манифест предусматривал введение 8-часового рабочего дня, повышение заработной платы, обеспечение права объединяться в профсоюзы и политические организации, освобождение политических заключенных, меры по бесплатному обучению, охране здоровья, обеспечению жильем [13, с. 395—396].

В течение мая 1944 г. на крупнейших предприятиях Плоешти, Брашова, Галаца, Тимишоары были созданы комитеты ЕРФ, именовавшиеся патриотическими комитетами [9, р. 17].

В начале мая между КНР, СДП, НЦП, НЛП была достигнута предварительная договоренность о совместных действиях с целью вывода

Румынии из войны и установления демократического строя [14, р. 94]. 20 июня ими был создан Национально-демократический блок (НДБ), который потребовал немедленного выхода Румынии из войны, присоединения ее к Объединенным Нациям, установления конституционного режима.

Коммунистическая партия являлась руководящей силой и связующим звеном антифашистского движения в целом. Она сотрудничала с антифашистскими демократическими силами в рамках Патриотической антигитлеровской группы, создала совместно с СДП ЕРФ и выступила организатором боевых патриотических отрядов. Она стала реальной силой, с которой нельзя было не считаться. В ночь с 13 на 14 июня 1944 г. на конспиративном совещании представителей КПП и королевского двора после острейшей дискуссии было принято предложение КПП о свержении военно-фашистской диктатуры И. Антонеску и выходе Румынии из антисоветской войны. КПП выступала за вооруженное восстание, благоприятные условия для которого создавало наступление советских войск. Лидеры НЦП и НЛП и королевский двор стремились организовать лишь дворцовый переворот. Острая борьба развернулась вокруг вопроса о формировании будущего правительства. КПП предложила, чтобы правительство состояло в основном из представителей партий, вошедших в НДБ. Лидер НЦП Ю. Маниу считал, что правительство должно быть сформировано из генералов, пользующихся поддержкой НДБ. Как последний шанс Ю. Маниу и руководитель НЛП К. (Дину) Брэтиану пытались форсировать отдельные переговоры с западными державами, чтобы добиться высадки в Румынии англо-американских десантных бригад и воспрепятствовать продвижению Советской Армии по румынской территории, одновременно склоняя к сепаратному миру И. Антонеску и обещая предоставить в его распоряжение «всю нашу политическую и социальную силу» [9, р. 90, 92, 95].

20 августа войска 2-го Украинского фронта прорвали линию обороны противника западнее г. Яссы и через три дня в районе Хуши соединились с войсками наступавшего 3-го Украинского фронта, замкнув окружение противника; 18 немецких и 20 румынских дивизий оказались в «котле» и были разбиты [1, с. 101].

Окружение и полный разгром германских и румынских войск в результате Яско-Кишиневской операции, успешное продвижение Советской Армии в центральные районы Румынии лишили фашистский режим Антонеску его вооруженной опоры, сорвали закулисные переговоры с западными кругами, вынудили короля и лидеров буржуазно-помещичьих партий принять предложенный Коммунистической партией план вооруженного восстания. 23 августа 1944 г. во второй половине дня во дворце во время аудиенции у короля Михая были арестованы Ион и Михай Антонеску, а затем и другие члены фашистского правительства. Началось вооруженное восстание в Бухаресте, руководящая роль в котором принадлежала Коммунистической партии и ударной силой которого были боевые патриотические отряды, созданные коммунистами и действовавшие совместно с воинскими частями бухарестского гарнизона [9, р. 102]. Одновременно восстание развернулось в г. Плоешти и некоторых других местах. В ночь на 24 августа король Михай выступил по радио с обращением к румынскому народу и заявил о выходе из антисоветской войны и присоединении к антигитлеровской коалиции.

Вступление Советской Армии в Бухарест 31 августа закрепило успех антифашистского восстания [1, с. 136]. Вместе с советскими войсками в столицу вошла 1-я добровольческая румынская дивизия им. Тудора Владимиреску. Более двух месяцев сражалась Советская Армия совместно с румынскими войсками, повернувшими оружие против гитлеровской Германии. Население встречало Советскую Армию как армию-освободительницу. В совместных боях против общего врага крепилось боевое содружество советских и румынских воинов. 25 октября 1944 г. была полностью освобождена территория страны. Потери Советской Армии в боях за освобождение Румынии составили 286 тыс. убитыми, ра-

неными и пропавшими без вести, а румынских войск — 58 тыс. [13, с. 431—432]. «Румынский народ, — отмечал Генеральный секретарь Румынской коммунистической партии, Президент СРР Н. Чаушеску, — питает глубокую признательность к советскому народу, его славным Вооруженным Силам, которые под руководством Коммунистической партии Советского Союза, проявляя блестящий героизм и ценой огромных жертв вынесли на своих плечах основную тяжесть войны и оказали неоценимую помощь освобождению Румынии и других стран и народов от гитлеровского господства» [15, 1975, 11 V].

Вооруженное восстание 23 августа 1944 г. явилось началом народно-демократической революции. Особенностью ее развития явилось то, что вопрос о власти трудящихся был решен не сразу. В острой классовой борьбе демократических сил под руководством Коммунистической партии против реакции 6 марта 1945 г. было образовано народно-демократическое правительство, которое возглавил руководитель массовой крестьянской организации «Фронта земледельцев» П. Гроза. Присутствие частей Советской Армии на территории Румынии имело большое значение для срыва замыслов румынской реакции развязать гражданскую войну и обеспечило благоприятные внешнеполитические условия для поступательного развития народно-демократической революции. «В связи с тем, — пишут румынские историки Г. Цуцуй и В. Захареску, — что в ходе боевых операций на территорию Румынии вступили войска первого социалистического государства, а не западных капиталистических держав, исключалась возможность прямой империалистической интервенции в помощь эксплуататорским классам» [16, с. 76]. Демократическое правительство П. Грозы, которое по своему классовому характеру являлось революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства, осуществило ряд глубоких демократических преобразований в социально-экономической и политической жизни страны. Важнейшим мероприятием явилось проведение аграрной реформы, в результате которой произошли радикальные перемены в социальных отношениях в Румынии. Была ликвидирована крупная помещичья собственность, земля передана в собственность трудящемуся крестьянству, что способствовало укреплению союза рабочего класса и крестьянства. Правительство П. Грозы приняло меры по демократизации общественной жизни. В марте 1945 г. были приняты законы об изгнании из государственного аппарата фашистских элементов, предании суду военных преступников.

Осуществляя широкую программу социально-экономических и политических мероприятий, Коммунистическая партия боролась за консолидацию сил рабочего класса в рамках Единого рабочего фронта, преодоление раскола рабочего движения. В сложных условиях острой классовой борьбы, бойкота правительства со стороны реакционных сил во главе с монархией, попыток западных держав вмешаться во внутренние дела Румынии Советский Союз решительно выступил в поддержку демократического правительства П. Грозы и 6 августа 1945 г. установил с ним дипломатические отношения, что имело важное значение для упрочения международного положения Румынии и позиций правительства П. Грозы. Советский Союз поставлял в Румынию промышленное сырье и оказал также чрезвычайно важную в условиях двухлетней засухи в стране продовольственную помощь, передав румынскому народу в 1945—1946 гг. 400 тыс. *т* зерна [13, с. 478]. В условиях первых послевоенных лет СССР являлся основным торговым партнером Румынии.

Коммунистическая партия Румынии вела огромную работу по пропаганде идей дружбы и сотрудничества между румынским и советским народами. Большое значение в связи с этим придавалось деятельности Общества румыно-советской дружбы (АРЛУС). В Бухаресте был открыт Дом румыно-советской дружбы, при АРЛУСе создано издательство «Картя Русэ» («Русская книга»). Издавался журнал общества «Вяк ноу» («Новый век»). Деятели культуры и науки, представители демократической интеллигенции активно включились в развитие культурных контактов между Румынией и СССР [17, с. 126—127].

Советская дипломатия решительно выступила против попыток западных кругов ликвидировать революционные завоевания румынского народа. Заключение мирного договора 10 февраля 1947 г. обеспечило Румынии условия для прогрессивного развития страны. 30 декабря 1947 г. была упразднена монархия и Румыния провозглашена народной республикой.

Вся полнота власти перешла в руки рабочего класса и трудящегося крестьянства. Румынский народ вступил на путь строительства социалистического общества. Огромное значение в развитии советско-румынских отношений сыграл Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, заключенный в феврале 1948 г. Он выдержал испытание временем. Его прямым продолжением стал Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, заключенный между Советским Союзом и социалистической Румынией в 1970 г. [15, 1984, 1 II].

За годы социалистического строительства в румынском обществе произошли большие социально-экономические сдвиги. В результате индустриализации и производственного кооперирования крестьянства Румыния превратилась из аграрной страны с низким уровнем развития производительных сил в индустриально-аграрную с развитой промышленностью, с социалистическим сельским хозяйством. Объем промышленной продукции за период с 1950 по 1982 г. вырос в 34 раза, а сельского хозяйства — в 3,7 раза. Национальный доход увеличился в 15 раз [18, с. 14]. Промышленность превратилась в ведущую отрасль народного хозяйства. Ее удельный вес в формировании национального дохода возрос с 30,8% в 1939 г. до 60% в 1980 г. [19, с. 66].

Коренным образом изменилась структура промышленного производства. Созданы новые ключевые отрасли экономики: металлургия, нефтехимия, машиностроение (в том числе тракторостроение, автомобилестроение, производство магистральных тепловозов и электровозов, бульдозеров и т. д.). Румыния стала выпускать электронно-вычислительные машины, станки с программным управлением и другие виды новой техники. В сельском хозяйстве в 1982 г. впервые в истории страны было собрано в среднем по 1000 кг зерна на душу населения. Урожайность пшеницы составила 29,7 ц, а кукурузы на зерно — 42,1 ц [18, с. 85, 98]. Все это реальные и зримые плоды самоотверженного труда рабочего класса, крестьянства и других социальных слоев населения под руководством Румынской коммунистической партии. В настоящее время в стране осуществляется программа построения развитого социалистического общества.

Как отмечалось на Национальной конференции РКП (июнь 1982 г.), в экономике страны существуют трудности, связанные с необходимостью перехода от экстенсивных факторов развития к интенсивным, с возникновением ряда диспропорций между некоторыми секторами народного хозяйства, прежде всего между обрабатывающей промышленностью и энергосырьевой базой, между мощным развитием промышленности и не столь быстрым развитием сельского хозяйства и т. д. [20]. Национальная конференция определила меры, направленные на преодоление трудностей. Главный упор делается на повышение эффективности производства, быстрое внедрение достижений научно-технического прогресса, расширенные участия в международном социалистическом разделении труда.

Опыт прошедших лет показал, какое важное значение для успешного построения нового общества, защиты революционных завоеваний трудящихся имеет сотрудничество социалистических государств, объединение их усилий в борьбе за общие цели. Большое значение в создании материально-технической базы социализма имело сотрудничество Румынии с Советским Союзом. Советский Союз оказывал содействие в строительстве и реконструкции большого числа важных промышленных объектов в ключевых отраслях народного хозяйства, предоставлял кредиты на выгодных условиях для развития промышленности, проекты на строительство заводов, фабрик, электростанций, поставлял комплектное оборудование для строек страны. При экономическом и техническом сотрудни-

честве с СССР в Румынии было построено свыше 100 крупных промышленных объектов. В начале 70-х годов на предприятиях, построенных при содействии СССР, производилось 60% электроэнергии, столько же кокса, 40% химических удобрений, 100% синтетического каучука и алюминия. За счет поставок из СССР Румыния удовлетворяла 80% импорта чугуна, 60% ввозимой железной руды, 45% импортируемого кокса, 25% хлопка и т. д. [21, с. 5]. Большое внимание уделяется специализации и кооперированию производства как на двусторонней основе, так и в рамках СЭВ, участию в реализации Комплексной программы социалистической экономической интеграции.

Примером интернационального сотрудничества явился совместный полет в космос советско-румынского экипажа в составе Л. Попова и Д. Прунариу в мае 1981 г.

Традиции дружбы и сотрудничества, которые были заложены между народами СССР и Румынии на завершающем этапе второй мировой войны в борьбе против общего врага — фашизма и скреплены кровью в боях за освобождение Румынии, окрепли и развились за годы социалистического строительства. Во время визита советской партийно-правительственной делегации во главе с А. А. Громыко в Румынию в конце января — начале февраля 1984 г. стороны отметили «поступательное развитие советско-румынских отношений» и «решимость активизировать свои связи в экономической, научно-технической и культурной областях в интересах советского и румынского народов, дела мира и социализма» [15, 1984, 1 II].

ЛИТЕРАТУРА

1. Антосяк А. В. В боях за свободу Румынии. М., 1974.
2. Левит И. Э. Участие фашистской Румынии в агрессии против СССР. Кишинев, 1981.
3. Documente din istoria Partidului Comunist din România. București, 1951.
4. Anale de istorie, 1972, № 6.
5. Лебедев Н. И. Крах фашизма в Румынии. М., 1976.
6. Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость. 1941—1945 гг. М., 1978.
7. Fătu M. Sfârșit fără glorie. București, 1972.
8. Anale de istorie, 1974, № 4.
9. Din cronica unor zile istorice. București, 1971.
10. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. II. М., 1946.
11. Из хроники исторических дней. 1 мая 1944 — 6 марта 1945. Бухарест, 1974.
12. Нири К. От Единого рабочего фронта к единой партии рабочего класса Румынии. Апрель 1944 — февраль 1948. Бухарест, 1972.
13. История Румынии. 1818—1970. М., 1971.
14. Fătu M. Alianțe politice ale Partidului Comunist Român. 1944—1947. București, 1979.
15. Правда.
16. Цуцуй Г., Захареску В. Победа народно-демократической революции в Румынии. — В кн.: Октябрьская революция и пролетарский интернационализм. М., 1970.
17. Прошлое и настоящее. Из истории европейских стран народной демократии. М., 1967.
18. Мир социализма в цифрах и фактах. 1982. Справочник. М., 1983.
19. Проблемы управления в Социалистической Республике Румынии. М., 1981.
20. Scinteia, 1982, 2 VI.
21. Румыния в современных международных отношениях. М., 1983.

ЗАПАДНАЯ БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О КОММУНИСТИЧЕСКОМ И РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ В БОЛГАРИИ МЕЖДУ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

При характеристике социально-политической борьбы в Болгарии межвоенного периода буржуазные авторы, а также реформисты весьма значительное внимание уделяют месту и роли БКП.

Книга Ротшилда [1] охватывает период 1883—1936 гг. До опубликования она была защищена в Оксфордском университете (США) в качестве докторской диссертации. Фактические данные почерпнуты из весьма противоречивых источников. Особенно широко привлечены разные косвенные и непроверенные свидетельства, а также сугубо клеветнические и лживые публикации (провокатора Г. Беседовского, ренегатки Р. Фишер). Видимость научности призваны дать многочисленные сноски и обширная библиография. Иногда создается впечатление, что автор пытается взвесить сильные и слабые стороны партии, объективно оценить ее борьбу против реакции. Так, отмечаются «положительные» результаты Сентябрьского восстания для БКП. Восстание способствовало, по словам автора, тому, что она стала основной оппозиционной силой, восстание закалило партию. Однако в основе изложения лежит сугубо антикоммунистическая концепция.

Основная идея автора состоит в том, что для экономически отсталой Болгарии социалистические идеи были якобы чужды. Влияние БКП, по мнению Ротшилда, объяснялось «сентиментальным панславизмом», традициями связей с Россией. Эти настроения распространялись на СССР исключительно в силу национальных чувств. «Традиционная привязанность болгарского крестьянина к России объясняет в значительной степени терпимость, если не поддержку, которую болгарские массы оказывали коммунистам», — утверждает автор [1, р. 300]. Игнорируя внутренние корни БКП, поддержку ее программы и политики массами, Ротшилд через «панславистский фактор» подводит к главному тезису о «несамостоятельности» БКП. «Русское влияние» превращается в «руководство из Москвы», «диктат Москвы», причем спекулятивно ставится знак равенства между фигурирующими в соответствующих контекстах понятиями «Советское государство», «Москва» и «Коминтерн».

Непропорционально много внимания уделяется проблеме поиска партией союзников в македонских, фракийских и добруджанских организациях. Речь идет главным образом о взаимоотношениях БКП с македонскими организациями, причем автор не проводит различия даже между теми из них, которые стояли на прямо противоположных позициях — фашизированной Внутренней македонской революционной организацией (ВМРО) и последовательно демократической Внутренней македонской революционной организацией (объединенной) — ВМРО(о).

Продолжением книги Ротшилда стал труд Н. Орена «Болгарский коммунизм. Путь к власти. 1934—1944» [2]. Признавая себя последователем Ротшилда, автор развил многие его антикоммунистические и антисоветские догмы. Главным сюжетом, по линии которого осуществляется фальсификация, избраны взаимоотношения между БКП, ВКП(б) и Коминтерном. Извращая факты, Орен стремится создать впечатление, что БКП подчинялась советской политике: «Зависимость от России была непреодолимой. Только русские интересы на Балканах редко совпадали с интересами революции в Болгарии». Результатом этого американский историк называет «постоянную дисгармонию политических маневров» [2, р. 262], т. е. якобы чуждость политики партии интересам болгарской нации.

Орен выпячивает значение «фактора эмиграции» для болгарского коммунистического движения. Он заявляет, что в результате поражения восстания 1923 г. оно «разбилось на части» — большинство рядовых осталось в стране, а видные коммунисты эмигрировали в СССР и оттуда навязывали партии свою, т. е. волю советского руководства [2, р. 72]. Такая исходная посылка искажает действительность. Болгарские коммунисты, над чьей жизнью нависла угроза, эмигрировали не только в СССР, но и в Югославию, Чехословакию, Францию, Австрию, Германию и по заданию партии возвращались в Болгарию. Таким образом, никакой «разбивки» БКП на «эмигрантскую» и «внутреннюю» не было — она оставалась единым организмом [3; 4; 5]. Орен посвятил специальный раздел «болгарам в советской политике». Т. Костова, Ст. Димитрова, П. Кунина и других партийных деятелей, направленных Заграничным бюро ЦК БКП в Болгарию для проведения совместно с деятелями, работавшими и ранее внутри страны, курса на создание народного фронта, Орен называет «московскими эмиссарами», вынося эти слова в заголовок параграфа. Автор грубо искажает характер интернациональных связей болгарского революционного движения — равноправие БКП с другими братскими партиями в Коминтерне, ее творческий вклад в разработку стратегии и тактики международного коммунистического движения. Орен замалчивает движение поддержки революционных борцов Болгарии, развернувшееся в СССР, солидарность партии болгарских коммунистов и рабочего класса с советским народом.

Значительное внимание Орен уделит развитию БКП во второй половине 30-х годов. Но преодоление левого сектантства в эти годы [6; 7] он оценивает отнюдь не как восстановление марксистско-ленинских принципов, а как очередную «чистку», восстановление господства в БКП «центра». Он резко умалил заслугу БКП в антифашистской борьбе, противореча истине — приписал буржуазным демократам инициативу и все успехи, связанные с движением народного фронта, а трудности и неудачи движения связал с политикой БКП [8; 9].

В той или иной мере основные тенденции извращения подлинной роли БКП в классовой борьбе межвоенного периода, характерные для упомянутых работ Ротшилда и Орена, проявляются и в других западных буржуазных изданиях, рассматривающих новейшую историю Болгарии.

Тот же Орен в другой книге, повторяя основные положения своей предыдущей работы, подчиняет их обоснованию вымышленного конфликта между коммунизмом и мелкобуржуазным «аграризмом», рассчитывая в конечном счете дополнительно аргументировать тезис о навязывании коммунизма в Болгарии извне. Социальный заказ автора в полной мере раскрывается посвящением книги лидерам Демократической партии, БЗНС и БСДРП — Н. Мушанову, Д. Гичеву и К. Пастухову, которые в народной Болгарии проявили себя открытыми врагами революционных преобразований [10, р. V].

На первый взгляд концепцию, противоположную ореновской, значительно ранее изложил американский историк правого направления Р. Бёркс в книге, за которую получил профессорское звание в Гарвардском университете. Он пытался доказать, что коммунистическое движение в Болгарии и других странах Восточной Европы не носило пролетарского характера [11]. Немногочисленность промышленного пролетариата в этом

регионе, по его мнению, опровергает учение Маркса о коммунизме и авангардной роли рабочего класса. При этом Бёркс искусственно преуменьшает число рабочих, исключая ремесленников, сельскохозяйственный пролетариат и некоторые другие категории, главное, пренебрегает исторической миссией рабочего класса, способного привлечь другие слои трудящихся к делу общественного прогресса. «Динамичное» развитие БКП, признаваемое автором, связывается им с особыми этническими условиями — наличием в Болгарии многих беженцев из Македонии, Фракии и Добруджи, которые не получали поддержки властей и поэтому вливались в коммунистическое движение¹.

Общую концепцию истории БКП попытался сформулировать директор восточноевропейского отдела радиостанции «Свободная Европа» Дж. Ф. Браун, признавший «высокую репутацию» БКП в Коминтерне и среди левых кругов международной общественности. «Но эта репутация за границей, — заявил он, — не могла быть сравнима со слабыми успехами или степенью политической пригодности на родине» [14]. Вновь пускается в ход довод о крестьянской стране, версия о вмешательстве Коминтерна в дела БКП, голословное утверждение о «неспособности» партийных руководителей и лишь весьма глухо упоминается о «суровых репрессиях болгарских диктаторов». В противоположность этому другой правый автор, американец М. Ибон, еще в 1948 г. признав большое влияние БКП в стране, причины этого увидел лишь в исторических, этнических, культурных связях с Россией, пытаясь тем самым обосновать «несоответствие» коммунистических идей внутренним потребностям страны [15, р. 94].

С откровенно буржуазными оценками весьма сходны выводы социал-реформистов. Так, ренегат коммунистического движения Ф. Боркенау [16] предпринял попытку изобразить все развитие БКП между мировыми войнами как цепь расколов, внутренних столкновений различных течений. Автор клеветает на болгарских коммунистов, сохранивших мужество, дисциплинированность, преданность партии в условиях суровых репрессий. Он пренебрегает тем, что после тяжелых поражений партия смогла организованно уйти в подполье, уже в 1925 г. начала создавать сеть массовых легальных организаций, возглавила рабочее движение на его подъеме в конце 20-х — начале 30-х годов, в 1932 г. завоевала абсолютное большинство голосов на выборах в Софийский общинный совет, а после запрета политических партий в 1934 г. оказалась единственной партией, сохранившей свою организацию на всех уровнях [17; 18; 19]. Как же, имея в виду эти неоспоримые факты, можно утверждать об «осколках» БКП, ее «вторичном крахе» и т. п.? С фактами Ф. Боркенау явно не в ладах.

Отмеченные общие тенденции проявляются в необъективном, пристрастном или попросту недобросовестном освещении отдельных этапов и конкретных фактов из истории партии и революционного рабочего движения в Болгарии, к рассмотрению чего мы и перейдем.

Буржуазная и реформистская историография уделяет значительное внимание состоянию болгарского революционного движения непосредственно после первой мировой войны. В ряде работ, принадлежащих как к либеральному, так и к консервативному направлениям, произвольно отрицается влияние БКП в этот период; ее руководящая роль в условиях революционного подъема. Так, автор диссертации о БЗНС австрийский историк либерал Х. Летц пытается объяснить «безуспешность», с его точки зрения, деятельности БКП в эти годы крестьянским характером болгарского населения, которому якобы чужд коммунизм, наличием крестьянского правительства [20, S. 55—56]. Ни слова о том, что именно после первой мировой войны БКП стала массовой партией, повсеместно создала свои организации, завоевала большинство в десятках общинных советов. Коммунистам — мощной, организованной партии, пользовавшейся авторитетом у трудящихся, игравшей видную роль в классовой борьбе 20-х годов, стоявшей на втором месте по результатам выборов [21; 22], в дис-

¹ О действительном месте беженцев в классовой борьбе см. [12; 13].

сертация Летца посвящена лишь одна страница, в то время как Социал-демократической партии, незначительной по численности и имевшей крайне малое влияние, у автора отведено вдвое больше места [20, С. 55—59]. Аналогична тенденциозность у Д. Прица [23], С. Фишера-Галати [24] и ряда других авторов. Соответствие программных и политических установок коммунистов коренным интересам болгарского народа эти авторы решительно отрицают, а воздействие Великой Октябрьской социалистической революции подменяется связями с Россией в сравнительно отдаленном прошлом, трактуемым в панславистском духе.

В некоторых изданиях содержится признание воздействия Великого Октября на подъем революционного движения в Болгарии, например в ларуссовской «Энциклопедии современного мира». Но это влияние, по мнению автора статьи по истории Болгарии, ограничено лишь Солдатским восстанием 1918 г. Ни слова не сказано о роли партии тесных социалистов в антивоенной борьбе, являвшейся, по существу, политической подготовкой восстания [25].

Если такова позиция издателей справочника, которые подчеркивают свою объективность, то совершенно неудивительны сходные установки в открыто правой литературе. Так, для монархо-фашистского эмигранта Д. Попова революционного подъема вообще не существовало [26]. А. Ранда, упоминая о работе руководителя ВЗНС А. Стамболийского «против союза с Германией» в годы первой мировой войны, «забывает» сказать о значительно большей и более эффективной деятельности партии тесных социалистов. По его заявлению, лишь Стамболийский «воплощал реакцию левых на германофильское правое правительство Радославова» [27].

Консервативный американский историк Р. Стаар не говорит ни слова о степени влияния партии тесных социалистов, а затем БКП на массы. В своей книге он пытается противопоставить тесным социалистам широких, которые «действовали более реалистически, так как почти исключительно аграрная экономика Болгарии не могла послужить поддержкой классическому подходу» [28], имея в виду, совершенно очевидно, революционно-марксистский подход к основным явлениям классовой борьбы, свойственный партии тесных социалистов. Преуменьшил влияние БКП и преувеличил силу реформистов профессор политологии, болгарский реакционный эмигрант Л. А. Д. Деллин (Делинишев), подвизавшийся в США [29].

Между тем, даже простое упоминание о численности БКП и БРСДП, о числе голосов, собранных ими на выборах, о количестве возглавлявшихся теми и другими общинных советов тотчас же опровергло бы все эти антинаучные построения [30; 31; 32].

Революционный подъем в стране, деятельность БКП как авангарда болгарского пролетариата и трудящегося крестьянства непосредственно после первой мировой войны, идейное и морально-политическое воздействие Октябрьской революции на характер и масштабы классовой борьбы в Болгарии игнорируют и многие другие правые и либеральные буржуазные авторы [33; 34; 35; 36]. Можно считать, что в отношении периода до фашистского переворота 1923 г. метод замалчивания остроты классовой борьбы в стране, развития революционного направления в социалистическом движении, образования БКП, расширения ее массовой базы, овладения ленинским учением является основным в буржуазной историографии.

Лишь небольшая часть буржуазных историков обращает внимание на роль партии тесных социалистов и БКП в период непосредственно после Октябрьской революции. Эти признания в ряде случаев либо носят вынужденный характер, либо используются для проведения тезиса о «руке Москвы». Так, американский либеральный историк Л. С. Ставрианос, отметив руководящую роль БКП в стачке железнодорожников конца 1919 — начала 1920 г., рассмотрел саму стачку крайне односторонне, заявив, что она была лишь средством борьбы коммунистов за власть, а не борьбой в защиту прав и требований трудящихся [37]. Придерживавшийся правых взглядов Д. Халс, признавая «первоначальный» успех Комин-

терна в Болгарии, использовал эту констатацию для обоснования «неприемлемости» коммунизма для индустриально развитых стран [38].

Некоторое внимание политической борьбе в Болгарии в первые послевоенные годы уделял английский историк Х. Ситон-Уотсон, прошедший значительную эволюцию от либеральных взглядов вправо. В опубликованной сразу после второй мировой войны книге он отметил, что в начале межвоенного периода коммунисты были второй по влиянию политической группировкой, признавал эффективность теоретической деятельности, преданность идее и мужество коммунистов [39, р. 243]. Но в более поздних работах значительно отошел от свойственного ему ранее признания объективных фактов, перейдя на традиционно-фальсификаторскую позицию о «руке Москвы» [40, р. 67].

Грубые извращения позиции и места БКП в политической борьбе первых послевоенных лет мы встречаем не только в работах Д. Ротшилда, посвященных истории БКП, но и в изданной позже книге «Центральная и Восточная Европа между двумя мировыми войнами». Игнорируя воздействие Октябрьской революции, революционный подъем в стране, автор вместе с тем признает, что на первых послевоенных выборах в августе 1919 г. старые партии потерпели поражение, а успеха добились БЗНС и БКП. Последняя квалифицирована лишь как «более радикальная из двух социалистических партий». Коренную противоположность Коммунистической и реформистской Социал-демократической партий Ротшилд отвергает. Более того, результаты выборов объясняются им отнюдь не подъемом классовой борьбы, как это было в действительности [41; 42], а, наоборот, «национальной усталостью». Ротшилд игнорирует тот факт, что массы отдали голоса демократическим партиям в надежде на коренные социально-экономические и политические перемены в свою пользу — в сфере внимания его лишь то, что БКП и БЗНС были «четко выраженными антивоенными партиями». Оказались сформулированными, таким образом, наиболее безопасные для капитализма причины, по которым абсолютное большинство населения поддержало левые партии. Что же касается взаимоотношений БКП и БЗНС до переворота 1923 г., то здесь на первый план выдвигается «сектантство» БКП, рассматриваемое как нечто застывшее, не преодолевавшееся на всем протяжении периода от «радомирского мятежа» (как именуется Солдатское восстание) до названного переворота [43, р. 334]. Так упрощенно, не выделяя конкретных моментов улучшения взаимоотношений между обеими партиями, игнорируя значение Апрельской резолюции Высшего партийного совета БКП 1922 г. о техническом сотрудничестве с БЗНС [44], автор рисует позицию БКП в отношении правительства БЗНС, чтобы, оценивая затем Сентябрьское восстание, представить его как акцию, проведенную «по команде из Москвы».

С позиций, сходных с ротшильдовскими, но более подробно рассматривает взаимоотношения БКП и БЗНС в первые послевоенные годы Д. Джексон. Стремление представить БКП как партию догматиков, политика которой не встречала понимания в крестьянской стране, — лейтмотив всех фрагментов, связанных у него с Болгарией. Политика партии оценивается автором как «коварная линия», рассчитанная на использование любого момента для захвата власти. При этом проводятся совершенно необоснованные сопоставления с ситуацией в России в 1917 г., носящие крайне примитивный характер и свидетельствующие о нежелании разобраться в фактах. Определенные политические намерения видны и в оценке политики БКП по вопросам единого фронта и роли крестьянства в революции. Джексон заявляет, что, вступая в Коминтерн, БКП якобы «кичилась самостоятельностью», что она будто бы настаивала на неприменимости ленинской аграрной политики к условиям Болгарии [45, р. 95, 97, 100]. Фальсификация здесь проявляется прежде всего в том, что ленинскую тактику единого фронта автор относит к моменту основания Коминтерна, а не к 1921—1922 гг., когда она была разработана. БКП приняла политику единого фронта на IV съезде в 1922 г., а еще в 1921 г. III съезд партии утвердил резолюцию по аграрному вопросу, которая отражала ле-

нинское понимание роли крестьянства в революционной борьбе и в социалистической революции [46; 47]. Между прочим, книга Джексона — в числе немногих исключений, когда не проповедуется полная подчиненность БКП Коминтерну, а делается акцент на разногласиях, но все с той же целью — убедить, что политика болгарских коммунистов якобы противоречила интересам народа.

В отдельных случаях, признавая силу коммунистического движения в Болгарии после первой мировой войны, буржуазные авторы представляют его в совершенно фантастическом виде. Характерный пример — книга французского историка Р. Рислюбера «История балканских народов». Этот автор пишет, будто коммунисты Болгарии надеялись на одобрение своей деятельности Стамбульским и лишь позже заметили, что им «ничего ждать, кроме жестоких репрессий». БКП, таким образом, приписывается некая сервильность в отношении правительства БЗНС, тогда как партия, проводя курс самостоятельной классовой борьбы, допускала ошибки противоположного характера: не шла на переговоры о сотрудничестве с БЗНС во имя совместной борьбы против реакции. Рислюбер пытается представить БКП заговорщицкой организацией, на которую якобы делал ставку Коминтерн в целях «большевизации Восточной Европы» [48].

Начального этапа истории БКП касаются и социал-реформистские авторы. Так, бывший секретарь Рабочего Социалистического Интернационала Ю. Браунталь в связи с основанием Коминтерна называет болгарских тесных социалистов «исключением, которое признало принципы коммунизма в их большевистском духе», и выражает недовольство их требованиями твердой дисциплины в Интернационале [49, S. 181]. По-иному оценивает программно-стратегические установки БКП после первой мировой войны Ф. Боркенау. Остановившаяся на подготовке к созданию III Интернационала, он утверждает: «Сравнительно серьезным кандидатом на прием в еще даже не основанный Коммунистический Интернационал были... тесняки, старый левый осколок болгарской социал-демократии, не носивший, однако, ни в коем случае ленинского характера; программа этой группы ничего не говорила о диктатуре пролетариата» [50, S. 30]. Аргументация автора откровенно спекулятивна. Ему, безусловно, известны ленинские оценки партии тесных социалистов как наиболее близкого и родственного большевикам левосоциалистического течения [51], но эти оценки он от читателя скрывает. Он «забывает» упомянуть, что присоединение партии тесных социалистов к Коминтерну происходило в условиях подготовки к съезду, который переименовал БРСДП (т. с.) в БКП (т. с.), что в январе 1919 г., т. е. до основания Коминтерна и присоединения к нему, был опубликован проект новой Программной декларации партии, одним из основополагающих моментов которого было признание диктатуры пролетариата [52]. Остановившаяся на причинах, по которым, по выражению Боркенау, «Москва признала» партию тесных социалистов (т. е. она была принята в Коминтерн), автор пытается свести дело к пресловутому панславизму. Осведомленному в истории Коминтерна автору, безусловно, известно, что партия вступила в Коминтерн внутренне единой, что после Октябрьской революции развернулся процесс ее перестройки на базе ленинских принципов [53]. Но от читателя это скрыто, зато выдвинут внеклассовый «славянский» фактор как основной мотив для изображения БКП «агентурой Москвы».

Весомое место в буржуазной историографии революционного движения в Болгарии занимают спекулятивные рассуждения о событиях 1923 г. О них идет речь почти во всех изданиях, которые хотя бы вскользь освещают новейшую историю Болгарии.

Общей тенденцией и консерваторов, и либералов, и реформистов при этом является смакование и всяческое раздувание допущенной БКП ошибки непосредственно после фашистского переворота 9 июня 1923 г., стремление изобразить политику «нейтралитета» как органически свойственную БКП. Почти равный объем занимает описание этой политики и Сентябрьского восстания у социал-реформиста Браунталя [49, S. 308—309]. Кон-

серватор Г. Грубер, подробно ее описывая, упоминает восстание лишь для констатации его «сокрушительного разгрома» [54]. Либерал Ситон-Уотсон подчеркивает, что решение «коммунистических лидеров» о нейтралитете было продолжением их политики во время Радомирской республики [40, р. 103]. Лишь некоторые буржуазные авторы и реформисты односложно упоминают о вооруженном сопротивлении перевороту в июне 1923 г. Но никто из них не говорит об участии коммунистов в Июньском восстании, в том числе и автор книги по истории БКП Д. Ротшилд. Другие же вопреки фактам заявляют (например, М. Л. Миллер), что коммунисты решили «не оказывать поддержки рассеянному крестьянскому вооруженному сопротивлению» [55]. Отрицается участие ряда организаций БКП и отдельных коммунистов в Июньском восстании [56].

История Сентябрьского восстания — первого в мире организованного антифашистского вооруженного выступления рабочих и крестьян — предмет особо грубой фальсификации буржуазной историографии. Она выражается в преуменьшении масштабов, значения и места восстания в новейшей истории страны. Обычно упоминаются лишь выступления в северо-западной Болгарии, чем создается представление о его локальном характере. Внимание концентрируется на слабости сил повстанцев, их разгроме, что должно внушить мысль об авантюристичности самой идеи восстания. Как представители буржуазной историографии, так и реформисты утверждают, будто Сентябрьское восстание не имело внутренней почвы, было навязано БКП Коминтерном и Советским государством, организовано в интересах советской внешней политики.

Пример показали авторы книг, вышедших в первые годы после второй мировой войны. Так, Й. Роусек ограничился замечанием, что «аграрии и коммунисты совместно ответили (на репрессии. — Г. Ч.) бунтом. Шла гражданская война» [57]. М. Ибон утверждал, что попытка восстания была «запоздалой, во всех отношениях безрассудной», вызванной «московским подстрекательством». Квалифицируя события как мятеж, он заявлял, что последний был «подавлен быстро и безжалостно» [15, р. 102—104].

С правых позиций описывала восстание ренегатка Р. Фишер [58]. Называя восстание «акцией Димитрова», она выступала с инсинуациями в отношении руководителей массовой борьбы и их дальнейшей деятельности в Коминтерне. Трудно сказать, насколько утверждения Р. Фишер оказали прямое воздействие на концепции буржуазной историографии Сентябрьского восстания, хотя отдельные факты заимствований прослеживаются. Несомненно другое: в ее писаниях сосредоточены основные идеи дальнейших фальсификаторских построений.

Буржуазная историография 60—70-х годов не внесла чего-либо принципиально нового в оценку Сентябрьского восстания. Лишь небольшие фрагменты посвятил ему Д. Ротшилд в книгах по истории БКП и истории Восточной и Центральной Европы. По его словам, восстание было лишь ответом на «внешний толчок лидеров Советов и Коминтерна». Автор попытался прямо увязать Сентябрьское восстание с интересами государственной политики СССР: «...режим Цанкова подозревался советскими лидерами в том, что он является звеном в цепи инспирируемого Британией окружения Советской России» [43, р. 342]. Бессмысленность утверждений американского профессора очевидна. Разумеется, Советское правительство предпочитало иметь в лице Болгарии дружественного партнера [59; 60]. Но фашистский переворот в стране с точки зрения государственных интересов СССР существенно не менял расстановки сил на арене международного партнерства Советского Союза. Однако главное, разумеется, не в этом, а в принципиальном осуждении Советским государством экспорта революции, отвергаемого международным коммунистическим движением и теоретически и как практика. Ротшилда не волнует, что восстание было поднято против правительства крайней реакции, интересами трудящихся Болгарии он пренебрегает. Впрочем, и даваемые им оценки правительства Цанкова вполне соответствуют концепции «навязывания» восстания из-за рубежа — в правительстве были, мол, представлены все партии, кроме БКП и БЗНС. «Плохую репутацию» Цанкова в глазах

Европы Ротшильд признает, но понятие «белый террор» берет под сомнение [43, р. 342]. Все значение Сентябрьского восстания во второй своей книге автор свел к тому, что его руководители заняли видные посты в Коминтерне.

Отнюдь не адекватные оценки Сентябрьского восстания встречаются в антимарксистских трудах по истории Коминтерна. Так, Ю. Браунталь, пытаясь создать представление о вынужденности восстания для БКП, подымавшей его якобы под нажимом «Московского Исполкома» [49, S. 306, 310], резко преуменьшает его масштабы. Выдвигая концепцию предопределенности поражения восстания, автор намекает, что именно поэтому руководители расположили свою главную квартиру вблизи югославской границы, создав себе возможность бежать за рубеж. «Города оставались спокойными, только в нескольких селах за оружие взялись маленькие изолированные группы членов Коммунистической партии», — утверждает он [49, S. 313], скрывая факты восстания в ряде городов и овладения ими со стороны повстанцев, вооруженной борьбы почти во всех округах страны, участия в ней сотен, а не «нескольких» сел [61, с. 164—322 и приложение — карта восстания]. БКП «была уничтожена в восстании», — утверждает он в другом месте [49, S. 306]. Итак, будучи, по утверждению автора, авантюрой, восстание не только окончилось поражением, но и привело к уничтожению влиятельной партии. Браунталь, таким образом, полностью игнорирует весь дальнейший путь развития БКП, для которой Сентябрьское восстание явилось переломным моментом на пути большевизации, овладения ленинизмом, завоевания большинства трудящихся на свою сторону [62; 63].

Х. Ситон-Уотсон, пожалуй, единственный профессиональный историк, пытающийся связать решение о восстании с конкретными интересами советской внешней политики. «Более того, — повествует он, — как и в случае с Германией, международные отношения вынудили Москву пересмотреть ситуацию в Болгарии. 24 июля 1923 г. в Лозанне был подписан мирный договор между западными державами и Турцией... Революция в районе, примыкающем к границе Турции и к проливам, стала более желательной, чем когда-либо. Поэтому Москва поторопила болгарских коммунистов действовать». Так Ситон-Уотсон «объясняет» причины Сентябрьского восстания. В его интерпретации исчез даже Коминтерн как некий «посредник» между СССР и зарубежными компартиями, а речь идет о прямом «приказе из Москвы». Автора не интересует расстановка классовых сил в стране после переворота 9 июня, назревание революционного кризиса. Все его усилия сосредоточены на бездоказательном, неоднократно опровергнутом названными и другими работами болгарских историков утверждении, что «Москва» якобы навязала свою волю болгарским коммунистам. Ситон-Уотсон до предела сужает масштабы восстания. После довольно пространных разглагольствований о его предпосылках, представленных в совершенно искаженном виде, о самом восстании говорится лишь следующее: «Восстание произошло 23 сентября в северо-западной Болгарии. Оно было неудачным и совершенно безуспешным, было быстро подавлено и последовали суровые репрессии» [40, р. 103]. Итак, это еще одна попытка связать восстание лишь с одним районом страны. Более того, Ситон-Уотсон представляет дело так, будто начало восстания, его ход, разгром — все это события лишь одного дня — 23 сентября, тогда как в действительности оно, начавшись 13 сентября, продолжалось до конца месяца.

Аналогична, хотя подчас и расходится в частности, тенденциозная оценка восстания другими буржуазными авторами. Так, П. Лендвей утверждает, что В. Коларов возвратился в Болгарию из Москвы в августе 1923 г. (на самом деле Коларов возвратился 24 июня), чтобы «навязать приказ» Коминтерна о проведении вооруженного восстания. Игнорируя сложный путь преодоления нейтралитетской тактики, тот факт, что ни в одном из документов Коминтерна нет призыва к немедленному восстанию, что это решение было принято БКП самостоятельно на основе анализа политического положения и, разумеется, с учетом критики со

стороны Коминтерна [61, с. 142—145], автор заявляет, будто после «выговора» Коларова своим товарищам «за бездеятельность» политика нейтралитета «была немедленно аннулирована по приказу Москвы», но «восстание с центром во Врачанском округе, вблизи югославской и румынской границ, было быстро подавлено» [35, р. 266, 267]. О границах здесь вновь говорится, чтобы усилить подозрения в отношении руководителей борьбы.

Большинство буржуазных историков не касается проблемы установления взаимодействия БКП и БЗНС в Сентябрьском восстании. Но в отдельных случаях тематика работ заставляет обратиться к этому сюжету. С ним мы сталкиваемся в докторской диссертации Д. Джексона. Тема работы требовала анализа документов БКП, свидетельствующих об установлении единого фронта с БЗНС, повороте организаций последнего к боевому союзу с БКП, развертывании реального сотрудничества, участии организаций Земледельческого союза в действиях повстанцев, в революционных комитетах и т. д. [63; 64]. Но ничего этого у Джексона найти нельзя. Есть утверждение, прямо противоречащее истине: «Только отдельные организации Земледельческого союза действовали совместно с Болгарской коммунистической партией. Это были, однако, лишь маленькие экстремистские фракции под руководством Димитра Грынчарова» [45, р. 111, 114].

Несколько правдивее, хотя также далеко от исторической истины характеризуют участие БЗНС в восстании Макарти и Палмер, представители слабо проявившего себя в историографии течения — леволиберального. Они отмечают «широкую народную поддержку», которой продолжал пользоваться БЗНС после переворота 9 июня, хотя и не признают того же в отношении БКП. Вскользь отмечается сотрудничество между обеими партиями перед восстанием. «Считалось, что они (земледельцы. — Г. Ч.) тайно протянули руку коммунистам против общей опасности». Авторы признают, что восстание имело место «в разных частях страны». «Оставшиеся в живых аграрии присоединились к коммунистам в ходе восстания», — констатируется в книге. Работа Макарти и Палмера отличается от обычных для буржуазной историографии крайне тенденциозных построений и тем, что в ней ничего не говорится о «навязывании» курса на восстание Коминтерном [34, р. 228—229]. Но в целом масштабы и значение восстания эти авторы также представляют крайне ограниченно.

К леволиберальной историографии примыкает книга С. Ивенса, в целом сочувствующего восстанию. По мнению автора, вооруженная борьба была вызвана открытым наступлением правительства Цанкова на рабочий класс и БКП. Ивенс привел примеры героизма участников восстания, отметил террор фашистских банд. Значение восстания он видит в том, что оно «трансформировало Коммунистическую партию, которой было предназначено сыграть решающую роль в болгарской истории» [65].

К этому же направлению относятся опубликованные в Болгарии статьи профессора Висконсинского университета (США) Ф. Шашко, который попытался показать, как печать США формировала общественное мнение о болгарских событиях 1923 г. [66; 67]. Основные тенденции в откликах на переворот 9 июня и Сентябрьское восстание он не выделил, но подробно охарактеризовал информацию «New York Times» и некоторых других газет, в том числе органа Рабочей партии «Worker». Шашко утверждает, что большинство американских журналистов предприняло попытки выяснить действительные причины и значение восстания. Но это утверждение разбивается о констатацию автора, что редакционные статьи ведущих изданий были благосклонны к Сентябрьскому восстанию пока считалось, что оно носит крестьянский характер. Когда же стало ясно, что восстанием руководят коммунисты, большинство журналистов изменило тон статей. Автор правильно отметил, что впервые американские журналисты уделили столь большое внимание событиям в Болгарии и это способствовало возникновению большего интереса к судь-

бе болгарского народа. Статьи Ф. Шашко написаны в благожелательном по отношению к болгарскому революционному движению духе, но эклектическое мировоззрение автора, методологическая беспомощность не дали ему возможности научно выявить отношение различных классов и политических групп американского общества к Сентябрьскому восстанию.

Небезынтересно отметить, что даже в тех работах буржуазных авторов, где содержатся упоминания о единстве действий БКП и БЗНС, ничего не говорится об обращении коммунистов к социал-демократам с предложением о едином фронте и отказе последних.

В целом антимарксистская историография оказалась не способной раскрыть предпосылки, подготовку, ход, причины поражения, значение Сентябрьского восстания, показать его действительное место в национальной истории и в истории международного освободительного движения. Лишь в отдельных случаях это связано с методологической слабостью добросовестных исследователей, в основном же речь идет о сознательном искажении существа драматических событий 1923 г.

Сложный период классовой борьбы после Сентябрьского восстания до 1925 г. буржуазные авторы, как правило, обходят молчанием или же ограничиваются весьма общими суждениями. Зато в центре их внимания взрыв 16 апреля 1925 г. в софийской кафедральной церкви св. Воскресения, которому уделяется ничуть не меньшее, а иногда и значительно большее внимание, чем Сентябрьскому восстанию.

Особенно грубый характер фальсификация событий 16 апреля 1925 г. носила в первые послевоенные годы в обстановке раздувания холодной войны против СССР и стран народной демократии.

После тенденциозного изложения событий 1925 г. сюжеты классовой борьбы в Болгарии почти полностью исчезают из буржуазной литературы, носящей общий характер, и фигурируют значительно скудее и реже в специальных изданиях.

Только изредка можно встретить беглые упоминания о существовании созданной в 1927 г. Рабочей партии (РП) как легальной формы организации БКП. У Ситона-Уотсона мы читаем, что при правительстве Демократической партии (имеется в виду правительство Народного блока, пришедшее к власти в 1931 г.) коммунисты «получили большую свободу и реорганизовались под титулом Рабочей партии» [68]. Время возникновения РП отодвигается по сравнению с действительным не менее чем на четыре года. В своей работе В. Ошлис [69] полностью идентифицирует РП с БКП.

При этом буржуазные авторы пытаются достигнуть нескольких целей. Прежде всего создать представление об относительной мягкости политики болгарских режимов в отношении коммунистического движения, представление о том, что запрет БКП носил лишь формальный характер. Во-вторых, принизить и преуменьшить характер и значение деятельности БКП. Антикоммунистическая историография отвергает способность БКП организованно перейти на нелегальное положение, пренебрегает тем, что ею был создан относительно эффективный аппарат подпольных ячеек и комитетов, стремится представить БКП этих лет как слабую легальную партию, обычную составную часть оппозиционных сил. Наконец, антикоммунистическая историография пытается свести на нет ценный опыт болгарского коммунистического движения по созданию легальной партии рабочего класса, действовавшей под руководством подпольной Коммунистической партии, сочетанию легальных и нелегальных форм революционной борьбы, опыт, имевший место и в других странах (США, Венгрия, Финляндия) и свидетельствовавший о творческом развитии компартиями ленинских тактических идей [70; 71].

В буржуазной исторической литературе, как правило, ничего не говорится о других легальных организациях, созданных под руководством БКП во второй половине 20-х годов: Независимых профсоюзах, Рабочем молодежном союзе, не упоминается о массовом движении за политическую амнистию, об оживлении, а затем подъеме стачечной борьбы [72;

73]. Игнорируя эти факты, западные историки пытаются представить дело так, будто вся вторая половина 20-х годов — период глубокого упадка коммунистического движения, а некоторое его оживление начинается лишь в 30-е годы [39, p. 249]. Не говоря о появлении в партии левосектантской группы и ее временном владении в руководстве, об условиях, при которых партия, вопреки ошибочной тактике сектантов, добилась серьезных успехов [74], а лишь туманно намекая на появление «новых лидеров», Ситон-Уотсон пытается создать впечатление, будто успехи были достигнуты благодаря отстранению от руководства тех, кто организовал Сентябрьское восстание, что партия действовала теперь только легальными методами. Это — грубое искажение как политики БКП, так и характера внутрипартийных разногласий.

В буржуазной историографии не ставится вопрос о сущности и причинах появления левосектантского курса в БКП в конце 20-х годов. Об этом упоминают лишь отдельные авторы. Так, Ф. Боркенау пишет, что с 1929 г. БКП «стала следовать методам экстремизма» [50, S. 381]. Н. Орен, напротив, восхваляет решение сектантского руководства о роспуске РП после переворота 19 мая 1934 г., называя его «логическим» и «практичным», так как после запрещения политических партий не было якобы причин для сохранения отдельной Рабочей партии [10, p. 38].

Столь же необъективно буржуазная историография рассматривает сложный период классово-политической борьбы в Болгарии и развития БКП от военно-фашистского переворота 1934 г. до начала второй мировой войны. Обычно этот период прослеживается крайне бегло. Исключение составляет лишь Н. Орен, который опубликовал статью о народном фронте в Болгарии [75] и в книге «Болгарский коммунизм. Путь к власти» выделил специальную главу «Коммунизм и народный фронт» [2, p. 101—143]. Серьезные изменения в БКП середины 30-х годов Орен пытается представить лишь как «чистку левой оппозиции» и восстановление господства «старой гвардии», причем эта линия, в его представлении, была навязана исключительно внешними факторами — вмешательством Коминтерна, «московскими эмиссарами» и т. д. Автора совершенно не интересует, что новый курс был выстрадан БКП, что он в наибольшей степени соответствовал интересам трудящихся Болгарии в конкретных условиях социально-политической борьбы 30-х годов [76; 77]. Спекулятивно препарируя действительные факты, ставя их в нереальные причинно-следственные связи, автор пытается доказать, что курс народного фронта был продиктован Болгарской коммунистической партией советскими государственными интересами. Он резко преуменьшает масштабы массовой деятельности партии, ее роль в сплочении антифашистских сил и, с другой стороны, до предела раздувает роль буржуазной и мелкобуржуазной антифашистской оппозиции.

Все трудности и недостатки движения народного фронта автор приписывает «коварному и недальновидному поведению коммунистов», их виной считает слабость и ограниченность народнофронтовских выступлений. Характерно, что автор вообще не освещает борьбу за народный фронт до мая 1936 г., когда образовалась «пятерка» — аморфная коалиция лидеров нефашистских буржуазных и мелкобуржуазных партий. А именно в предшествовавший период на основе решений VII конгресса Коминтерна БКП первой выступила за сплочение всех демократических сил, развернула широкую деятельность по мобилизации трудящихся на борьбу за ликвидацию фашистского режима и за восстановление конституционных порядков, добилась успехов в установлении контактов с мелкобуржуазными партиями [78; 79]. Движение народного фронта Орен связывает лишь с «пятеркой», которую считает репающей силой в борьбе за восстановление Тырновской конституции. Орен извратил сущность реорганизации коммунистического движения накануне второй мировой войны. Он свел ее причины к стремлению руководства БКП сделать партию «более приемлемой» для союзников по народному фронту, т. е. приписал БКП беспринципное политиканство, игру в названия. Вновь прибегая к тезису о «руке Москвы», Орен искажил внешнеполитическую ли-

нию БКП в предвоенный период. Он заявил, что эта линия совпадала с внешнеполитическим курсом болгарского правительства, так как последнее обещало нейтралитет, соответствовавший советским внешнеполитическим интересам на Балканах [2, р. 144—153]. И это утверждение — искажение истины, ибо внешнеполитические позиции БКП, основывавшиеся на необходимости создания балканского оборонительного союза против фашистской агрессии, содержали последовательное разоблачение внешней политики монархо-фашистского правительства, которое не противодействовало экономическому и политическому проникновению Германии в Болгарию, а позже, уже в условиях войны, присоединилось к блоку агрессоров [80; 81].

В других работах буржуазных и реформистских авторов можно встретить лишь отдельные упоминания о периоде борьбы за народный фронт в Болгарии, причем, как правило, о деятельности БКП в этот период они отзываются пренебрежительно, резко преуменьшая масштабы всего движения.

В целом буржуазная и реформистская историография оказалась неспособной дать хотя бы приблизительное представление об основных этапах классовой борьбы в Болгарии между мировыми войнами, характере и особенностях деятельности революционных сил на разных этапах.

В западной историографии нами не обнаружено ни одного специального биографического очерка, посвященного руководящим деятелям БКП. В частности, буржуазные авторы и реформисты почти единодушно игнорируют Д. Благоева как деятеля рабочего движения новейшего времени. Правда, Ю. Браунталь в своей книге поместил даже его портрет [49, S. 241], однако начальный этап деятельности БКП с именем Благоева он не связывает. Другие авторы при рассмотрении периода после первой мировой войны ограничиваются замечанием, что Благоев был старым и большим человеком, или же не упоминают его вовсе. Цель состоит в том, чтобы представить переход партии тесных социалистов на позиции ленинизма как осуществленный помимо или вопреки Благоеву, чтобы связать этого общепризнанного мирового лидера-социалиста с реформистской деятельностью II Интернационала, показать, что Благоев был бессилён помешать «пагубному», с точки зрения антикоммунистов, развитию болгарской социал-демократии. Кроме того, против Благоева, который после Октябрьской революции не бывал в России и не входил в органы Коминтерна, невозможно выдвинуть обвинение, что он был «агентом Москвы». Его деятельность не вписывается в сконструированную схему, и личность Благоева предпочитают игнорировать².

В отношении других видных работников БКП освещаются лишь отдельные факты биографий, причем недобросовестно, подчас с клеветническими искажениями. Особенно тщательно прослеживаются те периоды, когда они посещали СССР, вели работу в Коминтерне. Так, С. Блэк в статье «Россия и модернизация Балкан» в качестве «доказательства» советского влияния приводит факты деятельности болгарских коммунистов в СССР [83]. Подобным образом поступил Н. Орен, спекулятивно выдавший болгарских коммунистов, возвратившихся на родину по заданию Заграничного бюро ЦК БКП, за «московских эмиссаров», а перед этим усердно перечислявший «болгарских людей в советской политике» [2, р. 72].

При оценке деятельности В. Коларова обычно избегают упоминаний о его работе в качестве Генерального секретаря ИККИ, так как это плохо согласуется с тезисом, что руководство Коминтерном полностью взяли в свои руки советские лидеры. Зато усиленно муссируется, что Коларов был направлен в Болгарию в 1923 г. «из Москвы», «по заданию Москвы» для подготовки вооруженного восстания [84], тогда как в действительности таких полномочий от ИККИ Коларов не имел, а решение о восста-

² О выдающейся руководящей деятельности Д. Благоева в болгарском коммунистическом и рабочем движении после Октябрьской революции см. [82].

нии, как уже отмечалось, было принято ЦК БКП на основе анализа факторов внутреннего и международного положения страны³.

Пытаясь создать видимость объективности, американские историки Б. Лазич и М. Драчкович, включившие в подготовленный ими и изданный Гуверовским институтом войны, революции и мира биографический указатель деятелей международного коммунистического движения [86] 30 биографий болгарских коммунистов, изложили фактическую сторону их жизненного пути более или менее достоверно. Но все содержание этих биографий, как и биографий деятелей других партий, пронизывают враждебный дух и антикоммунистические интонации. Биография ренегата Й. Йорданова в указатель вошла, но для Д. Благоева места не нашлось. Крайне скупо говорится о практической революционной работе деятелей БКП на родине. Вообще нельзя встретить сведений о их мужественном поведении на судебных процессах и в фашистских застенках, зато всячески подчеркивается пребывание представителей БКП в СССР, их учеба в Москве, выполнение ими функций в Коминтерне. Именно так предвзято излагаются биографии С. Благоевой, Б. Былгаранова, Ц. Драгойчевой, А. Иванова и многих других. Особо грубы фальсификации в отношении великого сына болгарского народа Г. Димитрова [87].

Б. Лазич в статье «Школы кадров Коминтерна» пытается насытить «фактическим материалом» один из основных тезисов буржуазной пропаганды в отношении народно-демократических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы — о «насаждении коммунистических режимов» в этих странах Советским Союзом [88]. Привлекая биографии болгарских, а также югославских коммунистов, учившихся в 20—30-е годы в Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада и Международной Ленинской школе, этот автор стремится изобразить названные учебные заведения не как школы кадров для коммунистических партий, готовившие их в соответствии с решениями этих партий и по их направлению, как было в действительности [89], а как учреждения, которыми якобы распоряжались советские руководители, используя их для подготовки будущего аппарата «советизации» зарубежных стран. Автор занялся подтасовкой фактов. Выпускники учебных заведений Коминтерна заняли видные государственные, партийные, общественные посты в странах народной демократии, в том числе в Болгарии, но отнюдь не потому, что являлись «советскими агентами», а в результате таких личных качеств, как высокая марксистско-ленинская образованность, организаторские способности, самоотверженность в борьбе против фашизма и за построение нового общества и т. д. Разумеется, интернационализм, включавший в себя в качестве неотъемлемого элемента глубокое уважение к Советскому Союзу, являлся одним из важнейших качеств этих деятелей.

Проведенный анализ показывает, что антимарксистская историография США, Англии, ФРГ, Франции уделяет определенное внимание межвоенному периоду новейшей истории Болгарии. В единичных работах предпринимаются попытки разобраться в сложных процессах классовой борьбы, которые происходили в стране в эти годы, хотя всесторонней картины их развития авторы дать не в состоянии из-за своей антинаучной, эклектической методологии. Подавляющее же большинство книг и статей, полностью или частично посвященных болгарским сюжетам 1918—1939 гг., вышедших в капиталистических странах после второй мировой войны, извращает основные исторические процессы периода.

Наиболее характерными из этих антинаучных тенденций являются, во-первых, попытка представить Болгарскую коммунистическую партию как политическую силу, не имевшую почвы во внутренних условиях аграрной Болгарии, и злобно-клеветнически преуменьшить влияние партии на различные слои трудящихся, особенно на крестьянство; во-вто-

³ О подлинной роли В. Коларова в подготовке и проведении Сентябрьского восстания см. [85].

рых, стремление выдать БКП за чуждую внутренним потребностям Болгарии иностранную агентуру, действовавшую по указаниям Коминтерна, который, в свою очередь, якобы манипулировал коммунистическими партиями, исходя из государственных интересов СССР. В конечном итоге эти фальсификации истории Болгарии призваны подвести базу под утверждения, будто социалистическая революция в стране не являлась закономерным итогом и результатом классовой борьбы предыдущих десятилетий, а была навязана извне, экспортирована из СССР, являлась «трагедией» для Болгарии.

Осуществляя глубокую, разностороннюю и творческую разработку проблем социально-экономической и политической истории страны в новейшее время, истории рабочего и крестьянского движений, истории Болгарской коммунистической партии, интернациональных связей трудящихся Болгарии с последовательных марксистско-ленинских позиций, ученые Народной Республики Болгарии, а также советская историческая наука и специалисты других стран аргументированно, основываясь на документах, обеспечивают все более глубокую разработку подлинной истории болгарского народа, одновременно развенчивая тенденциозные концепции буржуазной историографии.

Вместе с тем перед марксистско-ленинской исторической наукой стоят задачи дальнейшего повышения научного уровня исследований, введения в оборот новых источников, которые позволили бы углубить представление о всех аспектах новейшей истории Болгарии, решения ряда дискуссионных вопросов, активного распространения среди историков и широкой общественности не только социалистических, но и капиталистических стран правдивых и достоверных сведений о героической борьбе трудящихся Болгарии против фашизма и реакции.

Важной задачей марксистско-ленинской историографии является своевременное и аргументированное опровержение буржуазных извращений истории коммунистического движения в Болгарии, принципиальная борьба против антинаучных построений, которые продолжают появляться в западной исторической литературе по этому комплексу проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Rothschild J.* The Communist Party of Bulgaria: Origins and Development. 1883 — 1936. New York, 1959.
2. *Oren N.* Bulgarian Communism: The Road to Power. 1934—1944. New York, 1971.
3. *Белоусов Н.* Сплотяване на българската политемиграция в СССР около септемврийската линия на БКП. — В кн.: Великият прелом. София, 1974, с. 245—252.
4. *Решетников Л.* Формиране на българската политемиграция в СССР. — Годишник на катедрите по научен комунизъм и история на БКП при вузи. София, 1974, с. 249—286.
5. *Ангелова Т.* Из дейността на български-политемигранти и студенти във Франция, Белгия и Швейцария (1925—1933 гг.) — Известия на Института по история на БКП. София, 1975, т. 33, с. 37—79.
6. *Гришина Р. П.* Поворот Коминтерна к политике народного фронта и Болгарская коммунистическая партия. — Советское славяноведение, 1967, № 6, с. 16—20.
7. *Хаджиниколов В.* За своеобразието и начина на разгромяване на лявото сектантство в нашата партия. — Известия на Института по история на БКП. София, 1964, т. 11, с. 145—158.
8. *Колев С.* Борбата на БКП за народен фронт (1935—1939). София, 1959.
9. *Хаджиниколов В.* България — първа страна на народен фронт между работници и селяни още до Седмия конгрес на Коминтерна. — Исторически преглед, 1967, № 1, с. 51—55.
10. *Oren N.* Revolution Administered: Agrarianism and Revolucionism in Bulgaria. Baltimore — London, 1973.
11. *Burcs R. V.* The Dynamics of Communism in Eastern Europe. New Jersey, 1961, p. 42.
12. *Кансъзов А.* БКП и тракийското беженско движение през периода между двете световни войни. — Известия на Института по история на БКП. София, 1974, т. 31, с. 89—120.
13. *Ганев Г.* Развитие на добруджанското национално-освободително движение през периода 1917—1925 г. — Годишник на Софийския университет, идеологически катедри. София, 1967, т. 60, с. 181—259.
14. *Brown Y. F.* Bulgaria under Communist Rule. London, 1970, p. 5.
15. *Ebon M.* World Communism Today. New York, 1948.

16. *Borkenau F.* World Communism. A History of the Communist International. The University of Michigan Press, 1962.
17. БКП и делото на Октомври. 1917—1944. София, 1967.
18. *Василев К.* Революционните добродетели на Партията.— Ново време, 1971, № 7, с. 71—84.
19. *Исусов М.* Партия на историческите прогнози и революционното действие.— Социологически проблеми, 1971, № 4, с. 1—12.
20. *Letz H.* Der Bulgarische Nationale Bauernbund (Bälgarski Zemedelski naroden sąjuz) von 1918—1923 und sein Einfluss auf die Entwicklung der Bulgarischen Landwirtschaft. Wien, 1970.
21. *Колева Т.* Октомврийската революция и болшевизацията на Българската комунистическа партия (1917—1923).— В кн.: Октомврийската революция и българо-съветската дружба. София, 1967, с. 45—65.
22. *Петров С.* Парламентарната тактика на Българската комунистическа партия при управлението на БЗНС в периода 1919—1921 г.— Годишник на Софийския университет, идеологически катедри. София, 1968, т. 52, с. 91—134.
23. *Prpic G. Y.* A Century of World Communism: A Selective Chronological Outline. New York, 1970, p. 63, 71.
24. *Man, State and Society in East European History.* New York, 1970, p. 231.
25. *Panorama du XX-e Siecle.* Encyclopédie du monde contemporain. V.2. Paris, 1975, p. 420.
26. *Poppoff D.* Bulgarien blickt westwärts! Frankfurt a. M., 1975, S. 112—114.
27. *Randa A.* Der Balkan von Diokletian bis Tito. Zürich, 1951, S. 179.
28. *Staar R. F.* The Communist Regimes in Eastern Europe: An Introduction. Stanford, 1967, p. 35.]
29. *World Communism: A Handbook 1918—1965.* Stanford, 1973, p. 43.
30. *Бирман М. А.* Революционна ситуация в България в 1918—1919 г. М., 1957.
31. *Христов Х.* Революционната криза в България през 1918—1919. София, 1957.
32. *Боев П.* БКП и политиката на единен фронт и работническо-селското правителство 1921—1924 г.— Известия на Института по история на БКП. София, 1976, т. 35, с. 378—408.
33. *Polonsky A.* The Little Dictators: The Story of Eastern Europe since 1918. London—Boston, 1975.
34. *MacCarthy C. A., Palmer A. W.* Independent Eastern Europe: A History. London, 1966.
35. *Lendvai P.* Eagles in Gobwebs: Nationalism and Communism in the Balkan. Garden City. New York, 1969.
36. *Gruber H.* International Communism in the Era of Lenin: A Documentary History. Ithaca — New York, 1967.
37. *Stavrianos L. S.* The Balkan since 1453. New York, 1958, p. 646.
38. *Hulse J. W.* The Forming of Communist International. Stanford, 1964, p. 54.
39. *Seton-Watson H.* Eastern Europe between the Wars 1918—1941. Cambridge, 1946.
40. *Seton-Watson H.* The Pattern of Communist Revolution: A Historical Analysis. London, 1960.
41. *Йоцов Я.* Управлението на Земеделския съюз (1919—1923 г.)— Исторически преглед, 1949—1950, № 3, с. 305—327.
42. *Катаев Н. А.* Велика Октябърска социалистическа революция и приход к власти в Болгарии Земледельческого союза.— В кн.: Вопросы теории государства и права. Саратов, 1968, с. 195—220.
43. *Rothchild J.* East Central Europe between the Two World Wars. University of Washington Press, 1974.
44. *Коларов В.* Тактика българской КП в свете событий.— Коммунистический Интернационал, 1924, № 1, с. 614.
45. *Jackson G. D.* The Green International and the Red Peasant International: A Study of Comintern Policy Towards the Peasant Political Movement in Eastern Europe 1919—1930. Columbia University, 1961.
46. *Тишев Д.* Третият конгрес на Българската комунистическа партия.— Известия на Института по история на БКП. София, 1967, т. 17, с. 127—159.
47. *Дябълки В. Г.* IV съезд БКП и его место в истории партии и революционного движения в Болгарии.— В кн.: Вопросы новой и новейшей истории. Орджоникидзе, 1976, с. 15—25.
48. *Ristelhuber R.* Histoire des peuples balkaniques. Paris, 1950, p. 351.
49. *Braunthal J.* Geschichte der Internationale. Hannover, 1963, Bd. 2.
50. *Borkenau F.* Der europäische Kommunismus: Seine Geschichte von 1917 bis zur Gegenwart. Bern, 1952.
51. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 237, 242; т. 26, с. 152, 251; т. 31, с. 174; т. 49, с. 121; т. 54, с. 462.
52. *Боев П.* Конгрес исторически. София, 1980.
53. Октомври и ленинизацията на БКП. София, 1981.
54. *Gruber H.* Soviet Russia Masters the Comintern: International Communism in the Era of Stalin's Ascendancy. New York, 1974, p. 38, 39.
55. *Miller M. L.* Bulgaria during the Second World War. Stanford, 1975, p. 4.
56. *Мутев И.* Фашистският преврат на девети юни 1923 година и Юнското антифашистско въстание. София, 1973.
57. *Roucek J.* Balkan Politics: International Relations in No Man's Land. Stanford, 1948, P. 51.
58. *Fischer R.* Stalin and German Communism. London, 1948.

59. Мельцер Д. В. К вопросу о признании Болгарией Советской России (1920—1923 гг.).— Советское славяноведение, 1968, № 1, с. 28—33.
60. Чернявский Г. И. Миссия советского Красного Креста в Болгарии (1922—1923 гг.).— Советское славяноведение, 1976, № 1, с. 29—41.
61. Косев Д. Септемврийското въстание 1923. София, 1973.
62. Петров С. Септемврийското въстание 1923 година и ленинизацията на БКП. София, 1983.
63. Косев Д. Мястото на Септемврийското въстание в историята на България.— В кн.: Великият прелом. София, 1974, с. 14—32.
64. Зарчев Й. Септемврийското въстание и Земеделския съюз.— Векове, 1973, № 5, с. 14—23.
65. Evans S. G. Short History of Bulgaria. London, 1960, p. 161—164.
66. Шашко Ф. Александър Стамболийски и държавният преврат от юни 1923 г. според американския печат.— В кн.: В чест на академик Димитър Косев. София, 1974, с. 433—447.
67. Шашко Ф. Събития и България от 1923 г. през погледа на американския печат.— В кн.: В чест на академик Христо А. Христов. София, 1976, с. 359—384.
68. Seton-Watson H. The East European Revolution. London, 1950, p. 42.
69. Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien, 1971, № 9, S. 11.
70. Работническата партия в България. 1927—1938. Сборник от документи и материали. София, 1966.
71. Наумов Г. Работническата партия в България. 1927—1939. София, 1980.
72. Чернявский Г. И. Рабочее движение в Болгарии в период частичной стабилизации капитализма. 1925—1929. Харьков, 1968.
73. Василев В. А. Подемът на антифашистското и антикапиталистическото движение в България по време на световната икономическата криза от 1929—1933 г. Фактори, дълбочина и етапи.— Известия на Българското историческо дружество. София, 1972, т. 28, с. 189—214.
74. Василев В. Политическият курс на Българската комунистическа партия между VI и VII конгрес на Коминтерна.— Известия на Института по история на БКП. София, 1978, т. 38, с. 356—402.
75. Oren N. Popular Front in the Balkan: Bulgaria.— Journal of Contemporary History, 1970, № 3, p. 69—82.
76. Документи за VI пленум на БКП.— Известия на Института по история на БКП. София, 1966, т. 15, с. 351—369.
77. Димитров И. Българската демократична общественост, фашизъм и войната. 1934—1939. София, 1976.
78. Георгиев В. Буржоазните и дребнобуржоазните партии в България. 1934—1939. София, 1971.
79. Кадацкий В. Ф. Антифашистская борьба демократических сил Болгарии (май 1934 — май 1936 гг.).— Советское славяноведение, 1978, № 2, с. 12—26.
80. Валев Л. Б. Болгарский народ в борьбе против фашизма (накануне и в начальный период второй мировой войны). М., 1964, с. 92—120.
81. Сирков Д. Външната политика на България. 1938—1941. София, 1979.
82. Димитър Благоев. Биография. София, 1979, с. 371—445.
83. Black S. E. Russia and the Modernization of the Balkans.— In: The Balkan in Transition: Essays on Development of Balkan Life and Politics since the Eighteenth Century. Berkley, Los Angeles, 1963, p. 157—158.
84. Lazitch V. Les parties communistes d'Europe. 1919—1955. Paris, 1956, p. 79.
85. Даскалов Д. Васил Коларов и Георги Димитров и революционните събития в България 1923—1925. София, 1978, с. 11—83.
86. Lazitch V., Drachkovitch M. M. Biographical Dictionary of the Comintern. Stanford, 1973.
87. Чернявски Г. Против буржоазно-реформистките извращения на революционната дейност на Георги Димитров.— В кн.: Георги Димитров. Изследвания по случай 100 години от рождението му. София, 1982, с. 513—530.
88. Lazitch V. Les ecoles de cadres du Comintern.— In: Contribution a l'histoire du Comintern. Geneve, 1965.
89. Решетников Л. П. З історії братерських зв'язків КНРС і БКП. (Болгарський сектор Комуністичного університету національних меншостей Заходу ім. Ю. Мархлевського. 1924—1936 рр.).— Наукові праці з історії КНРС. Київ, 1973, в. 65, с. 23—29.

ФЛОРА В. Н.

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. Д. КОРОЛЮКА

Первая черта, которая сразу же бросалась в глаза каждому человеку, который когда-либо встречался с Владимиром Дорофеевичем Королюком, это — широта его научных интересов. Она ярко проявилась уже на студенческой скамье. В семинаре В. И. Пичеты В. Д. Королюк занимался историей Польши и Восточной Европы периода развитого и позднего средневековья, в семинаре Н. П. Грацианского — историей полабских славян и славяно-германскими отношениями в раннем средневековье, в семинаре С. В. Бахрушина — русской историей, под руководством Зденека Нееды — чешской историей. Необычное обучение и закончилось необычно — подачей двух дипломных работ — одной В. И. Пичете, другой Н. П. Грацианскому.

В. Д. Королюк — молодой одаренный историк стал одним из первых сотрудников созданного в 1947 г. Института славяноведения Академии наук СССР как специалист широкого профиля по истории западных славян. В стенах этого учреждения прошла затем вся его научная жизнь (он скончался 26 декабря 1981 г.). Круг интересов В. Д. Королюка постоянно расширялся. С преобразованием Института славяноведения в Институт славяноведения и балканистики АН СССР он занялся проблемами истории Юго-Восточной Европы (в частности, этнической историей восточных романцев) и народной культуры. Внимание к этногенезу и ранней истории славян побудило его к профессиональному овладению данными таких наук, как археология, этнография, антропология и (в какой-то мере) лингвистика. Выход за рамки одной проблемы, одной эпохи, одной историографической традиции позволял В. Д. Королюку взглянуть на изучаемые явления как бы со стороны, сопоставить разные точки зрения, выявить их достоинства и недостатки, определить свою позицию, прийти к новому и более верному суждению.

Первой большой самостоятельной работой В. Д. Королюка было выполненное под руководством В. И. Пичеты исследование по истории русско-польских отношений рубежа XVII—XVIII вв., кануна и начала Северной войны. В этой работе (кандидатской диссертации, защищенной в 1948 г.) на основе богатого фактического материала было дано строго научное освещение такого сложного, противоречивого, опутанного массой историографических легенд и предрассудков явления, как русско-польские отношения той поры. При этом развитие русско-польских отношений раскрывалось в контексте общеевропейской системы международных связей. Основная часть диссертации была опубликована в Польше отдельной книгой, на русском языке работа появилась в виде серии статей в отдельных изданиях.

Большая заслуга принадлежит В. Д. Королюку в разработке марксистской концепции истории Польши периода феодализма. Она была изложена в первом томе «Истории Польши» (1-е издание увидело свет в 1952 г.), значительная часть которого написана В. Д. Королюком. Следует отме-

тить, что это было не только первое большое марксистское исследование по истории Польши, но и первое обобщающее марксистское исследование по истории славянской страны вообще, послужившее образцом для других аналогичных работ. Эта работа способствовала окончательной «огранке» таких свойств дарования автора, как масштабность мышления, способность не только увидеть предмет исследования во всем многообразии его связей, но сразу найти в этом многообразии самую суть, не отвлекаясь на колоритные, но, по существу, второстепенные детали, и вместе с тем умение изложить все это лаконично, стройно и изящно.

Продолжая заниматься русско-польскими отношениями и вообще историей Восточной Европы периода позднего феодализма, В. Д. Королюк писал о политических отношениях России и Речи Посполитой в период Ливонской войны, о Лжедмитрии I, об историческом значении Переяславской рады. Среди этих работ, пожалуй, особое место занимает книга «Ливонская война». В ней автор сумел дать оригинальное исследование системы международных отношений в Восточной и (частично) Северной Европе, выделив главное звено — эволюцию отношений между Россией, Польшей и Великим княжеством Литовским, показал, что заключение Люблинской унии означало поворотный пункт в Ливонской войне, что именно это событие определило безуспешный (на том этапе) итог борьбы за выход России к Балтийскому морю.

В дальнейшей научной деятельности В. Д. Королюка все больше стали доминировать исследования истории славян от «переселения народов» до конца раннего средневековья. В 1957 г. появилась книга «Древнепольское государство», содержащая целостную характеристику эпохи перехода от первобытно-общинного к феодальному строю на польских землях.

Период VI—VII вв. оценивается как время, когда уже произошел распад первобытно-общинного строя, письменные же источники X—XI вв. свидетельствуют о вполне сформировавшемся феодальном государстве и обществе. Автор полагал, что период между этими двумя хронологическими отрезками являлся периодом классового общества, и видел задачу науки в том, чтобы выявить, в каких примитивных, неразвитых, формально, может быть, и не отличимых от институтов военной демократии формах осуществлялось на этом этапе господство феодальных отношений в обществе. Он отчетливо видел большие трудности, стоящие на пути к решению этой задачи, которая и в настоящее время сохраняет свою актуальность.

Другой вопрос, волновавший В. Д. Королюка, — это роль рабовладельческого уклада в процессе становления феодального общества. Вопреки распространенному в 50-х годах представлению о падении роли этого уклада с образованием феодальных отношений, он отстаивал точку зрения, которая, как представляется, более соответствует сложности генезиса феодализма. По его мнению, формирование феодальных отношений на первых этапах привело к временному усилению рабовладельческого уклада, что в определенной мере способствовало развитию феодализма в целом и имело прямое отношение к возникновению в дальнейшем таких слоев крестьянства, для которых были характерны тяжелые формы зависимости и примитивная отработочная рента. В настоящее время эта точка зрения получила преобладание в нашей исторической литературе.

В. Д. Королюк в отличие от тенденции трактовать развитие общества как нечто самодовлеющее, происходящее в полной изоляции, независимое от внешних воздействий, рассматривал этот процесс в широком историческом контексте, во взаимодействии внутренних и внешних факторов. Славянский мир Средневековья он трактовал как совокупность обществ, находящихся в сложных и противоречивых отношениях как между собой, так и со своим неславянским окружением. В этом исследователь искал объяснения неравномерности развития отдельных частей славянского мира (при общей однородности их социально-экономического строя), разной длительности их перехода от первобытно-общинного строя к феодализму. При этом он подчеркивал, что одни и те же факторы могли оказывать противоположное воздействие на общество на разных этапах его развития.

Уже в исследовании о древнепольском государстве В. Д. Королук сумел объяснить ряд особенностей развития польских земель характером внешнего окружения, но специально вопрос о взаимодействии внешних условий и внутренних факторов был разработан при изучении истории полабских славян. В. Д. Королук убедительно показал, что неблагоприятная ситуация постоянного внешнего натиска со стороны немецких феодалов затормозила развитие полабских славян в IX—XI вв., воспрепятствовала созданию феодальной государственности, хотя ранее они даже опережали другие части славянского мира.

Среди таких исследований выделяется работа «Государство бодричей в правление князя Готшалка», в которой раскрываются внешние условия развития бодричского государства в первой половине XI в., внутренние конфликты в нем и драматические поиски выхода из сложившейся ситуации. Очевидно стремление автора рассматривать полабских славян не как объект, а прежде всего как субъект истории. Рисует яркий образ князя Готшалка, в котором в отличие от некоторых исследователей В. Д. Королук видит вовсе не «немецкое орудие», а опытного политика, умело использовавшего противоречия между Саксонией и Данией, между саксонскими герцогами и архиепископством Гамбургским для укрепления бодричского государства.

В монографии «Западные славяне и Киевская Русь», его докторской диссертации, реконструируется система отношений ряда государств. В этой книге получил дальнейшее обоснование и развитие тот подход к изучению славянских контактов с германским феодальным миром, который проявился в его работах по истории полабских славян. В ней глубоко и всесторонне обосновано положение, что первые славянские государства были не только объектом, но и субъектом истории, охарактеризована не только борьба, например, Польши и Чехии с Империей, но и их воздействие на политику этой державы, охарактеризована их самостоятельная роль в «создании Европы». При этом показано, что политические взаимоотношения западных и восточных славян между собой в X—XI вв. имели ничуть не меньшее значение, чем их отношения с Священной Римской империей или с Византией. Особое внимание было уделено взаимоотношениям древнепольского государства и Киевской Руси. Следует отметить также умение исследователя сопоставить между собой скрудные данные источников и прочесть их по-новому, преодолевая груз традиции. Обрисованная им широкая панорама в своих важнейших частях опирается на новое, оригинальное прочтение таких многократно разбиравшихся исследователями источников, как летописная запись о походе Владимира киевского «к ляхам» или грамота 1086 г. с ее знаменитым описанием границ Пражского епископства.

Одна из тем, которая постоянно интересовала В. Д. Королука, — причины неравномерного развития отдельных частей славянского мира, в частности, причины различий в судьбах южных и западных славян в период раннего средневековья. В работе «Древнепольское государство» он усматривал главную причину этого в том, что на территориях, где расселились южные славяне, существовал ранее рабовладельческий способ производства и, следовательно, имели место определенные элементы синтеза. Эти наблюдения послужили исходным пунктом для дальнейшей более углубленной разработки вопроса об особенностях исторического развития уже не только южных славян, но Юго-Восточной и части Центральной Европы в период раннего средневековья. Именно анализ процессов, протекавших в этом регионе, где сталкивалось между собой местное и пришлое население, взаимодействовали общности, резко отличные друг от друга не только этнически, но и принадлежащие к разным культурно-хозяйственным типам, давал возможность наиболее полно и всесторонне рассмотреть вопрос о соотношении внутренних факторов и внешних условий развития раннефеодального общества. Внимание именно к этим аспектам исторического процесса позволило выделить эту часть Европы как отдельный регион с особыми историческими путями формирования классового общества, государства, народностей.

В научной деятельности В. Д. Королюка с конца 60-х годов центральное место занимают этногенетические исследования. Уже в «Древнепольском государстве» он пытался проследить взаимосвязь процессов формирования феодального государства и раннефеодальной народности. Затем для изучения этой проблематики он привлек своеобразный, нетипичный для всего европейского ареала вариант развития: процесс формирования классового общества, государства и народностей у восточных романцев. Речь шла об этносе с пастушеским типом хозяйства, чье и социальное и этническое развитие длительное время происходило не только в окружении этносов иных и в языковом, и в культурно-хозяйственном отношении, но и на территории созданных этими этносами государственных образований. Анализируя древнейшие упоминания о «волохах» в Подунавье, содержащиеся в «Повести временных лет» и венгерском «Анониме» конца XII в., автор пришел к заключению, что оба источника содержат достоверные свидетельства о проживании восточнороманского населения в Подунавье в период раннего средневековья. В методическом плане большой интерес представляет выдвинутое В. Д. Королюком положение о многозначности этнонимов, использовавшихся хронистами, когда один этнос обозначался разными названиями, и, наоборот, один термин служил для обозначения совершенно разных (и в разное время существовавших) этнических общностей.

Важное научное значение имеет выступление В. Д. Королюка в дискуссии относительно свидетельств славянского самосознания, содержащихся в произведениях славянских (или работавших в славянских странах) хронистов эпохи раннего средневековья. Вопреки точке зрения ряда исследователей, утверждавших, что понятие о славянах как единой этнической общности, включающей разные племена, а затем и разные народности, возникло первоначально в неславянском мире, а затем было заимствовано образованными людьми отдельных славянских стран, В. Д. Королюк убедительно показал, что в основе этого представления лежат старые народные традиции, разумеется, известным образом трансформированные в условиях возникновения отдельных славянских государств и народностей и синтезированные в трудах хронистов с определенными элементами европейской образованности, но ничуть не ставшие от этого менее реальными. Рассматривая «Хронику» Козьмы Пражского (начало XII в.), В. Д. Королюк отмечает, что вопрос о славянском происхождении «чехов», об их выделении из общей массы «славян» в схеме хрониста не играет никакой роли, и именно его попутные, случайные замечания показывают, что для хрониста представление о чехах, как славянах, было чем-то само собой разумеющимся, принадлежало не к верхушечным, а глубоко осознанным понятиям.

В последнее десятилетие своей жизни В. Д. Королюк был не только исследователем проблем этногенеза, но и организатором и руководителем этногенетических исследований в масштабах своего сектора и всего Института. В статье под внешне скромным названием «К исследованиям в области этногенеза славян и восточных романцев» он не только удачно суммировал достижения различных наук в области этногенетических исследований, но и выявил те трудности, как конкретно-исторического, так и общеметодологического порядка, которые препятствуют прогрессу исследований в области отдельных наук и комплексному изучению этногенеза. Он очертил возможную программу этногенетических исследований, основанную на признании своеобразного подхода отдельных наук к общему объекту, а вместе с тем, необходимости их взаимосвязи, основанной на точном учете удельного веса и соотношения разных сфер деятельности этноса. Исходя из достижений этнографии в области теории этноса, В. Д. Королюк обратил внимание на важное положение, что определяющим в конституировании особого этноса является наличие у него этнического самосознания. Опираясь на это, он пришел к выводу, что для научной реконструкции истории возникновения того или иного этноса прежде всего необходимо воссоздание истории формирования его этнического самосознания. Так определилась главная, первоочередная задача этногенетических

исследований, а ее выбор позволил наметить и пути решения: такое исследование могло быть осуществлено лишь на базе письменных источников, исходивших прежде всего от данного этноса и отражавших непосредственно его идейно-политическую жизнь.

И под руководством В. Д. Королюка было подготовлено первое не только в советской, но и в зарубежной историографии обобщающее исследование по истории формирования этнического самосознания славянских народов в период раннего средневековья. Отдавая этой работе, несмотря на тяжелую болезнь, много сил и энергии, В. Д. Королюк еще успел довести ее до момента сдачи в издательство.

В работах, написанных В. Д. Королюком в последнее десятилетие его жизни, обнаруживается одна особенность. Ученый не столько предлагал свое решение каких-либо проблем (как это бывало в его более ранних трудах), сколько ставил проблемы, концентрировал внимание на нерешенных вопросах, формулировал программу исследований для многих специалистов разных наук. Эти обращенные в будущее работы В. Д. Королюка еще долго будут сохранять свою актуальность, ибо потребуются много времени и сил, чтобы осуществить поставленные им задачи.

Характеристика В. Д. Королюка как ученого будет неполной, если не сказать хотя бы несколько слов о нем как руководителе научного коллектива. В начале 60-х годов он возглавил сектор славяно-германских отношений. В коллективе ни у кого не было сомнений в добром и отзывчивом отношении В. Д. Королюка ко всем своим товарищам, в его прекрасных, человеческих качествах. Его научный авторитет был непререкаем. На заседаниях сектора выступали часто не только сотрудники сектора, работы которых заведующему, естественно, были известны, но вообще широкий круг людей, занимавшихся славяно-германскими отношениями XIX—XX вв. В небольшом выступлении (по заметкам, набросанным на папиросной коробке) В. Д. Королюк не только резюмировал самую суть дискуссии, выяснял причину успехов (и неудач) докладчика, но и ясно формулировал, что следует делать дальше, чтобы решить возникшие трудности. Так было и в секторе древней истории и средних веков, который он возглавлял с 1970 г. Можно только пожалеть, что эти замечательные его выступления в силу обстоятельств сохраняются лишь в памяти тех, кто их слышал.

Институт привык видеть в своих рядах В. Д. Королюка и воспринимать как само собой разумеющееся, что в его коллективе находился человек, всегда полный творческих планов, постоянно будивший научную мысль своих коллег, нарушавший устоявшиеся границы между специальностями, ставивший перед своими товарищами новые вопросы, человек большого дарования, оптимизма и жизнелюбия.

Многолетние усилия В. Д. Королюка уже дали свои плоды. Под его влиянием немало специалистов превратилось в самостоятельных исследователей. Его наследие, богатое новыми мыслями и планами, не останется втуне, мысли получат развитие, а планы будут осуществлены. И сознание этого несколько смягчает для нас боль утраты.

КИРИЛЛОВА О.

«ДОМ НА ОТШИБЕ» КАК ОТРАЖЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА И. АНДРИЧА

Завершенная рукопись сборника новелл «Дом на отшибе» была найдена в архиве И. Андрича и опубликована в 1976 г. вскоре после его смерти, став для писателя итоговой и в прямом, и в самом широком смысле. Рискнем утверждать, что здесь Андрич абсолютно сознательно и целенаправленно *воссоздает* свой поэтический мир.

«Следует помнить, — пишет Л. Гинзбург, — что каждая самобытная художественная система возникает путем *выбора* средств (следовательно *отказа* от других средств), самых нужных для познавательных целей писателя... Видение большого писателя не бывает всесторонним — это всегда угол зрения» [1, с. 91]. Приведенное общее положение в нашем случае имеет прямое отношение к конкретной художественной задаче, стоявшей перед автором и определившей своеобразие книги: систематизировать наиболее важные и характерные для него темы, выделить основные стилистические приемы, ясно определить жанр — обозначить принципы своей поэтики. Эстетический характер названной задачи скорее предполагает обращение к форме эссе, но Андрич решает ее на художественном материале, облекая рассказ о сделанном и о себе в форму еще одного «рассказа» о других. («Писатель должен быть молчалив, как молчалива его книга на полке», — не раз повторял он.)

В современном литературоведении существует два понимания категории поэтика. Одно из них ограничивается проблемами поэтической речи и стиля. Другое, более широкое, предполагает изучение не только речевых, но и других структурных аспектов текста. О широком понимании поэтики писал, в частности, В. В. Виноградов: «Поэтика как наука о формах, видах, средствах и способах организации произведения словесно-художественного творчества, о структурных типах и жанрах литературных сочинений стремится охватить... не только явления поэтической речи, но и самые разнообразные стороны строя произведений литературы и устной народной словесности» [2, с. 184]. В предлагаемой статье поэтика понимается в таком широком смысле. Однако статья не претендует на описание всех указанных аспектов поэтики И. Андрича, а стремится наметить лишь некоторые основные линии, объединяющие последнее произведение писателя с его предшествующим творчеством.

Известный югославский литературовед И. Тарталья, автор книги «Эстетика повествования. К изучению поэтики Андрича», обращаясь к «Дому на отшибе», замечает, что в связи с темой этого произведения изучение поэтики Андрича целесообразнее было бы начать именно с него. «Книга прозы „Дом на отшибе“ не обычный сборник, — пишет он. — Короткие рассказы о судьбах людей пронизаны здесь нитью единого вводного повествования... туго связывающего каждый отдельный рассказ и обрамляющего

каждый персонаж. Эта фабульная нить, опутывая все новеллистические „медальоны“ в сборнике, является в то же время отдельным повествованием, которое могло бы быть понято и как интимная исповедь, и как эссеистическое исследование о процессе творчества. Во всяком случае оно представляется в известном смысле обобщением опыта художника» [3, с. 61]. С этим нельзя не согласиться. Однако вызывает возражение то, что Тарталья доказывает свое утверждение, обращаясь лишь к обрамляющей части сборника, т. е. к собственно авторской линии, оставляя без внимания сами новеллы. Обрамляющий сюжет книги, композиционно связывая вошедшие в нее отдельные истории, действительно является наиболее очевидным объединительным приемом. Но образ автора, ритмично появляющийся в каждой новелле, несмотря на свою композиционную и идейную нагрузку, становится лишь необходимым знаком единой фабулы. Истинное же единство сборника создается не только и не столько за счет этого, но и за счет особого целенаправленно отобранного художественного материала, положенного в основу самих новелл. Андрич здесь прощается не только с «любимыми героями», — как отмечает И. Тарталья, — но и с целыми тематическими пластами своего творчества, — добавим мы. За героем каждой новеллы при полном сохранении иллюзии художественной первозданности (для человека, впервые обратившегося к творчеству Андрича, «Дом на отшибе» — сборник изящных, мастерски написанных новелл), стоит целая вереница типологически родственных ему, «узнаваемых», персонажей. Это естественно повышает степень собирательности такого образа, поскольку осмыслению подлежит не первичный (жизненный) материал, а материал ранее уже художественно освоенный. Это и объясняет присутствие в сборнике важнейшего, структурного для всей книги, элемента игры¹, в данном случае игры литературной. Андрич моделирует микромир своего творчества, и персонажи всех новелл, включая самого автора, играют в этом действе отведенные им роли.

Вступление к сборнику открывается описанием дома, расположенного «чуть в стороне от других», где автор как-то провел лето, и сообщением о том, что предлагаемые вниманию читателя новеллы являются воспоминаниями о том времени. «Характер и расположение мебели, цвет стен, хрустальные венские люстры с металлическими подвесками, глиняные боснийские печи с „горшочками“ и ковры местной работы... говорят о ... двойственности. Внутри, как и снаружи, отчетливо видно столкновение двух эпох и произвольное смещение различных стилей» [5, с. 155]². Уже здесь, в детальном «портрете» дома, прочитывается триединство смысловых уровней, заложенных в книге. На первом из них дом — объект описания, один из многих удобных и просторных боснийских домов, где «можно хорошо жить и работать». Это начальный уровень восприятия, на котором создается упомянутая «иллюзия первозданности» художественного текста. За ним проявляется следующий более глубокий смысловой уровень, когда в описании дома мы угадываем контуры того Перекрестка, на котором сошлись Восток и Запад, образовав уникальный в своем роде исторический, религиозный, культурный национальный конгломерат, описанный в большинстве произведений Андрича³.

¹ «Игра есть осуществляемое добровольное действие или занятие, которое осуществляется в пределах определенных, строго установленных пространственных и временных границ по добровольно принятым, но безусловно обязывающим правилам, имеет цель в самом себе и сопровождается чувством напряжения и радости, а также сознанием отличного от „обыденной жизни“ „иногобытия“» [4, с. 34].

² Цитаты из сборника «Дом на отшибе», кроме особо оговоренных случаев, даны по журнальной публикации [5].

³ Проблема «существования» Запада и Востока на боснийской земле занимает одно из центральных мест в идейной структуре романа «Травницкая хроника» (1945). Джованни Марио Колонья — персонаж романа, олицетворяющий особый тип сознания, сформировавшегося под влиянием множества специфических факторов, обусловленных «перекрестным» положением Боснии, — так говорит о национальном характере жителей этого края: «Это жертвы фатального разделения человечества на христиан и нехристиан: вечные толмачи и посредники, однако души их самих полны неясного и недоговоренного; прекрасные знатоки Востока и Запада, их обычаев и верований, но одинаково презираемые и подозреваемые обеими сторонами... Это небольшое

Обратившись вслед за Вступлением к текстам самих новелл, мы видим, как за первым и вторым смысловыми уровнями появляется третий, и начинаем постигать: подробно описывая интерьер «дома на отшибе», писатель готовит сцену для задуманного им «представления» героев, уточняет декорации, т. е. определяет «пространство игры»⁴: «У меня под окнами... время от времени проезжает бывший визирь Али-паша Ризванбегович Сточевич. По перестуку копыт я узнаю, когда он выступает визирем и повелителем Герцеговины, а когда — поверженным узником... и в том, и в другом случае он неназойливо намекает, чтобы я отворил двери моего рассказа и предоставил ему там подобающее место» (новелла «Али-паша» [5, с. 156]). Или: «Только что здесь сидел один из самых приятных посетителей Ибрагим-эфенди Шкаро, он никогда не рассказывает о себе, не защищает себя и не оправдывает, не возвеличивает и не навязывается. И если другие обычно хотят войти в мой рассказ и подчас бестактно и назойливо на этом настаивают, то он, напротив, предпочел бы чтобы я нигде его не упоминал» (новелла «Рассказчик» [5, с. 162]). Подобные «посещения»⁵ отнюдь не удивляют «автора», который не испытывает необходимости как-нибудь их объяснить, а спокойно начинает рассказ о жизни пришельца, образующий отдельный замкнутый сюжет, не связанный с сюжетами остальных новелл сборника. Появление «под окнами» Али-паши, визиты Ибрагима-эфенди Шкаро, приход «самого назойливого и шумного» гостя Бонвал-паши, или встреча с героиней рассказа «Рабыня», от которой «хотелось бы уклониться, но избежать которой нельзя» и другие воспринимаются хозяином «дома на отшибе», автором-повествователем, как события вполне обычные и естественные, которые могут радовать, могут и раздражать, но безусловная данность которых не вызывает никакого сомнения и с этой точки зрения не осуждается.

Игнорируя это обстоятельство и тем самым важнейший игровой пласт в смысловой структуре книги, югославская исследовательница В. Тарановская-Джонсон сопоставляет «Дом на отшибе» с циклом Андрича «Лица» (1960) и приходит к выводу, что во вступлениях к обоим циклам «...повествователь, ведущий рассказ от первого лица, — это и есть сам писатель, лично Андрич, описывающий свой творческий процесс», а посетителя «дома на отшибе» — «призраки прошлого, привидения из его ненаписанных рассказов» [9, с. 380, 382]. Так ли это?

Обратимся к тем же цитатам, которые приводит исследовательница. Вот вступление к циклу «Лица», объединившему четыре небольших сцен-зарисовки, скорее дневникового характера, примыкающие к книге Андрича «Знаки вдоль дороги» (1974), а по жанру и стилистике напоминающую известные записки Ю. Олеши «Ни дня без строчки»: «С тех пор, как я помню себя, человеческие лица для меня — самая притягательная часть окружающего мира. Я помню многие края и города и могу вызвать их в памяти когда угодно и на сколько угодно, но человеческие лица, которые

обособленное человеческое племя, которое погрязло в двойном грехе Востока и которое надо еще раз спасти и искупить, только никому не известно, кто это сделает и как. Это люди, стоящие ... на той черной и кровавой линии, которая в силу тяжелого и бессмысленного недоумения существует между людьми, божьими творениями, между которыми не должно быть границы. Это грань между морем и сушей, осужденная на вечное движение и колебание, как бы третий мир, где осело все проклятье вследствие разделения земли на два мира» [6, с. 239].

⁴ Мы встречаемся с подобным приемом в эссе Андрича «Разговор с Гойей» (1935), где он излагает основополагающие принципы своей эстетики устами «великого испанца», который «подсел» к его столику в небольшом кафе в предместьях Бордо, причем писатель в этой сцене все время остается безмолвным слушателем. Интересно, что автор именно отсылкой к игре, к театральности пытается сделать менее неожиданным это появление: «Подобные крохотные кафе ... одинаковы повсюду ... (далее следует подробное описание интерьера, т. е. „пространства игры“, которое мы опускаем). В эти декорации всегда можно поместить людей, костюмы и обычаи из разных эпох, и они ничуть не будут им противоречить, не будут вызывать никаких анахронизмов, которые нарушали бы иллюзию и делали сцену невероятной» [7, с. 236].

⁵ На схожесть сюжетного построения сборника «Дом на отшибе» с романом М. Унамуно «Туман» (1914) и драмой Л. Пираделло «Шесть персонажей в поисках автора» (1921) указывают И. Тарталья [3, с. 61] и Д. Пувачич [8, с. 326—335].

и видел во сне или наяву, приходят сами по себе и стоят перед моим взором, мучительно долго или до боли мимолетно. Живут рядом со мной или странным образом навсегда исчезают, так что никакими усилиями их уже не вернешь. То возникает в памяти одно единственное лицо и долго долго мерцает передо мной, заслоняя мир, а то нахлынут сотни, тысячи лиц, грозя буйным своим разливом затопить и унести мое сознание; ... по одиночке или вереницей человеческие лица проходят передо мной. Одни возникают безмолвно — сами собой или по неизвестному мне поводу, а другие словно по уговору, по какому-то знаку, слову или фразе, которое от них неотделимо» [7, с. 278]. Здесь автор действительно чрезвычайно близок к писателю и можно с некоторым допуском согласиться с В. Тарановской-Джонсон, что это — «лично Андрич» пытается интерпретировать причуды творческой фантазии то как особенности своей психики («с тех пор, как я помню себя»), то как сновидения («лица, которые я видел во сне»), то как ассоциации, вызванные каким-то «знаком, словом или фразой». Следующий далее текст самих зарисовок не оставляет уже никакого сомнения, что перед нами — воспоминания детства писателя: «Еще одно лицо... Она была актрисой и жила на одном с нами этаже. Мне могло быть тогда восемь или девять лет» [7, с. 280—281].

А вот «Вступление» к «Дому на отшибе»: «В полусне, пока я еще не открыл глаза, подобно желтым и розовым полосам на опущенных занавесах моего окна, трепещут во мне сами по себе, отрывочные нити начатых рассказов. Они предлагают себя, будят меня и тревожат. И потом, когда я приведу себя в порядок и возьмусь за работу, меня не перестанут одолевать герои этих рассказов, преследовать обрывки их разговоров, раздумья и поступки с массой вполне конкретных, осязаемых деталей. Теперь я вынужден от них защищаться и обороняться, пытаюсь схватить как можно больше подробностей и занести что могу на приготовленную бумагу» [5, с. 156]. При всей схожести приведенных отрывков в них видна существенная разница. Если в первом объясняются причины зарождения в сознании художника сюжетов его будущих рассказов, то во втором — о причинах уже нет ни слова. Писатель здесь преобразен в творца, сознание которого необъяснимым образом заполняется героями его рассказов. Еще миг, и на пороге «дома» появится герой первой новеллы, «самый настырный и шумный» Бонвал-паша, и автор-писатель, «лично Андрич», станет «образом автора», отстраненным от своего прототипа литературной условностью, окажется вместе с другими представителями образной системы сборника в одном пространственно-временном измерении игрового «инобытия», где вступают в силу законы вымысла, и начнет «представлять» автора, творца — артиста — в создаваемой модели художественного мира.

Эта игра с самим собой, она же — истинная, скрытая от глаз жизнь художника, вне которой его существование лишается смысла⁶, становится одной из ведущих тем, выдвигающей образ повествователя на первый план и включающей книгу в традицию романтического преобразования жизни. «Объективная поэзия стремится к игре, — писал Ф. Шлегель, — которая была бы достойнее, чем святая серьезность, к иллюзии, которая была бы более закономерна, чем безусловная правда...» [10, с. 48]. «Искусство, — читаем у Андрича, — и в этом подобно жизни: оно кажется игрой, а на самом деле — дьявольски серьезная вещь, и тем более серьезная, чем больше оно походит на игру» [7, с. 386].

Есть еще один очень важный оттенок в романтическом преобразении у Андрича. Писатель пытается уловить и выразить скрытую мелодию

⁶ В «Знаках вдоль дороги» Андрич писал: «... я мог бы свободно сказать, что существую лишь постольку, поскольку сумел нечто изложить на чистом листе бумаги» [7, с. 383]. Ему вторит авторский голос из «Дома на отшибе»: «... я знаю, что произойдет в тот миг, когда во мне пробудится луч дневного сознания ... вдруг станет серым мой день ... и передо мной вместо моего существования и моей работы, раскроется невыносимая тривиальность некоего существования, неотделимого от меня, но не принадлежащего мне, возникнет губительная пустота времени, которая внезапно гасит в нас радость жизни, а нас самих постепенно убивает» [5, с. 156].

жизни, но осознает всю невозможность приблизиться здесь к идеалу: «Иногда случается, что, описывая нечто, я слышу в себе ласковую мелодию, фразу, которая не имеет много связи с тем, что я пишу, но которая упорно меня преследует и от которой я не могу (и не хочу) освободиться. В конце концов я уступаю и ставлю ее посреди текста, над которым работаю, без связи и причины, для души и собственного удовольствия» [7, с. 385]. Музыка присутствует и в рассказах ф-ра Петара⁷, от лица которого ведется повествование в известных новеллах Андрича 30—40-х годов: «Всякое его слово сопровождалось каким-то особым звуком, словно звуковым ореолом, которого не было у других людей и который долго еще витал в воздухе после того, как угасало само слово. Поэтому каждое слово выражало больше, чем в обычной речи людей» [11, с. 212]. А вот впечатление автора «Дома на отшибе» от визита Ибрагим-эфенди Шкаро, прямого продолжателя линии ф-ра Петара: «Я проводил Ибрагима-эфенди, вернулся и опять сел на свое место, на котором до сих пор его слушал. Мне кажется, будто он вовсе не покидал моей комнаты, будто нечто от него, невидимое, но живое и реальное, осталось и продолжает мне рассказывать, причем не словами, но как-то иначе, непосредственно самим живым смыслом повествования... Я слушаю тишину своей комнаты, то, как она продолжает рассказывать, и, кивая время от времени, подтверждаю услышанное» [5, с. 162]. Эта скрытая музыкальность, наполняющая особым смыслом сказанное, звучит в лучших произведениях Андрича и, к сожалению, почти всегда утрачивается в переводах. Ею, на наш взгляд, в огромной степени можно объяснить поразительный эффект преображения в творчестве писателя простых вещей и событий, написанных простыми словами, в вещи и события, несущие глубокий, зачастую символический смысл. Об этом, видимо, сделана грустная запись в «Знаках вдоль дороги»: «Я думаю, что мне никогда, даже приблизительно, не удастся выразить красоту, которую содержат обыкновенные поступки, мелкие события и маленькие радости повседневности, увиденные через одну большую заботу или печаль...» [7, с. 350].

Исследователи не раз отмечали, что тема «рассказчика», «рассказывания» в самом широком диапазоне — от сказа до повествования, основанного на народном предании, легенде, мифе, у истоков которого — все тот же устный рассказ, — одна из основополагающих в творчестве Андрича [12; 13]. Она же становится ведущей в сборнике «Дом на отшибе». В новелле «Рассказчик», описывая талантливого сказителя Ибрагима-эфенди, Андрич в сущности говорит о важнейшей особенности своей поэтики: «В рассказах этих необычайно и редкостна самая его способность удивить слушателей чем-нибудь обыденным и привычным... любая попытка повторить их обречена на неудачу, и вы сами начинаете удивляться и в удивлении спрашивать, как и когда истории Ибрагима-эфенди утратили в пересказе жизненные соки и великое очарование... Когда вы внимаете его рассказам, вам кажется, будто это сама жизнь богатая и разноликая рассказывает о себе, а Ибрагим-эфенди лишь время от времени вставляет словечко-другое в нужных местах, *точно он и сам слушатель*» (курсив мой. — К. О.) [5, с. 164]. Рассказчик, слышащий то, что не слышат другие, устами которого «говорит сама жизнь» — alter ego автора-хозяина «Дома на отшибе», записывающего новеллы «со слов» своих «посетителей», и шире — воплощение организующего авторского начала в произведениях Андрича. «Пересказывающий повествователь» вообще — одна из наиболее часто встречающихся позиций образа автора в произведениях Андрича: новеллы о ф-ре Петаре построены на рассказах, «услышанных» (и притом не один раз) от старого монаха. Рассказ «Туловище», например, кончается такой ремаркой: «Этими словами обычно заканчивал или начинал ф-ра Петар свой рассказ...» [11, с. 222]. И всемирно известная новелла «Проклятый двор» начинается отсылкой к рассказам ф-ра Петара: «О двух месяцах, проведен-

⁷ Центральный образ новелл «Туловище» (1937), «Чаша» (1940), «На мельнице» (1941), «Шутка на Самсарином заезжем дворе» (1946), «Проклятый двор» (опубл. в 1954 г.).

ных в стамбульской следственной тюрьме, фра Петар рассказывал больше и интереснее, чем о чем-либо другом» [11, с. 17]. В «Рассказе о слоне визиря» (1947) Андрич указывает на народные предания как на важнейший для себя материал: «Боснийские местечки и города полны преданий. В этих, часто фантастических, рассказах о невероятных событиях и выдуманных людях нередко содержится подлинная, непризнанная история края, история живых людей и давно ушедших поколений. Это та восточная ложь, о которой турецкая пословица говорит, что она «правдивее всякой правды» [11, с. 239]. В эссе «Разговор с Гойей» (1935) предания, легенды, сказки возведены на уровень основополагающих созданий человеческой мысли, имеющих для Андрича философский смысл. «... Надо слушать легенды, следы вековых коллективных усилий, и с их помощью отгадывать насколько возможно, смысл нашей судьбы... В сказках — подлинная история человечества, в них можно если не постигнуть в полной мере, то почувствовать ее смысл. Есть несколько основных легенд, которые показывают или во всяком случае как-то освещают если не цель, к которой мы движемся, то путь, который мы прошли. Легенда о первородном грехе, легенда о потопе, легенда о сыне человеческом, распятом во имя спасения мира, легенда о Прометее и похищенном огне...» [7, с. 247].

Истинный автор у Андрича, как правило, скрыт, растворен в персонажах образной системы произведения. Он, подобно хозяину «дома на отшибе», внешне безучастен, не вмешивается в свой, казалось бы, незамысловатый рассказ, удивляющий слушателей обыденным и привычным: «Я слушаю его (Ибрагима-эфенди. — К. О.) долго и внимательно, лишь изредка возникает у меня желание вмешаться, сказать свое слово, выразить то, что я об этом думаю. Да, возникает такое желание, но я не скажу ничего, потому что ничей рассказ я не прерываю... Куда бы это меня завело, если бы я так поступал! Тогда вовсе не было бы моего повествования» [5, с. 162]. При всех вариантах распределения ролей между «автором» и «источником» его произведений Андрич всегда придерживается принципа, выраженного одной фразой из новеллы «Проклятый двор»: «Самое лучшее дать человеку говорить свободно» [11, с. 18].

Проблеме повествования, рассказчика посвящены в сборнике две новеллы из одиннадцати. Кроме Ибрагима-эфенди, в «доме на отшибе» «бывал» еще один персонаж — барон Дорн, герой новеллы «Барон». Его истории отличаются от рассказов Ибрагима-эфенди, хотя сказительство и стало для него страстью всей жизни. «Он начинает спокойно, хладнокровно, с искренним желанием сказать самое главное и что-то действительно необходимое, во всяком случае только истину, но во время разговора расплывается болезненно и неожиданно... Воображение начинает работать... и чем дальше от истины, разговор становится ему все дороже и приятнее. Он ощущает его как сладость в уголках губ, и эта сладость растет, кажется, что сейчас, вот-вот, достигнет своего апогея, и все это произвольное мечтание превратится в шедевр лжи — в истину. Но к сожалению этот момент никогда не наступает...» [14, с. 39]. Андрич пытается нащупать грань, за которой истина становится в рассказе барона безнадежной ложью, чтобы понять, что светится в историях старого монаха фра Петара, наполняя их особым смыслом, почему рассказы Ибрагима-эфенди удивляют «обыденным и привычным», а любая попытка повторить их обречена на неудачу. Ответом на эти непростые «как» и «когда» стал весь сборник «Дом на отшибе», в построении которого отражен один из основных принципов эстетики писателя, определяющий особенность его поэтики. Заставить обыденное светиться глубоким смыслом может, по мысли Андрича, рассказ того, кто, подобно хозяину «дома на отшибе» способен «потопнуть в нем, стать частицей его, его отражением или воплощением, даже менее того: стать лишь одним мгновением этого отражения, одной единственной мыслью или смутной тенью» [5, с. 155].

В остальных новеллах, составивших книгу, Андрич также еще раз «проигрывает» ведущие сюжеты и мотивы, уже созданных им произведений, выделяя основные тематические линии своего творчества. Мы коснемся лишь некоторых из них.

Герой новеллы «Али-паша», прототипом которого является герцеговинский правитель Али-паша Ризванбегович Сточевич (1783—1850) продолжает вереницу образов турецких правителей, созданных Андричем. Здесь и визирь Юсуф из рассказа «Мост на Жепе», которого «шоразил страх перед жизнью» в самом расцвете его могущества; и Джелалутдин-паша — герой «Рассказа о слоне визирия», который тоже всю жизнь носит в себе страх смерти, тщетно пытаясь избавиться от него, то злодействуя, то по-детски забавляясь; и Мехмед-паша Соколович, «строитель» моста на Дрине, выходец из крестьянской семьи, взятый в детстве в янычары. С тех пор он носит в себе «ощущение почти физической муки», хотя судьба и сделала его Великим визирем. Новелла «Али-паша» рассказывает о последних днях старого визирия, смещенного в результате интриг со своего поста и приговоренного к смерти. «Это был один из тех маленьких султанов, которым удавалось на короткое или длительное время утвердиться на окраинах империи», — пишет Андрич, представляя своего героя. Далее следует история жизни Али-паши и его падения, но не она занимает автора — в его судьбе Андрича интересует ее трагический конец: оставшись один на один перед лицом смерти, потеряв власть, Али-паша приближается к постижению смысла человеческой жизни ближе, чем когда он был молод, полон сил и уверен в своем праве властвовать над людьми. По дороге в ссылку этот немощный старик, посаженный изощренными палачами задом наперед на мула, «... постиг и познал истину о людях и человеческих отношениях полнее и лучше, нежели когда-либо прежде в своей жизни... Это познание погасила солдатская пуля... оно утрачено навсегда» [5, с. 162]. Ретроспективный взгляд на историю жизни персонажа, когда точкой отсчета становится смерть героя — прием, часто встречающийся у Андрича. В частности, упоминание о смерти рассказчика, фра Петара, в начале новелл «Туловище» и «Проклятый двор» окрашивает все последующее повествование, неизбежно придает его рассказам дополнительную значимость и завершенность⁸.

Аналогичный процесс, возникающий благодаря этому приему, очевиден в новелле «Али-паша». Здесь вслед за личной трагедией визирия, за первым смысловым планом литературной конкретики возникает более общий уровень осмысления материала, когда отдельная история становится символом судьбы человека, которому через страдания открывается смысл сущего.

В новелле «Рабыня» создан женский образ, отразивший раздумия Андрича о судьбе женщины на Востоке. Девятнадцатилетняя девушка Ягода из герцеговинского села Прибиловичи — рабыня — становится олицетворением этой судьбы. Попав в плен к туркам, она оказывается запертой в одной из специально приготовленных для пленников клетке, которую выставляют затем для обозрения покупателям на рыночной площади небольшого боснийского городка. Почти треть новеллы посвящена описанию упорной и безнадежной борьбы юной жизни с невольничьей клеткой: промучившись всю ночь, Ягода умирает, раздавленная ее прутьями, успев лишь подумать, что «люди рождаются для того, чтобы быть рабами у рабской жизни, и умирают рабами болезни и смерти» [5, с. 167]. Подчеркнутая одномерность образа, наделенного в произведении единственной функцией — обозначить фатальную несвободу восточной женщины, трагическую обреченность красоты и неординарности, приближает этот персонаж к символу, обобщившему определенный тип женских характеров, созданных Андричем в предшествующих произведениях.

Героиню новеллы «Наложница Мара» (1926), шестнадцатилетней девочкой купил главнокомандующий турецкими войсками в Боснии Велиудин-паша. Уехав, он оставляет ее на позор и одиночество просто и естественно, как оставляют ненужную вещь.

⁸ Л. С. Выгодский в своей книге «Психология искусства» [15] разбирая рассказ И. Бунина «Легкое дыхание», убедительно доказывает, что построение композиции, при котором факт смерти героини вынесен в начало, совершенно определенным образом влияет на читательское восприятие, превращая банальную историю любовной интрижки провинциальной гимназистки и офицера в рассказ о «легком дыхании».

Короткая и яркая жизнь героини новеллы «Времена Аники» (1927), редкой красавицы, наделенной умом и достоинством, — вызов окружающим ее устоям и плата за иллюзию свободы, которую Аника пытается создать для себя. К этим женским образам примыкает и «красавица Фатима» из романа «Мост на Дрине» (1945), которая, когда ее насильно везут венчаться с нелюбимым человеком, бросается с моста в реку, утверждая свое право на свободный выбор.

Новеллы сборника «Геометр и Юлка» и «Любовь» по-разному повествуют о сложном мире человеческих взаимоотношений, но они проникнуты и как бы объединены мыслью о непостижимости законов, которые вступают в силу, когда соединяются две судьбы. Эта мысль была высказана еще в романе «Травницкая хроника» (1945). Анализируя долгую историю совместной жизни австрийского консула фон Миттерера с женой, Андрич пишет: «Как мог существовать и на чем держаться такой брак?... Этого никто и никогда не узнает; это останется одной из тех необъяснимых тайн, так часто неумолимо разъединяющих двух людей, или же их неразрывно связывающих» [6, с. 98].

Сборник «Дом на отшибе» — самое «чистое» с точки зрения жанра произведение Андрича, своеобразный «ключ» к типологии жанровой структуры его творчества. Если рассмотреть все написанное Андричем через призму его последней книги, станет очевидным, что после поэтических сборников «Ex ponto» (1918) и «Волнения» (1920) писатель последовательно шел от «простейшего» объединения группы новелл в цикл (здесь наиболее характерны новеллы, связанные образом католического монаха фра Петара), когда цикличность проявляется только при ретроспективном соотношении новелл друг с другом по мере их публикации и не является еще функционально значимым художественным приемом для всей группы произведений, к сложному синтезу множества новелл в романную форму (романы «Травницкая хроника» и «Мост на Дрине» объединены типологическим единством жанровой структуры, представляя в то же время два пути в развитии романного жанра у Андрича)⁹, и, наконец, в новеллистическом сборнике «Дом на отшибе» писатель впервые намеренно объединяет ряд новелл в цикл, декларируя свою приверженность к новеллистическому циклу, утверждая оптимальность этой формы для своего творчества. «Ретроспективная» циклизация уступает здесь место циклизации, ставшей одним из основных выразительных компонентов художественной структуры произведения. Одиннадцать новелл сборника представляют собой мозаичное художественное целое, единство которого создается не только за счет общей линии, связанной с авторским началом, но всей идейно-художественной структурой книги. Причем композиционная разделенность на отдельные новеллы в данном случае не ослабляет, а напротив является одним из центральных приемов, сознательно направленных на усиление этого единства, создает наиболее точную форму для воплощения авторского замысла.

Эта книга занимает совершенно особое место в творчестве Андрича, вобрав в себя созданный писателем художественный мир, просветляя ключевые моменты его поэтики, завершая сделанное необходимой сильной и чистой нотой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гинзбург Л. О литературном герое. Л., 1979.
2. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.
3. Тарталя И. Приповедачева эстетика. Прилог познавању Андрићеве поезике. Београд, 1980.
4. Huizinga J. Homo Ludens. Reinbeck bei Humburg, 1956.
5. Иностранная литература, 1980, № 6 (Перевод А. Романенко).

⁹ Об этом подробно см. [16; 17].

6. Андрич И. Травницкая хроника. Мост на Дрине. М., 1974, с. 239 (Перевод Т. Вирты).
7. Андрич И. «...человеку и человечеству». М., 1983 (Перевод А. Романенко).
8. Pivačić D. Jedanaest lica traži pisca.— In: Savremenik, 1977, № 11, s. 326—335.
9. Taranovska-Džonson V. Od pripovetke do ciklusa. Struktura i tematska povezanost u Andrićevoj «Kući na osami».— In: Savremenik, 1980, № 6.
10. Шлегель Ф. Об изучении греческой поэзии.— В кн.: Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М., 1980.
11. Андрич И. Проклятый двор. М., 1967. (Пер. И. Голенищева-Кутузова).
12. Секулић И. Исток у приповеткама И. Андрића.— В кн.: Критичари о Андрићу. Београд, 1962, с. 57—71.
13. Wierbicki J. Funkcija «prirovedaća» i «priče» u Andrićevoj prozi. Umijetnost riječi, 1962, № 1—2, s. 50—68.
14. Andrić I. Sabrana djela. Kuća na osami. Sarajevo — Zagreb, 1977.
15. Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1968.
16. Кириллова О. Л. Ауторски поступак у новелама Иве Андрића.— В кн.: Дело Иве Андрића у контексту европске књижевности и културе. Београд, 1981.
17. Кириллова О. Л. Принципы жанрообразования в прозе И. Андрича.— В кн.: Балканские исследования. № 9. М., 1984.

СУДЬБА ДОЛГИХ СОГЛАСНЫХ В СЛОВАЦКОМ ЯЗЫКЕ

Долгие согласные в терминах артикуляторной фонетики могут быть определены как звуки, при произнесении которых дольше, чем обычно, не изменяется конфигурация артикуляционных органов, т. е. дольше, чем обычно, сохраняется затвор или щель (о фонетической природе долгих согласных в славянских языках см. [1]).

Возникновение долгих согласных звуков в славянских консонантных системах явилось результатом взаимной адаптации согласных в гоморганных сочетаниях, появившихся после утраты сверхкратких гласных в слабой позиции. Этот процесс имел место в различных славянских языках в разное время (в зависимости от хронологии утраты сверхкратких и ассимиляции согласных по глухости / звонкости). В каждом языке преобразование гоморганных сочетаний в долгие согласные осуществлялось в несколько этапов: раньше возникли долгие согласные из тех сочетаний, элементы которых были между собой наиболее близкими в артикуляционном отношении, т. е. прежде всего преобразованию подвергались сочетания идентичных согласных. Вероятно, длительное время после утраты сверхкратких гласных во всех славянских языках наблюдалась ситуация, подобная той, которая характерна для современного украинского языка: в большинстве украинских говоров и литературном языке на месте сочетаний исконно одинаковых согласных звуков выступают долгие согласные, сочетания же звонкого и глухого согласных сохраняются. После завершения процесса ассимиляции по глухости / звонкости число долгих согласных в славянских языках значительно увеличилось. Однако в дальнейшем судьба этих звуков была различной в отдельных славянских языках. Задача настоящей статьи — показать особенности данного общеславянского явления в современном словацком языке.

Существующая в настоящее время кодификация словацкой произносительной нормы предписывает произносить долгие согласные в интервокальной позиции в следующих случаях¹:

а) на стыке приставки и корня — [d:] *preddavok*, [t:] *odtade*, [d':] *oddialit'*, [t':] *odtiahnut'*, [z:] *bezzásadový*, [s:] *rozsypat'*, [c:] *odcestovat'*, *odsúdit'*, [č:] *nadžas*, *podšívka*;

б) на стыке корня и суффикса — [n:] *kamenný*, [n':] *denne*, [k:] *mäkký*, [š:] *užší*, [c:] *sudca*, [č:] *dobyťčí*, *sladší*, *väčší*;

¹ В работе принята транскрипция, рекомендуемая Комиссией Общеславянского лингвистического атласа [6, с. 9—19]. Знаки $\widehat{c}^s$, $\widehat{č}^s$, $\widehat{ž}^z$, $\widehat{ž}^z$ введены нами для обозначения аффрикат с продленным фрикативным элементом. Материал по литературному языку приводится в орфографической записи, в квадратных скобках перед примером представлена фонетическая реализация выделенной части слова. Диалектный материал приводится в записи источника, в ряде случаев с незначительной транслитерацией в соответствии с рекомендациями Комиссии ОИА.

в) в формах 2 л. мн. ч. повелительного наклонения глаголов, имеющих в исходе корня [d'] или [t'] — [t':] súd'te, pod'te, vrát'te;

г) в числительных типа [d':] päťdesiat, [c:] dvadsať;

д) в формах превосходной степени прилагательных — [j:] najjasnejší, najjednoduchší;

е) в формах 1 л. мн. ч. повелительного наклонения глаголов, корни которых заканчиваются согласным [m] — [m:] ozbámme, nelámme, rozlomme;

ж) в сложных словах — [r:] štvorrozmerný, štvorročne, [l:] pollitrový, [j:] dvojjazyčný;

з) на стыке слов [2, s. 28—29; 3, s. 148—154, 200—203, 238—242; 4, с. 29—30; 5 passim].

В орфоэпическом разделе «Правил словацкого правописания» указывается, что долгие согласные упрощаются в следующих фонетических позициях: а) после согласного перед гласным — [t'] odpust'te, [c] vešťa (род. пад. ед. ч.); б) после гласного перед согласным — [c] podskočiť', ľudský, [s] vít'azstvo [2, s. 29]; в) между согласными — [c] študentský, študentstvo, asistentský (возможно и произношение [s] študentský и т. д., однако в образцовой речи рекомендуется произносить [—пск—], [—пкт—]) [2, s. 16]. Но в «Краткой грамматике словацкого языка» Э. Паулини среди примеров употребления долгих согласных в литературном словацком языке находим слово [s:] vít'azstvo [4, s. 30], в «Словацкой грамматике» Э. Паулини, Й. Ружички и Й. Штольца — [t':] odpust'te, [d:] naddvihnut' [7, s. 45] (последний пример приведен и в «Правилах» [2, s. 29], несмотря на сформулированное там общее положение об упрощении долгих согласных в позиции перед согласным). Произношение аффрикаты нормальной длительности в словоформе vešťa Г. Бартек считал недопустимым в литературной речи [8, s. 56].

А. Краля в статье «Еще раз об удвоенных согласных» рекомендует произносить долгие согласные только в позиции перед согласными [v], [r], [l] и [l'] — [t:] predtlač, odtrojmocnit', [s:] rozsvecovat', [c:] odlonit', predslov [9, s. 274—275]. В позиции же перед носовыми сонантами [m], [n] и [n'], по его мнению, допустимо двойное произношение — [s:] и [s] rozsmútit', rozsnívat' sa, rozsnovat'. Эта точка зрения отражена в первом издании «Настольного словаря словацкого произношения» [10, s. 444], однако во втором его издании для этих случаев дается лишь один вариант — с долгим согласным [5, s. 446]. В редакционных примечаниях к указанной статье А. Краля предлагается рекомендовать для высокого стиля произношение долгих согласных и в случаях типа rozstúpit', rozstrihat', т. е. в позиции перед шумными согласными [9, s. 277].

В «Грамматике» Э. Паулини, Й. Ружички, Й. Штольца отмечается вариативность произношения слов типа študentský: эти слова чаще всего произносятся с упрощенными звуковыми последовательностями — [s] študentský, хотя возможно и произношение [ts] študentský [7, s. 41] (за обозначением [ts], вероятно, скрывается аффриката с продленным фрикативным элементом: [c^s]). Интересно, что Г. Бартек единственно возможным считал произношение [s] študentský, а рекомендуемое «Правилами» и словарем А. Краля [c] študentský квалифицировал как «неправильное» [8, s. 101; 5, s. 511].

В соответствии с орфографическими сочетаниями ds, ts, dš, tš, dc, tc, dč и tč, как отмечает Э. Паулини, на границе слов, а также внутри слова на стыке приставки и корня произносятся сочетания согласных: [ts] od soboty, odsúdit', [tc] pred cestou, odcudzit', [tč] od čakania, odčítat', на стыке же корня и суффикса, а также в словах со слабо ощущаемой морфемной членностью выступают аффрикаты с долгим затвором: [c:] sudca, otca, dvadsať, predsa и [č:] radšej, dobyť [11, s. 298; 12, s. 159—

160]. В транскрипциях О. Каяновой-Шульцовой такой тип долгих аффрикат зафиксирован для всех приведенных выше случаев: *predsa* [pɛcsa], *nad sebou* [nadsebou], *vrát' sa* [vráccsa], *radšej* [raččej] [13, s. 83] (в словацкой фонетической литературе аффрикаты с долгим затвором обычно обозначаются как сочетания двух идентичных аффрикат). Именно такое произношение рекомендовано «Правилами» [2, s. 29]. А. Краль указывает, что в соответствии с орфографическими сочетаниями типа *ds* возможно двойное произношение: например, в словах *predseda*, *odsúdit'*, *podšypat'* может произноситься аффриката с долгим затвором ([c:], как в словах *otca*, *sudca*), но может выступать и другой тип долгих аффрикат — с продленным фрикативным элементом ([c:s]). «Орфоэпическая кодификация должна решить,— пишет А. Краль,— допустимы ли обе реализации, либо одна из них является предпочтительной, согласно этому (с учетом фонетической сущности явления) должно быть сформулировано и соответствующее правило» [14, s. 66—67]. По наблюдениям Й. Лишки, в словах *dvadsat'*, *tridsat'*, *štyridsat'*, *predsa* в настоящее время выступает только аффриката нормальной длительности [15, s. 205]. Я. Станислав отмечает, что правило, предписывающее произносить аффрикаты с долгим затвором в словах *otca*, *otče*, *kratší*, *mladší* и т. п., «имеет очень слабую опору в реальном произношении, если вообще ее имеет»: обычно в этих словах произносятся аффрикаты нормальной длительности. Поэтому, по его мнению, не следовало бы ограничивать «свободу актеров в этом вопросе», хотя в «высшем стиле» было бы все же лучше произносить в этих словах долгие аффрикаты [16, s. 206].

Отмеченные различия в указаниях относительно произношения долгих согласных в соседстве с согласными и фонетических сегментов, которым на письме соответствуют буквосочетания *ds*, *ts*, *dš*, *tš*, *dc*, *tc*, *dč* и *tč*, свидетельствуют о недостаточной изученности современного состояния словацкой произносительной системы, о несоответствии между кодификацией и объективно существующей нормой. Об этом же свидетельствует и ряд других фактов.

Произношение долгих согласных в словах *oddych*, *poddat' sa*, *štvorhučnú*, *kamennú*, *sad'te*, *vyšší* и т. п., а также на стыке слов Я. Станислав считает обязательным для актеров, во всяком случае — в пьесах классического репертуара и опере. В действительности же это требование не выполняется: сам Я. Станислав отмечает, что в опере «Евгений Онегин» певцы поют [su:t'e] вместо [su:t':e] и [rosu:d'ila] вместо [ros:u:d'ila] [16, s. 212]. Подобные отступления от существующей кодификации в речи лиц, у которых имеется установка на кодифицированный стиль произношения, зафиксированы многими словацкими лингвистами. В транскрипциях текстов, записанных Й. Лишкой во время выступлений по телевидению известных словацких актеров, находим многочисленные примеры упрощения звуковых последовательностей: [c] *podstatne*, *predstava*, *dvadsat'*, *štyridsiatka*, *predsa*, *pod svojou*, *keď' sa*, *keď' si*, *predstavte si*; [č] *radšej*, *predsvedčit'*, *väčšia*; [d] *oddych*; [ď] *pät'desiatku*; [t'] *príd'te*, *chod'te*, *pod'te*; [n] *každodenný*, *povinnost* [17, s. 152—155]. В. Углар отмечает в произношении учителей: [t'] *vrát'te sa*; [s] *nad obraz sklonený* [17, s. 187]. Л. Новак на конференции, посвященной проблемам культуры речи, заметил, обращаясь к одному из докладчиков: «В орфоэпической комиссии вы боретесь за долгое произношение согласных в определенных случаях, вы демонстрировали нам магнитофонные записи неправильного произношения, но сам товарищ докладчик произносил в своем докладе, например, *govnocení* вместо *govnocenní*, *meko*, *mekí* вместо *mätko*, *mäkkí*» [17 s. 194].

Соблюдение орфоэпических правил, находящихся в противоречии с живым произношением, требует значительного напряжения (многие словацкие актеры жалуются на то, что чрезмерная сосредоточенность на произношении сковывает их, разрушает органичность их игры [17, s. 157]). В связи с этим вопрос об «обновлении» кодификации литератур-

ного произношения является чрезвычайно актуальным для словацкой орфоэпии, он неоднократно обсуждался в словацкой печати и в научной литературе (речь идет о произношении не только долгих согласных, но и сочетаний [l'e], [l'i], широкого [ä], заимствованных слов с окончаниями —ia, —iush и т. д.).

Требование сохранять в литературном произношении долгие согласные нередко мотивируется коммуникативной целесообразностью: употребление долгих согласных облегчает восприятие речи, сохраняя прозрачность морфологического состава слова [18, s. 98; 19, s. 239]. Однако невыраженность межморфемных границ не создает препятствий для коммуникации. Фонетическое упрощение может способствовать процессу сращения морфем, но оно является условием явно недостаточным для того, чтобы слово утратило морфологическую членимость. Неразложимость слова на морфемы связана в первую очередь с высокой степенью фразеологизации его значения. Морфологический состав, например, сербохорватских слов *безживотан*, *безжичан* осознается носителями языка (*без + животан*, *без + жичан*), несмотря на фонетическую (и даже графическую) невыраженность стыка приставки и корня. В тех случаях, когда сокращение длительности согласного могло бы действительно привести к утрате целой морфемы, язык без помощи кодификаторов находит пути для сохранения всех морфологических компонентов слова, ср. словц. *zozadu* и русск. [z:] сзади, польск. [z:] zzadu; словц. *so synom* и русск. [s:] с сыном.

Все приводимые ниже факты, касающиеся литературного словацкого языка, получены на основе аудиторского анализа речевого материала, собранного автором с помощью различных методик. На первом этапе исследования были использованы магнитофонные записи спектаклей, радиопередач, лекций и т. п. Затем была произведена запись специальных текстов, начитанных шестью дикторами — представителями различных регионов Словакии (двое из Братиславы, двое из Центральной и двое из Восточной Словакии). Информантам предлагалось прочитать текст два раза: первый раз так, «как читает диктор по радио», второй — в быстром темпе, так, «как обычно говорят дома, с друзьями». Существенный недостаток этого приема фонетического обследования очевиден: нельзя иметь полной уверенности в том, что некоторые особенности произношения в данном случае не обусловлены влиянием орфографии.

Поэтому нами широко был использован еще один прием фиксации речи, который, как нам кажется, лишен указанного недостатка. Были составлены экспериментальные тексты, в которых слова (или сочетания слов), произношение которых нас интересовало, встречались, по крайней мере, дважды: в одном случае — под фразовым ударением, во втором — в интонационных условиях наименьшей ударенности. Эти тексты были переведены на русский язык. Тем же шести информантам предлагалось выполнить устный перевод этих текстов на словацкий язык.

При проведении эксперимента был соблюден ряд условий:

а) нами были приглашены такие информанты, в русской речи которых наблюдаются как устойчивые, так и неустойчивые черты акцента; такой подбор участников эксперимента позволил исключить вероятность появления в произнесенных ими на родном языке фразах каких-либо особенностей, обусловленных влиянием русской фонетической системы;

б) известные биографические данные о наших информантах позволяли считать их носителями литературной произносительной нормы;

в) предложенные фразы были очень легкими для перевода, поэтому замедления темпа речи для подбора нужного слова не возникало;

г) русские предложения были построены таким образом, что они провоцировали употребление интересующего нас слова; информантам не сообщалось, в чем заключалась цель эксперимента и почему в некоторых случаях предложенный ими перевод (где отсутствовало явление, составляющее предмет исследования) нас не устраивал;

д) фразы для перевода информанты воспринимали на слух, а не читали с листа; это давало возможность в какой-то степени задать им интересующий нас тип произнесения.

Полученный таким образом материал, конечно, не дает в полной мере представления о «естественном» произношении, так как условия, в которые были поставлены дикторы (перевод по заданию, перед микрофоном) отразились на некоторых особенностях их речи. Но преимущество этого приема массового фонетического обследования перед записью чтения вслух все же несомненно: поставив перед информантами задачу перевести текст, мы тем самым отвлекли их внимание от звуковой стороны высказывания, при чтении же их внимание сосредоточено на собственном произношении, что неизбежно ведет к его искусственности.

Наши наблюдения показали, что долгие согласные в литературном словацком языке внутри слова в большинстве случаев упростились: [d] preddavok, [t] odtade, [d'] oddialit', [t'] odtiahnut', súd'te, [z] bezzásadový, [s] rozsypat', [c] odcestovat', odsúdit', sudca, dvadsat', [ʒ] podzemný, [č] nadčas, dobyččí, podšívka, sladší, váčší, [ʒ̣] nadživotný, [š] užší, [n] kamenný, [n'] denník, [k̄] makký, [j] najjasnejší.

Произношение в приведенных выше случаях, вопреки указаниям орфоэпических пособий, согласных нормальной длительности не может считаться ошибкой, так как оно не приводит к нарушению взаимопонимания между говорящими², широко распространено и, как мы увидим далее, фонетически не случайно.

Внутри слова представлены только долгие сонорные согласные в сложных словах — [r:] štvorrozmerný, štvorručne, [l:] pollitrový и в глагольных формах 1 л. мн. ч. повелительного наклонения — [m:] oznámme, nelámme, rozlomme.

На стыке предлога и следующего слова в интервокальной позиции в нормативном стиле произношения выступают долгие согласные: [d:] pred domom, [t:] nad týmto, [z:] cez zimu, [s:] bez seba, [c] od cesty, [č:] pod čiapkou, [ʒ²] pred zákonom, [c^s] pred sebou, [ʒ²] od ženy, [č^s] pod šatkou.

В интервокальной позиции долгие согласные возможны и на стыке слова с энклитикой: [s:] traš sa, teraz si čítaj, [m:] potom mu to dáš, [c^s] hereč sa bál.

На стыке самостоятельных слов представлены долгие согласные: [z:] voz zastal, [s:] voz sena, [d':] devät' detí, [b:] dráb budil, [p:] chlap padá, [n:] pán Novák, [n':] továreň nepracovala, [l:] bol lahodný večer, [m:] mám moc, [r:] horár rad, [v:] bratov vôl, [x:] po vrchoch chodit', [č:] zvärač často, [ʒ:] nehádz džban и т. д.

Одна наша информантка — жительница Братиславы — в словоформах zaplatíte, zahodíte (при переводе фраз: *Пожалуйста, заплатите за меня; Бросьте письмо в ящик*) приносила сочетание мягких зубных смычных согласных [t't'], в словах predtým, predtucha и предложно-падежных сочетаниях nad týmto, pred domom (при переводе фраз: *Раньше я вела дневник; У меня было плохое предчувствие; Над этим ты должен задуматься; Перед домом посадили цветы*) — сочетания [tt] и [dd]. Такой же тип произношения (Х. Конечно определяла его как «стаккато» [21, с. 166]) наблюдался у нее даже в случаях стечения одинаковых фрикативных и сонорных согласных: [ss] voz sena, [nn] pán Novák. Эти факты гиперправильного произношения объясняются тем, что данная информантка в течение длительного времени занималась в кружке художественного слова. Переводя перед микрофоном русские фразы на словацкий язык, она сознательно старалась следовать известным ей орфоэпи-

² «...Правильное употребление языковой формы предполагает адекватную задачу соответствующего содержания, а произвольное обращение с языковой формой связано с нарушением языковых правил, что в конечном итоге приводит к неадекватности в передаче значения высказывания» [20, с. 54—55].

ческим правилам, произносить так, как ее учили в кружке, но в ряде случаев это привело к обратному результату. В «Правилах словацкого правописания» в конце раздела «Употребление и произношение двойных согласных» имеется примечание: «Двойные согласные нельзя отделять друг от друга паузой. Произносим их как долгие согласные» [2, s. 29]. Сам факт, что авторы «Правил» сочли необходимым сделать такое примечание, может свидетельствовать о широком распространении произношения типа «стаккато». Носителями языка, не имеющими специальной фонетической подготовки, различие между долгими согласными и сочетанием одинаковых согласных звуков не учитывается. Произношение типа «стаккато» возникает в результате стремления говорящих к навязанному кодификацией произношению долгих согласных, которое является (например, в словах *zahod'te*, *predtucha* и т. п.) в не меньшей степени искусственным, чем произношение сочетаний идентичных согласных. Вероятно, появлению произношения типа «стаккато» способствовал и тот факт, что долгие согласные в работах по словацкой орфоэпии было принято транскрибировать двумя одинаковыми буквами (например, *zahod'te* [zahot't'e]). Не случайно А. Краль и Э. Паулини отказались от данного способа обозначения долготы согласного [3, s. 153—154; 11, s. 300—301].

В словах *odsúdený*, *sladší*, *hladší* (при переводе фраз: *Приговоренный к расстрелу бежал; Я люблю сладкий чай; Это более гладкая поверхность*) упомянутая выше информантка произнесла аффрикаты с долгим затвором — [c:] и [č:]. Такое произношение рекомендуется нынешней кодификацией литературной произносительной нормы. Появление его можно объяснить следующим образом. В словах типа *odsúdený*, *sladší* и т. п. в результате ассимиляции по способу артикуляции возникли аффрикаты с продленным фрикативным элементом [c̄s] и [č̄s]. Настаивая на сохранении долгих согласных в образцовой речи, словацкие фонетисты долгое время в орфоэпических пособиях транскрибировали орфографические последовательности типа *ds*, *ts*, *dš* и *tš* как [cc] и [čč], т. е. так же, как *dc*, *tc*, *dč*, *tč* в словах *sudca*, *otca*, *nadčas*, *dobyťci*, в которых были представлены долгие аффрикаты иной фонетической природы — с долгим затвором. В живой словацкой речи оба типа долгих аффрикат подверглись сокращению и совпали в согласных звуках нормальной длительности — [c] и [č]. В речи лиц, у которых имеется установка на кодифицированный стиль произношения, в соответствии с орфографическими *ds*, *ts* и т. д. могут выступать и аффрикаты с продленным фрикативным элементом, и аффрикаты с долгим затвором. Первые более мотивированы с диахронической точки зрения, хотя и те и другие являются в одинаковой степени искусственными, чуждыми современной словацкой произносительной системе.

Факты разговорного стиля произношения современного словацкого литературного языка подтверждают выводы, сделанные выше.

В разговорном стиле долгие согласные выступают факультативно только на стыке самостоятельных слов: [z:] *voz zastal*, [s:] *voz sena*, [d':] *devät' detí* и т. д., хотя здесь возможно и упрощенное произношение: [z] *voz zastal*, [s] *voz sena*, [d'] *devät' detí*, [b] *bôb bude*, [p] *chlap padá*, [n] *rán Novák*, [n'] *tovareň nepracovala*, [l] *bol lahodný večer*, [m] *mám mos*, [r] *horár rad* и т. д. Внутри слова, на стыке предлога и следующего слова, а также на стыке слова с энклитикой в разговорном стиле произношения долгие согласные не представлены: [r] *štvorrozmerný*, *štvorručne*, [l] *pollitrák*, [d] *pred domom*, [t] *naď týmto*, [z] *cez zimu*, [s] *bez seba*, [c] *od cesty*, [č] *pod čiapkou*, [z] *pred zákonom*, [c] *pred sebou*, [ž] *od ženy*, [č] *pod šatkou*, [s] *traš sa*, [m] *potom mu to dáš*, [c] *herec sa bál*.

В соответствии с сочетаниями [zž], [žz], [sš] и [šs], представленными в кодифицированном стиле произношения, в разговорном стиле выступают фрикативные согласные нормальной длительности: [ž] (< [ž:] < [zž]) *rozžehnat' sa*, *bez ženy*, *voz železa*; [z] (< [z:] < [žz]) *máš zápalky*; [š] (< [š:] < [sš]) *rozšírit'*, *bez šidla*, *kuš šunky*; [s] (< [s:] < [šš]) *už si*

doma, kôš syra, náš syn, našký, rákošský, vlašský, lašský (в словах český, valaský, hajdúsky согласный нормальной длительности узаконен в кодифицированном стиле произношения, что нашло отражение в орфографии). На стыке самостоятельных слов сокращения долгих согласных, возникших в результате ассимиляции по месту образования, может и не происходить: [ž:] voz železa, [z:] muž zahynúl, [š:] kuš šunku, [s:] kôš syra.

Кодификация литературной нормы может тормозить в некоторых частных случаях осуществление тенденции к упрощению звуковых последовательностей. Поэтому обращение к диалектному материалу дает возможность более полно представить действующие в языке закономерности, яснее осознать специфику того или иного явления. Анализ диалектного материала, важный сам по себе в плане сравнительно-историческом, является прекрасным средством верификации наблюдений над литературным произношением.

На большей части словацкой языковой территории долгие согласные внутри слова и на стыке слов, входящих в одну синтагму, подверглись сокращению [22, s. 256; 23, s. 29—30; 24, s. 126—128; 25, s. 39—40; 26, s. 243—244; 27, s. 86—87, 92—93; 28, s. 19].

Словацкие диалектологи отмечают сохранение долгих согласных на стыке слов лишь в медленной, «старательной» речи: pečstova:k, očsvoji:x, para:z:retço [22, s. 256]; naprečseba [23, s. 30]; hn'ečsi ku:pil [24, s. 128]; pe:d'et'i:, ke:d:aju:, ke:t:a:idu, ke:t:omu, o:t:eito, ra:z:vrxu, le:n:a; vo:m:ač, vo:m:u (m:<nm); ta:m:u, so:m:ač, so:m:u; sed'i:n:a (n:<mn); prečsvetom, počseba [25, s. 40]; kečsa vra:t'im, hn'ečsa na mn'a va:l'alo [26, s. 244] (как видно из примеров, чаще всего наблюдается сохранение на стыке слов аффрикат с продленным фрикативным элементом).

Упрощение долгих согласных как внутри слова, так и на стыке слов отражают и памятники словацкой письменности: *po tmy horamy* 'pod tými horami' (1480 г.—сер. XVI в.), *pretym prieslo(m) ich* 'pred tým...' (1569), *buto Panom meštenom* 'bud'to...' (1579), *geho milost oda* '...oddá' (1591), *czy su v tom vynty* '...vinní' (1611) [29, s. 689].

Сохранились долгие согласные, причем только в интервокальной позиции, лишь в некоторых западнословацких говорах — в окрестностях Глоговца, Пештян, Нитры, Бановиц и Тренчина, а также в земплинских говорах — в районе Гуменного: od:ix, ot:ajit' oc:a, sveč:it' niš:i:, viš:i:, kamen:i: [30 č. I, m. XXVII; č. II, s. 133; 31, s. 77].

В указанных западнословацких говорах представлены долгие l:, n: и n':, возникшие из сочетаний dl, dn, dn':šil:o, sal:o, bil:o, strašil:o, žihal:o, zupal:o, vil:i, vil:ička, pal:a, ukral:a, sal:a, mol:it'; kran:u:t', san: u:t', zabun:u:t'; stun':a, xon':i:k [30, č. I, m. XXV; č. II, s. 131—132; 31, s. 77—78].

Фр. Травничек полагал, что случаи типа sal:o, pal:o являются реликтами форм, из которых в результате сокращения длительности согласного l: возникли среднесловацкие salo, mylo и т. д. [32, s. 167]. С этим мнением нельзя согласиться. Слова с утраченным взрывным согласным появились в среднесловацких (т. е. в исконных словацких) говорах не в результате фонетического процесса dl > l: > l, а вследствие взаимодействия словацкого и словенского языков в период словенско-словацкой общности [33, с. 79, 191].

Э. Паулини рассматривает появление долгих l:, l':, n: и n': из сочетаний dl, dl', dn и dn' как локальный западнословацкий процесс, следствием которого явилось возникновение других долгих согласных на юго-западе Словакии [34, s. 200—202]. По его мнению, долгие сонанты образовались на этой территории еще до осуществления ассимиляции по глухости/звонкости в сочетаниях согласных, возникших в результате утраты сверхкратких гласных. Данное положение Э. Паулини аргументирует следующим образом. На территории западной Словакии до изменения t' > č, d' > ž согласный d в позиции перед n' и l' произ-

носился палатализованно: sad'n'e, pad'n'e, stud'n'a, o sad'l'e, v jed'l'e, o strašid'l'e, sad'l'i si, pad'l'i, jed'l'i и т. д. Палатализованность согласного d' в данном случае не имела фонологического значения, так как была позиционно обусловлена. Произношение d' в сочетаниях d'l', d'n' поддерживалось употреблением этого согласного в независимой позиции, где он являлся реализацией самостоятельной фонемы. После изменения d' > ž (в позиции перед гласными переднего ряда и в конце слова) этот согласный не мог удержаться и в составе сочетаний d'n' и d'l': на юго-западе Словакии эти сочетания в результате ассимиляции по способу образования изменились в долгие палатализованные сонанты n': и l':. Вслед за этим возникли долгие n: и l: из сочетаний dn и dl, так как эти сочетания часто чередовались с d'n' и d'l' в формах одного и того же слова. Сочетания идентичных согласных, число которых после завершения процесса ассимиляции по глухости/звонкости значительно увеличилось, на территории, где уже имелись долгие сонанты, «стали осознаваться» как долгие согласные. «В остальных словацких говорах двойные (долгие) согласные не возникли... В среднесловацких говорах не было условий для возникновения двойных согласных, так как там не было изменения t' > č, d' > ž, а следовательно, и не было необходимости в изменении произношения сочетаний d'n', d'l'...» [34, s. 202.]

Изложенная точка зрения вызывает возражения. Во-первых, нет оснований связывать возникновение долгих сонантов из сочетаний dl, d'l', dn, d'n' с ассимиляцией d' > ž. Изменение dl > l:, d'l' > l':, dn > n:, d'n' > n': имело место и в тех западнословацких говорах, которые не знали перехода t' > č, d' > ž. Ассимиляция dn > n: (dn' > n':) является очень распространенной в славянских языках, никакой корреляции между данной ассимиляцией и судьбой согласных t' и d' не наблюдается. Изменение dn > n: (dn' > n':) было известно и некоторым среднесловацким говорам, но долгие n: и n': в этих говорах подверглись сокращению, как и все другие долгие согласные: i ne žiju: (=i dnes žijú) [16, s. 256]; jena, jeno, vino, stun'a, čel'an'ik, zra'n'ik, pren'i:, zan'i:, spon'i:, sren'i:, san'e si, span'e, ukran'e [25, s. 37—38].

Во-вторых, в результате утраты сверхкоротких гласных в слабой позиции долгие согласные на стыке морфем и слов возникли на всей словацкой языковой территории. Вследствие ассимиляции по глухости/звонкости число их значительно увеличилось. Однако в большинстве словацких говоров долгие согласные подверглись сокращению. Сохранение их в юго-западных говорах представляет собой аномальное явление, связанное, безусловно, с аналогичным явлением в чешских (моравских) говорах, к которым генетически восходит западная группа словацких диалектов.

В-третьих, естественнее предположить обратную зависимость между сохранением долгих согласных и преобразованием групп dl, dn. В юго-западных словацких говорах ассимиляция dn > n:, dl > l: в меньшей степени деформировала фонологическую структуру слова, чем в тех говорах, где долгие l: и n: были обречены на утрату: число фонем, составляющих слово с ассимилированной звуковой последовательностью, в юго-западных говорах оставалось неизменным (о фонологическом статусе долгих согласных в славянских языках см. [1]). Именно поэтому данная ассимиляция и могла быть проведена здесь столь последовательно: если в среднесловацких говорах сочетание dn изменилось в n (через стадию долгого согласного) только внутри морфемы и на стыке корневой и суффиксальной морфем, то на юго-западе Словакии изменение dn > n: осуществлялось также на стыке префиксальной и корневой морфем и даже на стыке слов, например: poodna:šat > poon:a:šat, pod nosom > >po n:osom, nad nami > na n:ami [35, s. 22—25, 93—96].

На той же территории, где сохранились долгие согласные на стыке морфем и слов, представлены и немотивированные долгие согласные: mas:o, kaš:a, pris:ahat', os:em, pre s:a:hi, oz:embux, pris:am, praš:ivec, praš:ivi:, brl:ox, dvoj:e, troj:e, šij:e, pij:e, vaj:e:c (/vaj:ec), moj:e:ho

(//moj:eho), moj:e:mu (//moj:emu), voj:a:k (//voj:ak), zaj:a:c (//zaj:ac), on'i stoj:a: (//stoj:a), boj:a sa (//boj:a sa) [29, s. 689; 30, ч. I, м. XXVII, ч. II, s. 133—134; 31, s. 78].

Появление долгих согласных в приведенных выше случаях Э. Паулини объясняет «эмоциональным удлинением кратких согласных» [34, s. 201]. Данное объяснение также представляется спорным. Системные фонетические явления экспрессивного происхождения могут быть представлены только в определенных разрядах лексики. Это убедительно показал А. Мартине, опираясь на положения А. Мейе и других представителей французской школы об экспрессивной лексике «народного» словаря и ее фонетических особенностях, одной из которых и является удлинение согласных [36].

В славянских языках, и в частности, в юго-западных словацких говорах внутриморфемные долгие согласные вообще не связаны с какими-то определенными категориями слов, поэтому, вероятно, нет оснований видеть в них звуки экспрессивного происхождения. Можно предложить иное объяснение появления долгих согласных в таких случаях, как приведенные выше слов. диал. mas:o, kaš:a, voj:ak, rij:e (ср. также чешск. диал. do les:a, pras:a, žut:a; польск. диал. bos:o, v leš:e, j:em, j:će). По нашему мнению, удлинение является одним из способов усиления согласного, которому грозит редукция или полная утрата. «Наряду с тенденцией к исчезновению слабых согласных, в языке действует противоположно направленная тенденция к укреплению этих согласных» [37, с. 39], т. е. тенденции к упрощению, к «экономии артикуляционных усилий» противостоит тенденция к дифференциации и к сохранению всех звуковых элементов слова. Особенно ярко это видно на примере долгого [j:] в словах šij:e, rij:e, vaj:es, voj:ak и т. п. Утрата интервокального j с последующим стяжением гласных в разной мере известна всем славянским языкам [38]. В данном случае этому процессу, который мог бы привести к значительной деформации фонетических оболочек указанных слов, препятствует удлинение артикуляции j. Следует заметить, что усиление согласных путем увеличения их длительности возможно только в тех славянских говорах, в которых сохраняются долгие согласные, возникшие в результате утраты сверхкратких гласных в слабой позиции.

Итак, в словацком языке долгие согласные внутри слова утратились во всех комбинаторных позициях, на стыке слов они сохраняются лишь в интервокальной позиции в кодифицированном стиле произношения литературного языка. Аналогичной была судьба долгих согласных в чешском и сербохорватском языках [1].

В польском, русском, белорусском и украинском языках долгие согласные перед гласным (после гласного и в начале высказывания) последовательно сохраняются как внутри слова, так и на стыке слов.

В болгарском языке действует тенденция к сокращению долгих согласных в пределах фонетического слова, которая ярко проявляется в разговорном стиле произношения литературного языка и в диалектной речи, причем в западных болгарских говорах эта тенденция выражена ярче, чем в восточных. На стыке самостоятельных слов долгие согласные в болгарском языке подвергаются упрощению в значительно меньшей степени [39].

Таким образом, сербохорватский, чешский и словацкий языки, с одной стороны, и польский, русский, белорусский и украинский, с другой, в отношении судьбы долгих согласных представляют два полюса. Болгарский язык занимает промежуточное положение.

Данная группировка славянских языков определенным образом соотносится с их классификацией, предложенной А. В. Исаченко [40]. В соответствии с типологическим критерием, учитывающим численность консонантного и вокалического инвентарей, сербохорватский, чешский и словацкий языки принадлежат к вокалическому типу, а польский, русский, белорусский и украинский — к консонантному. Болгарский язык тяготеет к последнему типу.

Развитие того или иного славянского языка как консонантного или вокалического было predeterminedено «вторичным» смягчением согласных, т. е. еще до утраты сверхкратких гласных. Древнесербохорватский язык не знал процесса смягчения полумягких согласных перед гласными переднего ряда. В древнечешском и древнесловацком языках этот процесс не был проведен последовательно. В восточных болгарских говорах содержатся многочисленные следы смягчения полумягких. Западные болгарские говоры в этом отношении ближе к сербохорватскому языку. Переход полумягких согласных в мягкие последовательно осуществился в восточнославянской языковой области. В языках лехитской группы этот процесс был проведен еще более последовательно [33, с. 239—240].

После утраты сверхкратких гласных в результате обусловленного рядом фонетических процессов увеличения числа долгих гласных на всей славянской языковой территории в системах вокализма сформировалась категория количества. В тех славянских языках, в которых последовательно был проведен процесс смягчения полумягких согласных перед гласными переднего ряда и в связи с этим после возникновения непозиционной мягкости могла сформироваться категория твердости—мягкости с большим числом соотносительных пар, долгие гласные подверглись сокращению, т. е. категория количества оказалась избыточной. В языках же с ущербной категорией твердости—мягкости противопоставление долгих и кратких гласных сохранилось. Фонетические системы этих языков обладали достаточными дистинктивными возможностями для того, чтобы допустить утрату долгих согласных звуков, представлявших собой бифонемные сочетания.

Сохранение долгих согласных в некоторых словацких говорах носит аномальный характер. Это оказывается возможным, вероятно, потому, что в языке некоторое время могут сохраняться отдельные элементы, наличие которых является «нерациональным» с точки зрения системных отношений (примером такого явления может служить также сохранение долгих гласных в предударном слоге двусложных слов в позднем праславянском: *tra:'va, *m:'ka, когда противопоставление гласных по количеству отсутствовало). На каком-то этапе развития языка по тем или иным причинам эти сохраняющиеся по традиции элементы могут заиграть, т. е. приобрести функциональную значимость (так, долгие гласные, сохранявшиеся по традиции в предударном слоге двусложных слов, приняли участие в формировании новой категории количества уже в отдельных славянских языках после появления большого числа долгих гласных в результате заместительного продления, стяжения гласных и ряда других процессов). Следует отметить, что ареал распространения отмечаемой словацкими диалектологами спорадической утраты долгих гласных совпадает с территорией распространения долгих согласных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Штудинер М. А. О долгих согласных в славянских языках.— Советское славяноведение, 1975, № 4.
2. Pravidlá slovenského pravopisu. Bratislava, 1971.
3. Král' A. Zdvojené spoluhlásky.— Kultúra slova, г. 9, 1975, ч. 5—7.
4. Паулины Э. Краткая грамматика словацкого языка. М., 1982.
5. Král' A. Príručný slovník slovenskej výslovnosti. 2 vyd. Bratislava, 1982.
6. Вопросы Общеславянского лингвистического атласа. М., 1965.
7. Pauliny E., Ružička J., Stolc J. Slovenská gramatika. Bratislava, 1968.
8. Bartek H. Správna výslovnosť slovenská. Bratislava — Turč. Sv. Martin, 1944.
9. Král' A. Ešte raz o zdvojených spoluhláskach.— Kultúra slova, г. 9, 1975, ч. 8.
10. Král' A. Príručný slovník slovenskej výslovnosti. 1 vyd. Bratislava, 1979.
11. Pauliny E. Zdvojené spoluhlásky v spisovnej slovenčine.— Slovenská reč, г. 42, 1977, ч. 5.
12. Pauliny E. Slovenská fonológia. Bratislava, 1979.
13. Kajanová-Schulcová O. Úvod do fonetiky slovenčiny. Bratislava, 1970.
14. Král' A. Ortoepická kodifikácia slovenčiny.— In: Studia Academica Slovaca 2. Bratislava, 1973.
15. Liška J. O niektorých problémoch slovenskej spisovnej výslovnosti.— Slovenská reč, г. 24, 1964, ч. 4.

16. *Stanislav J.* Hudba, spev, reč. Bratislava, 1978.
17. *Kultúra spisovnej slovenčiny.* Bratislava, 1967.
18. *Pauliny E.* Fonológia spisovnej slovenčiny. Bratislava, 1968.
19. *Pauliny E.* Slovenská gramatika. Bratislava, 1981.
20. *Колшанский Г. В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975.
21. *Koneczna H.* Charakterystyka fonetyczna języka polskiego na tle innych języków słowiańskich. Warszawa, 1965.
22. *Stanislav J.* Liptovské nárečia. Turč. Sv. Martin, 1932.
23. *Pauliny E.* Nárečie zátopových osád na Hornej Orave. Turč. Sv. Martin, 1947.
24. *Habovštiak A.* Oravské nárečia. Bratislava, 1965.
25. *Ondrus P.* Stredoslovenské nárečia v Maďarskej L'udovej Republike. Bratislava, 1956.
26. *Stolc J.* Nárečie troch slovenských ostrovov v Maďarsku. Bratislava, 1949.
27. *Stolc J.* Reč Slovákov v Juhoslávii. I. Bratislava, 1968.
28. *Roman J.* Kokavské nárečie. Martin, 1974.
29. *Stanislav J.* Dejiny slovenského jazyka. I. Bratislava, 1967.
30. Atlas slovenského jazyka. I. Vokalizmus a konsonantizmus. Bratislava, 1968.
31. *Ripka J.* Dolnotreňčianske nárečia. Bratislava, 1975.
32. *Trávníček Fr.* Historická mluvnice československá. Praha, 1935.
33. *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Т. I. М., 1961.
34. *Pauliny E.* Fonologický vývin slovenčiny. Bratislava, 1963.
35. *Krajčovič R.* Pôvod juhozápadoslovenských nárečí a ich fonologický vývin. Bratislava, 1964.
36. *Martinet A.* La gémination consonantique d'origine expressive dans les langues germaniques. Copenhagen, 1937.
37. *Серебренников Б. А.* Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
38. *Бернштейн С. Б.* Контракция и структура слога в славянских языках.— Славянское языкознание. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968.
39. *Studiener M. A.* Lange Konsonanten in der bulgarischen Sprache der Gegenwart.— Zeitschrift für Slawistik, Bd. XXI, 1976, H. 6.
40. *Исаченко А.* Опыт типологического анализа славянских языков. В кн.: Новое в лингвистике, вып. III. М., 1963.

СВЕРДЛИНА С. В.

ПЕРЕПИСКА А. С. ГРИБОЕДОВА О НАЗНАЧЕНИИ ВРАЧА А. СЕМАШКО В РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО В ТЕГЕРАНЕ

В переписке А. С. Грибоедова не однажды упоминается Александр Семашко, врач из Астрахани. Личность Семашко до сих пор не привлекала внимания исследователей. Между тем, знакомство с его биографией проливает свет на некоторые обстоятельства последних лет жизни автора «Горя от ума» [1, с. 226—228]. 17 августа 1828 г. Грибоедов направил письмо директору Азиатского департамента К. К. Родофиникину с обоснованием необходимости врача для миссии в Персии, умеющего лечить болезни, распространенные в азиатском климате, способного к сближению с иноплеменниками, а также близкого и верного самому полномочному министру [2, с. 308].

Всеми этими данными, по мнению Грибоедова, обладал «служащий ныне в Астрахани городским лекарем доктор медицины г. Александр Семашко». Сведениями, сообщенными Грибоедовым Родофиникину в письме от 17 августа 1828 г. длительное время практически исчерпывалось все известное исследователям и биографам Грибоедова об астраханском враче. Ими было добавлено лишь то, что назначение Семашко в штат русской дипломатической миссии не состоялось, а также, что он — «ученый-естествоиспытатель, приятель А. Мицкевича» [3, с. 759].

В настоящей работе предпринята попытка восполнить этот пробел, используя материалы архивов Астраханской области, Ленинграда, Молдавской ССР и некоторых других архивных и книжных дореволюционных источников. При этом обстоятельства жизни А. Семашко рассматриваются главным образом в том аспекте, в каком они связаны с А. С. Грибоедовым и А. Мицкевичем.

Александр Семашко (8 сентября 1804—1845), сын Казимира Семашко — поляк по национальности, по происхождению — бедный шляхтич, уроженец Вилкомирского уезда Виленской губернии. В 1822—1825 гг. Семашко — «казеннокоштный» студент отделения лекарских наук Виленского университета, «признан по экзамену лекарем 1-го отделения с дозволением искать Степени Доктора Медицины <1>826 <г.> генваря 20». 19 марта 1826 г. Семашко «назначен на службу в Горное ведомство». Но затем «обращен по болезни на службу в Гражданское ведомство и определен в Астраханский Карантинный дом на вакансию штаб-лекаря <1>826 <г.> сентябрь<ря> 13» [4, ф. 1, оп. 5, д. 26, л. 13 об., 14; ф. 484, оп. 1, д. 16, л. 20 об.—21]¹.

¹ Все эти сведения заимствованы нами из послужных (формулярных) списков Семашко. Год смерти устанавливается по данным «Российского медицинского списка, издаваемого по высочайшему повелению Медицинским департаментом Министерства внутренних дел на 1844 год» [6, с. 320]. Из тех же послужных списков заимствованы сведения об имущественном положении Семашко [7, ф. 88, оп. 1, ед. хр. 895, л. 106., 806., 12].

Однако состояние здоровья — далеко не главная причина назначения выпускника Виленского университета в Астрахань. А. Семашко — младший современник и однокашник А. Мицкевича и его друзей — Ф. Малевского, Ю. Ежовского, М. Малиновского, К. Дашкевича, Я. Соболевского, О. Петрашкевича и многих других, бывших участников польского молодежного освободительного движения, членов обществ филоматов и филаретов, оказавшихся в 1823—1824 гг. в России в административной ссылке. В тех условиях, как писал И. Лелевель, «талантливая польская молодежь, молодые ученые, философы, историки, поэты превратились в изгнанников» [8, s. 302].

А. Семашко был на шесть лет моложе А. Мицкевича и его ближайших друзей-изгнанников. Он не участвовал в деятельности филоматско-филаретских организаций — он не числился в известных нам списках филоматов и филаретов (см. [9]). В его личных послужных списках указано, что под судом и следствием он не находился. Весной 1822 г., когда началось следствие, Семашко только начал учиться в университете. Однако он, несомненно, вырос в атмосфере тех идеалов, которые пропагандировали И. Лелевель, А. Мицкевичем, Т. Заном и другими идейными вдохновителями польского молодежного движения двадцатых годов.

Студента Семашко в Виленском университете хорошо знали, и не только потому, что количество студентов в те годы не достигало тысячи человек², а студенты одного отделения посещали лекции другого [11, s. 2], что способствовало их знакомству друг с другом. Семашко уже на студенческой скамье прославился своим трудолюбием и талантливостью.

Отделение лекарских наук Виленского университета в то время давало широкое естественнонаучное образование. Семашко интересовался не только медициной, но был «хорошим ботаником» [5, л. 2 об.]. Ботаникой занимался и Томаш Зан [12, с. 752], что могло способствовать их сближению. Впоследствии в дневнике Т. Зана периода оренбургской ссылки появится упоминание о письме «от Олеся из Астрахани» [13, s. 194], т. е. от Александра Семашко.

30 декабря 1826 г. А. Семашко защитил диссертацию на степень доктора медицины [4, ф. 484, оп. 1, д. 41, л. 4; 14, s. 292]. 28 ноября 1826 г. он получил для себя и слуги паспорт и подорожную «для доставления в Астраханскую губернию» [4, ф. 1, оп. 5, д. 24, л. 6 об.] и вскоре выехал из Вильно. Ф. Малевский в письме к сестрам от 17 января 1827 г. из Москвы сообщал о приезде Семашко, следующего в Астрахань [15, s. 274]. В доме Малевских Семашко хорошо знали: С. Малевский, отец Ф. Малевского, с 1821 по 1825 г. был ректором Виленского университета.

В Москве Семашко очень тепло встретили его земляки: состоялось даже специальное собрание поляков, на котором молодого доктора приветствовал стихотворным посланием «Доктору С., предпринимающему научное путешествие в Азию для изучения естественной истории»³ Мицкевич [16, s. 87—88].

Историк Виленского университета о контактах Мицкевича и Семашко в одной из ранних своих работ писал так: «Считается приятелем Мицкевича, который посвятил ему известное стихотворение „Доктору С.“» [19, s. 240]. Однако позднее тот же автор изменил редакцию своего сообщения: «Также считается приятелем Мицкевича, который посвятил ему известное стихотворение „Доктору С.“, хотя следует принять во внимание, что это маловероятно, так как Мицкевича в Вильно уже не было, когда Семашко там штудировал науки» [14, s. 292].

Безусловно, формально у Ю. Белинского были основания для сомнений. Хронологически пребывание Мицкевича и Семашко в Вильно, действительно, не совпадает. Однако посвященное А. Семашко стихотворение,

² Например, в 1821 г. в университете обучалось 826 человек [10, с. XXXII].

³ Опубликовано впервые в сб. *Poezje (wydanie czwarte)*. Т. 2. Petersburg, 1829. [17, s. 345]. В первых изданиях буква S в посвящении не расписывалась, но в последующих фамилия обозначена полностью в скобках [18, s. 294].

свидетельствующее об их дружественных отношениях, было написано Мицкевичем во второй половине января 1827 г., когда молодой доктор проездом в Астрахань ненадолго задержался в Москве. Тогда же Мицкевич переписал стихи в свой альбом, с которого снял копию О. Петрашкевич. У Ф. Малевского сохранился другой вариант стихотворения [20, s. 248—251].

В работах советских и польских исследователей творчества Мицкевича стихотворению «Доктору С.» не уделяется сколько-нибудь существенного внимания, однако в аспекте нашей работы оно представляет значительный интерес.

Из текста стихотворения следует, что получивший назначение в Астрахань А. Семашко имел самое нереальное представление о тех местах, куда собирался ехать. Он отправлялся в экзотический город «полуденной России», каким его изображали в книгах путешественников и лубочной литературе того времени, для изучения естественной истории: «Однокурсники над ним шутили, что он выбрал научное путешествие в Азию» [19, s. 240]. Стихотворение Мицкевича отражает мечты, намерения Семашко в совокупности с некоторыми важными особенностями его личности. Судя по образу, воссозданному поэтом, А. Семашко в 20-е годы — романтически настроенный, самоотверженно увлеченный наукой талантливый юноша. Даже враждебно расположенные к молодому доктору современники отмечали, что в пору пребывания в Астрахани Семашко отличали «живость и свежий цвет лица» [4, ф. 484, оп. 1, д. 8, л. 2]. Неслучайно и Мицкевич с дружеской иронией замечает в своем стихотворении, что неся «чужеземцам... здоровье в подарок», он оставляет на родине тоскующие «сердечки литвинок»⁴.

Доктор С. вооружен волшебной палочкой, по мановению которой «забьют ключом... астраханские пески» и «раздвинутся горы». Он отважен в своем исследовательском порыве, не боится смерти, не знает преград в достижении поставленной цели.

Вместе с тем неслучайно характерной особенностью произведения является постоянное сочетание возвышенного, грустно-лирического начала с дружески-шутливым, ироническим, впрочем неизменно уважительным и доброжелательным. Возвышенное, романтическое начало в стихотворении связано с главным героем, воспроизводит его душевный мир; дружески-ироническое, а вместе с тем и реалистическое, — содержит в себе авторскую оценку изображаемого. В заключительной части, где образ автора, его мировосприятие и помыслы выдвигаются на первый план, возвышенно-романтическое начало снимается совершенно.

От имени автора предвещается «близкий и радостный конец... странствий», с дружеской шутливостью рисуется широкое пиршество, когда «все враги разума и добродетели... сгинут», и о днях странствий и разлук вспомнится, как о давно минувшем.

Выраженные в концовке стихотворения мысли Мицкевича — одновременно и поэтический отголосок привезенных Семашко рассказов о родине, о чем свидетельствует, в частности, черновая редакция первого стиха (список Ф. Малевского).

Первый стих, задающий тон всему последующему строю мыслей и чувств, в черновой редакции иной: «Karłanie zdrowia, i ty z ojczyzny przegnanu» [21, s. 1141] («Жрец здоровья, и ты изгнан из отчизны»). Очевидно стихотворение было задумано Мицкевичем в совсем ином, драматическом ключе: подобное вступление предвещает горькие раздумья поэта о судьбах Польши. Кроме того, из него явственно следует, что А. Семашко был единомышленником Мицкевича, таким же изгнанником, как сам поэт и многие другие их земляки.

Однако цензурные соображения едва ли имели серьезное значение для последующих перемен (см. [22, s. 76]). Уже в списке Ф. Малевского стихотворение не было выдержано в тоне, заданном первым стихом;

⁴ Здесь и далее приводим наш подстрочный перевод с изд. [20, s. 48—50].

более того, этот стих выпадал из общего тона стихотворения. Как нам представляется, Мицкевич сразу решил, что усугублять и без того горькое расставание тягостными раздумьями неуместно. Поэт стремится морально поддержать юного восторженного земляка, рассеять грусть перед разлукой. Поэтому в дружеском послании заманчиво-романтические перспективы научной деятельности перемежаются шутиливой иронией и завершаются верой в близкий конец изгнания.

Для выяснения, каким образом судьба свела выпускника Виленского университета Семашко с полномочным министром в Персии Грибоедовым, необходимо хотя бы кратко остановиться на астраханском периоде жизни Семашко.

В Астрахань он приехал не позднее второй половины февраля 1827 г. и был назначен лекарем в Прикаспийский Седлистовский карантин, предупреджавший, как и другие карантинные, распространение инфекционных болезней из-за границы, выработавший меры их профилактики.

Однако Семашко, человеку честному, энтузиасту науки, скоро стало ясно, что все эти меры носили формальный характер — положение с эпидемическими и иными болезнями в Астраханской губернии постоянно оставалось острым; здесь, как и во всей России, было мало врачей и фельдшеров, не хватало медикаментов. Огромный Астраханский уезд и город Астрахань обслуживал один врач.

Университетскому начальству и Медицинскому департаменту было заведомо известно — ни естественной историей, ни «поправлением здоровья» [4, ф. 484, оп. 1, д. 8, л. 1] Семашко в Астрахани заниматься не придется, и место службы ему было предложено в связи с его диссертацией по дизентерии [4, ф. 484, оп. 1, д. 41, л. 3, 4 об.].

А. Семашко очень скоро осознал свою роль в новых условиях. Характеристика, данная ему в дружеском послании Мицкевича, блестяще подтвердилась. Семашко понял, что место его не в карантине, а непосредственно при больных, поэтому в начале апреля 1827 г. он обратился с просьбой к гражданскому губернатору о переводе на освободившуюся должность уездного лекаря, чтобы «более себя усовершенствовать в практике... и употребить там, где при настоящем недостатке... медицинских чиновников может быть полезен он для оказания страждущим пособия» [4, ф. 484, оп. 1, д. 10, л. 4—6], и допущении «к исправлению должности здешнего городского лекаря» [4, ф. 484, оп. 1, д. 10, л. 20—20 об.], а также лекаря «по больницам Приказа общественного призрения и Тюремного Замка» [4, ф. 484, оп. 1, д. 34, д. 1].

Полностью сохранившиеся «Журналы заседаний присутствия Астраханской врачебной управы» за вторую половину 20-х годов [4, ф. 484] отражают деятельность Семашко в Астраханской губернии как замечательного врача-диагноста, хирурга-универсала и судебно-медицинского эксперта. Почти сто пятьдесят лет назад Семашко оперировал катаракту и нередко возвращал людям зрение. Гражданский губернатор отмечал, что Семашко «оказывает великие порывы к своему делу и весьма довольно уже сделал важных операций, сопровождаемых и успехом, и истинным благодеянием для страдавших» [4, ф. 484, оп. 1, д. 6, л. 37—37 об.].

Теперь главной целью своей жизни Семашко считал «служение страждущему человечеству». Он шел на вызовы днем и ночью, «не зная сна и покоя, не считаясь со слабым своим здоровьем» [4, ф. 484, оп. 1, д. 41, л. 23—23 об.; д. 85, л. 1], лечил бедных и нищих, не только не рассчитывая на гонорар, но даже на свои средства приобретая лекарства. Тринадцать листов заняли подписи людей разных наций и состояний, благодарных Семашко за оказанную медицинскую помощь и давших свои подписи, когда у него возникла необходимость документально засвидетельствовать перед начальством свою добросовестную службу [5, л. 497—510].

При всем том, сам Семашко, шляхтич по происхождению, по своему состоянию, общественному положению и образу жизни в астраханский период был типичным разночинцем: существовал на скудное жалование, не имел возможности «держатъ лошадъ» или «нанимать извозчика» для разъездов по городу, не имел переписчика для медицинской документации,

хотя на первых порах «слабо владел русским языком» [4, ф. 484, оп. 1, д. 41, л. 22 об.—23]. Семашко умел оказать воздействие даже на тех пациентов, которые вообще понятия не имели о приеме лекарств — на «казиятцев-калмыков и татар» [5, л. 14]. Аналогичным образом характеризовал астраханского доктора Грибоедов, когда рекомендовал его в состав своего посольства.

Однако возникает вопрос, почему же Семашко, врач-энтузиаст, в июле — августе 1828 г. вдруг дал «решительное согласие» (Грибоедов. — С. С.) на отъезд из Астрахани. Не было ли это капитуляцией перед трудностями, погоней за славой?

Семашко представлял себе особенности предстоящей службы в Персии. Однако это его не остановило потому, что в Астрахани назревал конфликт, вследствие которого он не мог более здесь оставаться. Отличаясь явно «беспокойным» характером, независимым образом мыслей, гордой, порывистой натурой, будучи поборником правды, не мирившимся с несправедливостью и бесчестьем, А. Семашко стал объектом преследования со стороны инспектора врачебной управы Федора Шкинского якобы за несвоевременную подачу медицинской документации.

Положение Семашко еще более ухудшилось с осени 1828 г., когда в Петербург, в III отделение поступило анонимное донесение о неблагополучии в медицинском обслуживании беднейших слоев населения Астрахани, о спекуляции медикаментами и причастности к создавшейся ситуации лично инспектора Шкинского. Единственно честным и порядочным врачом на общем фоне казнокрадства и небрежения службой в донесении назван один Семашко.

Вскоре в Астрахани началось следствие по так называемому «делу о вольной аптеке». Шкинский, чтобы реабилитировать себя, стал систематически и беспощадно чернить и травить Семашко. В рассуждениях его усматривали «излишнюю свободу мыслей», «мечтательность» (самоумнение), «неуважение ко всем внушениям врачебной управы и узаконениям самого правительства» [4, ф. 484, оп. 1, д. 85, л. 60 об.]. На Семашко было заведено два «дела»: «О уклонении... от обязанностей службы и о увольнении... за многие упущения от заведования больницею приказа...» [4, ф. 484, оп. 1, д. 41] и «О худой аттестации...». В состав «Дела... о худой аттестации...» вошла еще «Записка о упущениях по службе астраханского уездного лекаря доктора Семашко» [4, ф. 484, оп. 1, д. 85]. Все это дало основание инспектору управы лишить А. Семашко следующего чина, «замарать его формуляр», написав в послужном списке медицинских чиновников Астраханской губернии на 1829 г.: «К продолжению службы способен, по причине же многих упущений по службе, о коих доведено до сведения начальства, к повышению чина не достоин» [4, ф. 484, оп. 1, д. 85, л. 206., 3].

Медицинский департамент, управление генерал штаб-доктора встали на сторону Шкинского. Было решено «астраханского уездного доктора Семашко, вышедшего совершенно из повиновения местного своего начальства, за дерзость и непокорный нрав хотя бы и следовало исключить из службы, но как казенного воспитанника, обязанного прослужить казне за воспитание его еще до трех лет, предоставить исполняющему должность генерал штаб-доктора перевести из Астрахани на вакансию карантинного врача в Бессарабии» [5, л. 480—480 об.]. На основании этого указа А. Семашко 8 августа 1829 г. уехал из Астрахани [4, ф. 484, оп. 1, д. 85, л. 30].

Конфликт с управой вполне созрел к тому времени, когда молодому лекарю было предложено определиться в посольство Грибоедова. Потому он обрадовался этому предложению и дал «решительное согласие», не смутившись предупреждением Грибоедова, что служба в Персии не сулит ничего хорошего «человеку с талантом» [4, ф. 484, оп. 1, д. 3, л. 23].

В свою очередь, Грибоедов, будучи «много наслышан» о Семашко и его астраханских обстоятельствах, явно хотел не только иметь в составе миссии талантливого врача, но и помочь молодому лекарю. Однако желаемого назначения Семашко так и не дождался.

Теперь можно с уверенностью сказать, что в этом факте выразилось отношение правительственных кругов отнюдь не к Семашко, несмотря на постигшую его кару, а к Грибоедову. Известно, что министерство иностранных дел, его управляющий, а потом вице-канцлер граф К. Ф. Нессельроде еще в 1820—1821 гг., в бытность Грибоедова секретарем дипломатической миссии в Персии, несмотря на повторное ходатайство А. П. Ермолова, отказали ему в награждении, в чем можно усмотреть «личное неблагоприятие» к Грибоедову «со стороны министерства иностранных дел» [23, с. 228].

Отрицательное отношение правительственных кругов к Грибоедову отразилось и в записке Нессельроде Бенкендорфу от 22 марта 1829 г., в которой говорится о виновности Грибоедова в своей гибели [24, с. 491—492]. То же подспудно-неприятное отношение к полномочному министру ощущается и в документах, относящихся к комплектованию состава миссии в 1828 г., в частности, в истории с назначением лекаря. С исполнением просьб Грибоедова Азиатский департамент явно не спешил, любым путем стремясь затормозить дело, свести его на нет. Именно об этом свидетельствует переписка министерства иностранных дел с Грибоедовым о Семашко.

Письмо Грибоедова от 17 августа 1828 г. с обоснованием необходимости врача для дипломатической службы в Персии директор Азиатского департамента Родофиникин получил 3 сентября [25, ф. 78, д. 6, л. 1; 26, с. 1543]. А в письме к Грибоедову от 28 сентября Ф. Булгарин сообщил ему «о злых вестях по городу», распространяемых Родофиникиным: «что ты не думаешь о службе и засел волочиться в Тифлисе... С горестию должен был слушать выходки и декламации насчет поэтов, которым нельзя поручать важных дел, насчет молодых чиновников и всякие вздоры. Зависть имела обширное поприще для подвигов...» [27, с. 200].

А. П. Мальшинский заметил, что «некоторые из сослуживцев Александра Сергеевича по Министерству иностранных дел умышленно поддерживали в обществе преувеличенные толки о его пристрастии к светским удовольствиям и старались выставить его в глазах начальства сбившимся с пути повесою, по недоразумению попавшим в дипломаты и вредным для дела» [27, с. 199].

Грибоедов намеревался привлечь к сотрудничеству в своем посольстве еще одного молодого человека из окружения Мицкевича — близкого друга поэта, Александра Ходзько, бывшего филарета, студента Виленского университета, поэта. В доме Булгарина, в польской колонии Ходзько познакомился и с Грибоедовым. Видимо, с целью отбора сотрудников для посольства 16 марта 1828 г., в последний свой приезд в Петербург, Грибоедов принимал участие в «частном испытании» в училище восточных языков при Министерстве иностранных дел, где А. Ходзько отличился своим знанием персидского языка [1, с. 225]⁵. Он начал службу в персидском посольстве, однако, уже после гибели Грибоедова, в 1830 г. [12, с. 446; 31, с. 631].

И в этом случае с исполнением намерений полномочного министра Азиатский департамент явно не спешил. Правительство стремилось определить в состав миссии своих людей, а не тех, которых хотелось иметь самому Грибоедову. В упомянутом письме Булгарин сообщал, что К. К. Родофиникин получает частные известия обо всем, что делается в в Тифлисе, и имеет за Грибоедовым своих наблюдателей [27, с. 200].

О том, что Грибоедов не мог определить в состав миссии тех, кого ему хотелось, например, Н. Д. Киселева, С. А. Соболевского, свидетельствуют, как известно, и некоторые мемуаристы [28, с. 203, 255; 29, с. 187]. К числу лиц, которых Грибоедов настоятельно приглашал в Персию, но, вопреки своему «решительному согласию», все-таки не поехавших с ним, относится и А. Семашко.

⁵ Сам факт о «частном испытании» нам сообщен С. А. Фомичевым, за что приносим ему свою благодарность.

Почти четыре месяца Родофиникин не давал никакого хода представлению Грибоедова от 17 августа, хотя фактически об этом была предварительная договоренность. И только 14 декабря 1828 г. бюрократическая служебная машина сделала первые обороты. Документы о назначении лекаря в миссию Грибоедова ранее не публиковались⁶. Докладная записка на имя Николая I была представлена Родофиникиным и подписана Нессельроде⁷: «Министр наш в Тегеране доносит, что за недостатком российского врача, чиновники нашей миссии, как равно и прислуга их, принуждены прибегать к пособию англичан, и что сие может повлечь за собою многие неудобства. По каковому уважению, он находит полезным определить при нашей миссии лекаря, рекомендуя на сие место астраханского городского медика Семашко.

Донося о сем вашему величеству, приемлю смелость испрашивать всемилостивейшего разрешения». Прощение занимает два листа. На первом из них слева на полях читаем: «На подлинном собственною его императорского величества рукою написано: исполнить. 14 декабря 1828 года в Аничковом дворце. Тайный советник Родофиникин» (титул и подпись) [30, д. 28, л. 5—5 об].

7 января 1829 г. Нессельроде послал Грибоедову письмо о «всемилоостивейшем разрешении» [30, д. 13, л. 188—189].

Царское «соизволение» по делу о лекаре для посольства не застало Грибоедова в живых. Письмо Нессельроде к полномочному министру от 7 января 1829 г. в посольство было «получено 25 июня 1829 г.» [30, д. 28, л. 4]. Вслед за этим письмом последовало новое обращение Нессельроде уже к преемнику Грибоедова генерал-майору Долгорукову от 5 апреля 1829 г. об этом назначении (сохранился черновик письма) [30, д. 13, л. 236—236 об.].

Заключительный аккорд этой истории зафиксирован пометкой на писарской копии письма Нессельроде к Грибоедову от 7 января 1829 г.: «По сей бумаге исполнено не было и ныне? остановлено» [30, д. 28, л. 4]. Пометка сделана уже в посольстве Н. А. Долгорукова.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Свердлина С. В.* Грибоедов и сыльные поляки. — В кн.: А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. Л., 1977.
2. *Грибоедов А. С.* Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1971.
3. *Грибоедов А. С.* Сочинения. М.—Л., 1959.
4. Гос. архив Астраханской области (ГААО).
5. Центральный гос. исторический архив (ЦГИА) СССР, Ленинград, ф. 1299, оп. 14, ед. хр. 812.
6. Российский медицинский список, издаваемый по Высочайшему Повелению Медицинским Департаментом Министерства Внутренних Дел на 1844 год. СПб.
7. Центральный гос. архив. Молдавской ССР.
8. *Lelewel I.* Nowosilcow w Wilno. In: Ioachim Lelewel. Polska odradzająca się czyli dzieje Polskie od roku 1795. Poznań, 1859.
9. *Archiwum filomatów, cz. I.* Korespondencja 1815—1823. T. IV—V. Kraków, 1913.
10. *Погодин А.* Виленский учебный округ 1803—1831 г. СПб., 1901.
11. *Filareci i filomaci, list Ignacego Domejki.* Poznań, 1872.
12. *Мицкевич Адам.* Собр. соч., т. 5, М., 1954.
13. *Zan T.* Z wygnania. Dziennik z lat 1824—1832. Wilno, 1929.
14. *Bieliński J.* Uniwersytet Wileński (1579—1831). T. III. Kraków, 1899—1900.
15. *Mickiewicz W.* Żywot Adama Mickiewicza. T. I. Poznań, 1890.
16. *Dziennik Mikołaja Malinowskiego.* Wilno, 1914.
17. *Korespondencja Adama Mickiewicza.* T. I. Paryż. 1870.
18. *Poezye Adama Mickiewicza.* T. II. Warszawa — Petersburg, 1888.
19. *Bieliński J.* Stan nauk lekarskich za czasów Akademii Medyko-chirurgicznej Wileńskiej, bibliograficznie przedstawiony. Warszawa, 1889.
20. *Mickiewicz A.* Dzieła wszystkie. Wiersze 1825—1829. T. I, cz. 2. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1972.

⁶ За сообщение об этих документах и любезную помощь в получении их фотокопий выражаем сердечную признательность сотруднику историко-дипломатического управления МИД СССР тов. В. Мазаеву.

⁷ При публикации используем современную орфографию.

21. *Mickiewicz W. Z teki Franciszka Malewskiego.*— Przewodnik naukowy i literacki, г. XXVI. Lwów, 1898.
22. *Adama Mickiewicza pisma*, Т. III. Brody, 1911.
23. Литературное наследство, т. 47—48. М., 1946.
24. *Медведев М. М.* Новое о Грибоедове и декабристах.— Литературное наследство. Т. 60, кн. 1, М., 1956.
25. Гос. центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина (ГЦТМ), Рукописный отдел.
26. Письма А. С. Грибоедова К. К. Родофиникину. Публикация П. А. Ефремова.— Русский архив, 1872, № 7—8.
27. *Мальшинский А. П.* Из жизни и отношений А. С. Грибоедова (Но неизданным источником).— Русский вестник, 1894, март.
28. *Смирнова-Россет А. О.* Автобиография. М., 1931.
29. *Берг Н.* Из рассказов С. А. Соболевского.— Русский архив, 1871, № 1.
30. МИД СССР. Историко-дипломатическое управление. Коллекция документов, ф. «Грибоедов».
31. *Odyniec A. E.* Listy z podróży, t. I. Warszawa, 1961.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Ю. ЛЬВУНИН, В. КУЗЬКО. *Георгий Димитров и международное профсоюзное движение*. М., 1983, 263 с.

В рецензируемой монографии Ю. Львунина и В. Кузько освещается теоретическая и практическая деятельность Г. Димитрова в международном профсоюзном движении. Книга состоит из семи глав. В первых двух, автором которых является В. Кузько, показаны начало революционной деятельности и становление Г. Димитрова как руководителя рабочих профсоюзов Болгарии. Главы III—VII, написанные Ю. Львуниным, освещают ту огромную работу в Профинтерне, которую проделал Г. Димитров, став видным деятелем международного рабочего и коммунистического движения, руководителем народной Болгарии.

В работе использован широкий комплекс источников, в частности советская и иностранная печать, материалы Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и других центральных советских архивов. Многие источники вводятся авторами в научный оборот впервые. Разнообразна литература, советская и зарубежная, к которой обращаются исследователи для более полного раскрытия роли Г. Димитрова в международном профсоюзном движении, показа его участия в создании и работе Профинтерна, в разработке нового курса коммунистического движения, в сплочении демократических, антифашистских сил в годы второй мировой войны и образовании Всемирной федерации профсоюзов.

Освещая ранний этап революционной деятельности Георгия Димитрова, авторы акцентируют внимание на том, что с 15-летнего возраста, работая наборщиком в типографии, он активно включается в профсоюзное движение, организовывает первую в Болгарии рабочую профсоюзную библиотеку.

Отмечая важную роль Г. Димитрова в создании революционных профсоюзов

Болгарии и руководстве ими, авторы подчеркивают, что уже тогда его интересовала деятельность социалистических и профсоюзных организаций европейских стран, в первую очередь, России. Г. Димитров пишет публицистические статьи, редактирует профсоюзные газеты «Печатар» и «Рудничар», издает материалы, посвященные важнейшим проблемам международного профдвижения (с. 25). Значительное внимание в книге уделено содействию Г. Димитрова, направленному на сотрудничество профсоюзов балканских стран, несмотря на трудности, вызванные балканскими и первой мировой войнами.

Под влиянием Великого Октября Г. Димитров еще более активизирует свою деятельность как вождь болгарских профсоюзов. Благодаря его усилиям в 1920 г. революционные профсоюзы объединились с основной частью реформистских профсоюзных организаций на общей революционной платформе. Признанием заслуг Г. Димитрова перед международным профдвижением было его избрание в руководящие органы Международного совета профсоюзов (Межсовпрофа), а затем и Красного Интернационала профсоюзов (КИП).

В рецензируемой книге приводятся некоторые новые данные в многообразной и сложной деятельности Г. Димитрова в начале 20-х годов на посту руководителя болгарских профсоюзов и представителя Исполнительного Бюро КИП на Балканах. Если ранее в своей довольно большой статье [1] авторы рассмотрели этот период жизни революционера лишь в общих чертах, то теперь это сделано подробно. Г. Димитров показан как крупный партийный и профсоюзный деятель. Работа в руководящих органах Коминтерна, Профинтерна и других международных революционных орга-

низациях расширила политический кругозор Г. Димитрова. Этот период в его политической биографии стал временем всестороннего анализа революционной борьбы мирового пролетариата, извлечения уроков из поражения Сентябрьского восстания 1923 г. в Болгарии, а также глубокого изучения теории и практики международного рабочего движения (с. 101—102).

Авторы отмечают, что несмотря на огромную и напряженную работу в Западноевропейском бюро Коминтерна, местопребыванием которого был Берлин, Г. Димитров продолжал уделять большое внимание деятельности профсоюзов, его роль в международном профдвижении неизмеримо возросла. Арест Г. Димитрова германскими фашистами и его речь на Лейпцигском процессе вызвали бурный отклик во всем мире. Человек, известный ранее лишь в коммунистическом движении и у себя на родине, становится в глазах миллионов знаменосцем борьбы с фашизмом.

Авторы показали роль Г. Димитрова в разработке новой стратегии и тактики антифашистского единства, в поиске новых решений актуальных проблем, имевших непосредственное отношение к международному не только коммунистическому, но и профсоюзному движению. Детально прослеживается огромная работа Г. Димитрова по подготовке основного доклада на VII Конгрессе Коминтерна, в обсуждении которого, как известно, приняли участие 76 делегатов — представителей коммунистических партий 47 стран и ряда международных пролетарских организаций. Избранный на конгрессе Генеральным секретарем Исполкома Коминтерна Г. Димитров приложил максимум усилий для того, чтобы в условиях наступления фашизма и роста угрозы войны Коминтерн и Профинтерн активизировали поиск новых возможностей для объединения трудящихся на основе антифашистской, антивоенной борьбы, защиты их демократических прав и свобод.

Вызывает интерес глава, повествующая о деятельности Г. Димитрова в военные годы, ставшей прямым продолжением и новым этапом в его многолетней и героической борьбе против фашизма. Авторы показали вклад Димитрова в дело мобилизации народов всех захваченных нацистами стран, а также тех, над которыми нависла угроза фашистской агрессии. Накопленный опыт его выдающейся

деятельности в рабочем и профсоюзном движении имел значение и при создании Всемирной федерации профсоюзов.

В заключительной главе монографии освещается деятельность Г. Димитрова на посту руководителя народной Болгарии. Авторы подчеркивают, что в осуществлении революционных преобразований в стране, в строительстве нового общества большую роль Г. Димитров отводил профсоюзам и другим массовым организациям трудящихся. Он ориентировал болгарские профсоюзы на развитие братских связей с зарубежными профорганизациями, прежде всего профсоюзами СССР. Фактически не было сколько-нибудь значительного вопроса, связанного с работой болгарских профсоюзов, которому Г. Димитров не уделил бы должного внимания, не оказал бы необходимой поддержки и содействия в его решении (с. 237). В монографии имеются новые весьма интересные сведения о связях Г. Димитрова с международным профсоюзным движением, его видными деятелями.

Суммируя результаты исследования, авторы подчеркивают, что «Г. Димитров вошел в историю коммунистического и рабочего движения как великодушный стратег и тактик стачечной борьбы пролетариата. И по сей день высокая идейность Г. Димитрова в защите классовых принципов вдохновляет трудящихся, профсоюзы, международное профсоюзное движение в борьбе против империализма и неокOLONиализма, против транснациональных корпораций, за лучшее будущее для тружеников всех стран» (с. 248—249).

В заключение хотелось бы отметить, что не все проблемы, затронутые авторами, исследованы в равной степени, а часть из них не может с полным правом претендовать на новизну.

В монографии встречаются некоторые пробелы и неточности. Неверно, к примеру, называть позицию делегации партии тесных социалистов на Штутгартском конгрессе II Интернационала «ленинской по всем вопросам» (с. 19), она лишь была близкой к позиции большевиков. Неудачна, на наш взгляд, и оценка Г. Димитрова как «видного деятеля международного профсоюзного движения» (с. 31) применительно к периоду первой мировой войны. На странице 34 неточно назван «учредительным» I съезд БКП (т. с.) — это был очередной XXII съезд БРСДП (т. с.), принявший решение о пе-

реименовании ее в Коммунистическую партию. Встречаются в монографии и неоправданные повторения (с. 37, 45). Авторы упоминают, что, возглавляя Западноевропейское бюро Коминтерна, Г. Димитров поддерживал связи с 25 коммунистическими партиями европейских стран и рядом международных революционных объединений (с. 105). Но в книге речь идет лишь о связях с рабочим движением и компартиями Германии и балканских стран, а эти проблемы уже отражены в исторической литературе. Думается, следовало бы обратить больше внимания на связи Г. Димитрова с рабочим и коммунистическим движением в других странах. Часто встречаются в работе и общие положения, которые

с большой натяжкой можно отнести к исследуемой авторами проблеме (с. 211—213).

В целом монография Ю. Льевунина и В. Кузько, несмотря на то, что она носит в большей степени популяризаторский, нежели исследовательский характер, представляет большой интерес для читателя.

Крапивин А. В.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузько В. А., Льевунин Ю. А. Георги Димитров и международного революционно профсоюзно движение. — В кн.: Георги Димитров — виден деец на международното комунистическо движение. София, 1972, с. 408—440.

Библиографија радова о Светозару Марковићу. Део 1. 1875—1975.
Београд, 1976, 161 с.; Део 2. 1976—1980. Београд, 1981, 148 с.

Библиографија трудов о Светозаре Марковиче

Глубокий след в развитии передовой общественной мысли южнославянских народов прошлого столетия оставила деятельность сербского революционера-демократа, философа-материалиста и социалиста Светозара Марковича. Он стал одним из основателей нового, революционного направления в национально-освободительном движении югославянских народов. С. Маркович одним из первых на Балканах осознал силу социалистических идей. Борьбе за их осуществление он посвятил всю свою короткую, но яркую жизнь. Его героическая, самоотверженная борьба за коренное преобразование общества на началах социализма служила примером для целого поколения югославянских революционеров. С. Маркович и его последователи явились идейными предшественниками революционных социал-демократов в Сербии.

Личность и творчество С. Марковича уже сто лет привлекают внимание исследователей. В настоящее время как в Югославии, так и за ее пределами существует огромное количество книг и статей, посвященных его жизненному пути и творчеству. В связи с этим давно назрела необходимость в библиографическом указателе. Этой цели служит рецензируемая Библиография, изданная

в двух частях (в 1976 и 1981 гг.) Университетской библиотекой им. Светозара Марковича в Белграде.

Первая часть, подготовленная С. М. Комадиничем и Э. Тешич-Насковски, охватывает литературу за период 1875—1975 гг. и содержит более 1100 единиц расположенных в алфавитном порядке авторов. Кроме книг и статей, мы находим в ней и отдельные главы из книг, посвященные С. Марковичу, стихи о нем, данные о репродукциях портретов С. Марковича, его родственников и ближайших соратников.

Не менее значительной является и вторая часть Библиографии, выпущенная спустя пять лет с момента выхода первой, уже после смерти С. М. Комадинича. Труд по ее составлению целиком взяла на себя Э. Тешич-Насковска.

Эта часть состоит из двух разделов. Первый — дополнения к Библиографии, вышедшей в 1976 г., также охватывает литературу за сто лет с 1875 по 1975 г. и является результатом дополнительных изысканий. Второй раздел продолжает хронологические рамки Библиографии и включает работы, вышедшие в 1976—1980 гг. В дальнейшем планируется издание третьей части, которая, предположительно, будет фиксировать литературу за 1981—1985 гг.

Обе части Библиографии содержат в общей сложности 1670 названий, частично аннотированных.

Информативность Библиографии повышается за счет системы указателей. Самым крупным из них является именной, помещенный во втором выпуске и относящийся к обеим частям. Он включает в себя как авторов работ о С. Марковиче, так и имена лиц, встречающиеся в названиях или аннотациях. Что касается последних, то их присутствие во вспомогательном указателе абсолютно оправдано и не может встретить возражений. Однако большую часть указателя составляют имена авторов работ, что дублирует основную часть Библиографии.

Имеются также указатели югославских журналов и газет и иностранной периодики, статьи из которых были включены в Библиографию. Каждое название периодического печатного органа снабжено номером библиографической единицы, под которым находится взятая из него статья.

Составители Библиографии сочли своим долгом указать использованные ими в процессе работы библиографические издания. Прежде всего — югославские библиографии. Как уже указывалось, в основном это указатели, опубликованные на страницах журналов. Кроме того, ими были просмотрены национальные

библиографии Югославии: книги и статьи, начиная с 1950 г. до настоящего времени.

Среди использованных зарубежных библиографических источников Э. Тешич-Насковска особо обращает внимание на библиографические указатели Института научной информации по общественным наукам АН СССР: «Социалистическая Федеративная Республика Югославия» (выходящий с 1956 г.) и «Проблемы славяноведения и балканистики» (выходящий с 1966 г.), а также на издаваемый в Софии с 1966 г. ежегодник «*Bibliographie d'études balkaniques*».

Уже эта краткая характеристика Библиографии показывает, какой большой труд вложен в ее создание и какое ценное библиографическое пособие получили исследователи.

При всем этом она не лишена некоторых недостатков. Составители не стали разделять работы о С. Марковиче, относящиеся к его жизненному пути и к отдельным аспектам его творчества. Это, однако, лишило указатель максимальной информативности. Растворились в общем списке зарубежные работы. Было бы более целесообразно дать их по странам. Библиография значительно бы выиграла, если бы ее составители отдельно представили работы, выпущенные из-под пера представителей прогрессивного и реакционного лагерей.

Слива А.

Slawische Kulturen in der Geschichte der europäischen Kulturen vom 18. bis zum 20. Jahrhundert.
Berlin, 1982, 598 S.

Славянские культуры в истории европейских культур XVIII—XX вв.

Идеи, тематика и состав книги сложились на основе материалов международной конференции, состоявшейся в 1976 г. в Берлине в рамках программы Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур (МАИРСК), и носившей междисциплинарный характер. В книгу вошли статьи около ста ученых из 21 страны. Статьи публикуются на русском, английском, французском и немецком языках.

В соответствии с закономерностями мирового историко-культурного процесса и конкретными условиями развития славянских народов, определяющими ха-

рактер их взаимодействия с культурами других, прежде всего западноевропейских народов, выделено три основных периода, по которым и группируются материалы сборника: первый раздел охватывает проблематику Просвещения и романтизма (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.), второй — период реализма (вторая половина XIX — начало XX в.), третий — современный период (с 1917 г.).

Д. Ф. Марков и Г. Цигенгайт указывают во вводной части труда на гуманистические и демократические традиции, присущие культуре славянских народов,

на существенный вклад славянских народов в сокровищницу духовных ценностей человечества, выступая против недооценки места и роли славянских культур в системе мировой культуры.

Особое внимание в книге уделяется эпохе Просвещения, обозначившей начало качественно нового этапа в развитии славянского мира — формирования национальных культур славянских народов и одновременно — интенсификации их связей с литературой, искусством, наукой других народов. Для некоторых славянских народов эпоха Просвещения становится первым рубежом их национального возрождения. Начиная с этого времени, славянские культуры входят в общеевропейский контекст. История славянских народов, их языки и поэзия становятся предметом изучения.

В книге нашли отражение обе стороны европейского культурного обмена в XVIII — начале XIX в. В статьях венгерского ученого Э. Нидерхаузера о роли культуры в национальном возрождении некоторых восточноевропейских народов и французского ученого Р. Мортье о воздействии французского Просвещения на духовную эволюцию Европы отмечены некоторые черты просветительского движения и его культурные проявления (язык, литература и театр, историческая наука и искусство). Политические теории Просвещения рассмотрены в статье Э. Доннерта (ГДР) о «просвещенном абсолютизме» в России.

Теоретическая направленность присуща также статьям, где обобщается культурный опыт эпохи Просвещения. Примечательно, что в книге рассматриваются не те славянские культуры, чьи европейские связи в XVIII в. были особенно интенсивны и давно изучаются (русская, польская или чешская), а такие как сербо-лужицкая или белорусская культуры, что значительно обогащает представление о европейской культуре века Просвещения. А. Метшик (ГДР) подчеркивает особенности формирования сербо-лужицкой интеллигенции, обусловившие специфику усвоения ею просветительских идей, их отражения в общественной мысли и поэзии. Статья А. Мальдиса (БССР) свидетельствует о разнообразии белорусско-западноевропейских культурных контактов: распространение сочинений французских просветителей и переводы художественной литературы, работа учителей-французов и пребывание уроженцев Белоруссии за границей, переделки драматических произведений, вклад зару-

бежных мастеров в музыкально-театральное искусство, живопись, архитектуру. Наличие в белорусской культуре русских и польских элементов придает своеобразие складывающимся в этот период белорусско-западноевропейским связям и одновременно указывает на еще один пласт межнациональных культурных отношений. Ориентация на русскую и западноевропейские культуры показательна и для других славянских народов в эту эпоху, что отражено в статье Э. Константиновича (Австрия) о сербском Просвещении.

В культурном общении славян с другими народами в рассматриваемую эпоху бесспорно на первый план выступают славяно-германские взаимоотношения. Их основные принципы, характер и формы освещены А. Мыльниковым (СССР). Автор предлагает также периодизацию, отражающую географию и динамику славяно-германских культурных связей. Проблематике славяно-германских связей посвящены статьи К. Грау (ГДР), К.-Д. Гротхузена (ФРГ), У. Леманна (ГДР) о сотрудничестве Берлинской академии наук со славянскими учеными, о значении работ А. Шлёцера для изучения славянской истории на Западе, о гердеровской концепции народа и истории, оказавшей огромное влияние на развитие национального самосознания славянских народов. Коллективная статья ученых ГДР и НРБ (Д. Эндлер, И. Колев, Х. Вальтер) акцентирует внимание на роли, которую сыграли для южнославянских и балканских народов в последней трети XVIII — первой половине XIX в. признанные культурно-просветительские центры Европы, в том числе и России.

Общеевропейский культурный процесс учитывается и в статьях частного характера, посвященных развитию отдельных сфер культуры. Так, из немногих в этом издании материалов по языкознанию следует отметить статью Р. Оти (Великобритания), где формирование литературных языков (чешского, словацкого и трех югославянских) рассматривается в связи с терезианскими школьными реформами в Австрийской империи. Э. Георгиев (НРБ) прослеживает «судьбу» литературных течений XVIII в. в славянских, а Р. Лауэр (ФРГ) — в русской литературе. Искусство славян в XVIII в. в европейском контексте представлено, к сожалению, лишь статьей М. Климовича (ПНР) о польском театре.

В изучении славянских культур пер-

вой половины XIX в. отчетливо обнаруживаются две тенденции. Часть исследователей стремится охватить историко-культурный процесс в целом, особо выделяя вопросы борьбы за национальное освобождение и возрождение отечественной культуры. Такова обобщающая статья И. Лещиловской (СССР) о южных славянах и статья Я. Шолты (ГДР) о лужицких сербах. У тех народов, которые имели национальное возрождение, обнаруживается, как правило, и связь данного этапа с итогами национального культурного развития в ходе Просвещения. Однако ряд явлений культурной жизни славянских народов в переходный (от Просвещения к романтизму) период еще требует своего объяснения. Одна из попыток специального анализа подобных «промежуточных» этапов — статья С. Грачиоти (Италия) о трансформации такого основополагающего для национального самосознания славянских народов понятия как «народ» и «нация».

В центре второй части первого раздела книги находится проблематика собственно романтизма — его зарождение в западноевропейских странах (К. Триггер, ГДР), связь с революционным движением 1848 г. (Р. Розенберг, ГДР), самоопределение восточноевропейских культур в этом процессе (М. Колин, Франция). При рассмотрении славяно-европейских культурных отношений периода романтизма преобладает материал художественной литературы и фольклора, ибо в этот период как никогда возросла роль народной поэзии, которую в изобилии предлагали западноевропейскому читателю славяне, особенно южные, а романтизм стал первым литературным направлением, с развитием которого славянские литературы полноправно включились в европейский литературный процесс. Некоторые методологические вопросы современного сравнительного изучения славянских литератур периода романтизма поднимает Д. Дюришин (ЧССР). По его мнению, существование славянского литературного романтизма как определенного комплекса в системе европейского романтизма бесспорно, и целесообразны сравнительно-типологические исследования в этой области на уровне стиливого и жанрового анализа родственных явлений.

Однако большинство статей о романтизме направлено на выяснение своеобразия национальных литератур. Освещается несколько «национальных вариантов» этого художественного на-

правления — романтизм русский, чешский, польский в их европейском контексте. Заслуживает внимания предложенный Х. Шмидтом (ГДР) дифференцированный подход к западноевропейским связям русского романтизма, который следует сооставлять не только с вершинными явлениями европейского романтизма, но и с более ранней его фазой, в частности с немецким движением «бури и натиска». Г. Дудек (ГДР) в статье о Лермонтове указывает на необходимость учитывать эволюцию европейского романтизма к социальной (Гейне) и революционной (Петефи, Словацкий) поэзии. М. Похорски (ЧССР) подчеркивает демократизм чешских романтиков, определивший соотношение в их мировоззрении постулата личной свободы и общественных, национальных потребностей.

Взаимодействие литературы и фольклора в период романтизма в теоретическом плане и типология этого процесса у славянских и западноевропейских народов составляет содержание статей В. Кохоля (ЧССР) — на чешском и словацком и Б. Ничева (НРБ) — на южнославянском материале. Европейское признание славянских культур романтизма убедительно иллюстрируется в двух статьях о польской музыке этого периода (З. Хехлиньская и Л. Белявский, ПНР).

Подводя итог развитию славянских литератур в первой половине XIX в., статья И. Неупкоевой (СССР) открывает раздел книги, посвященный славянским культурам периода реализма. В нем раскрывается новый уровень взаимоотношений славянских культур с европейскими культурами. Если в предшествующий период славянские народы усваивали поэтику западноевропейского романтизма, то во второй половине XIX в. они сами оказывают сильное воздействие на художественное сознание других народов. Неоспорима роль в этом процессе русского реализма. Не случайно большинство авторов, исследовавших этот период, говорили о значении русского классического романа — В. Хайсе (ГДР), Г. Фридлиндер (СССР); о творчестве крупнейших русских писателей — М. Парtridge (Великобритания) о Герцене, П. Бран (Швейцария) о Тургеневе, Л. Юрьева (СССР) о Чернышевском; о восприятии на западе русского реализма и его особенностях в последние десятилетия XIX — начале XX в. в контексте европейской духовной жизни — Р.-Д. Клюге и К. Аймермахер (ФРГ), Э. Дикман (ГДР). Прослежено также

воздействии русской реалистической литературы на жанровом уровне: русского романа XIX в. на европейский роман XX в. — статьи Д. Затонского и Т. Мотылевой (СССР), М. Вегнера (ГДР), Ж. Бонамура (Франция) — и русского рассказа на европейский — статьи М. Рев (ВНР) и В. Дювеля (ГДР) о Чехове. Две статьи советских авторов освещают развитие русской живописи (Г. Поспелов) и архитектуры (В. Локтев) в рамках общеевропейских художественных стилей.

Вопросы реализма в других славянских литературах (украинской, хорватской, словацкой) в их соотношении со славянским, европейским контекстом или русской литературой рассмотрены соответственно Г. Вервесом (УССР), И. Франгешом (СФРЮ), С. Лесняковой (ЧССР). Методологические посылки содержит статья Г. Маркевича (ПНР), выдвинувшего (на польском примере) ряд оценочных критериев для определения интернационального значения той или иной национальной литературы. Третий раздел книги дает представление о важнейших этапах исторического и культурного развития славянских народов со времени первой мировой войны и до наших дней. По масштабности исторических событий, значимости социальных преобразований, затронувших все без исключения славянские народы после второй мировой войны, по интенсивности идейной и художественной борьбы этот период занимает особое место в культурной истории славян, выдвигает специфический круг научно-исследовательских проблем. Ученые подчеркивают роль славянских литератур (Л. Иллеш, ВНР; В. Колевски, НРБ; С. Никольский, СССР; И. Дзеверин, УССР; Э. Симонс, ГДР), театра (Г. Шаумана, ГДР; С. Марчак-Оборски, ПНР) в становлении мировой социалистической культуры. Пристальное внимание уделяется начальному этапу формирования социалистической литературы — левой, революционной, авангардной литературе 20-х годов практически во всех славянских странах, ее связям с молодой советской литературой. Тема антифашистской борьбы, создания европейского антифашистского фронта деятелей литературы и искусства в 30-е годы дает благодатный

сопоставительный материал в литературах русской и французской (Ж. Перю, Франция), русской и португальской (А. Торрес, Португалия), польской и немецкой (М. Сироцкий, ПНР), хорватской и немецкой (А. Флакер, СФРЮ), славянских литератур и румынской (М. Новиков, СРР), для утверждения интернационализации европейского литературного процесса в новейшее время. Рассмотрение этой проблематики завершается статьями об отражении Великой Отечественной войны в литературах и искусстве славянских народов СССР — русского, украинского, белорусского — и антифашистского Сопротивления в литературах польской, словацкой, серболужицкой, а также об антифашистской традиции в литературах США и Западной Европы (Я. Засурский, СССР).

Три статьи посвящены проблемам современной культуры. Этические аспекты ее развития — диалектика патриотизма и интернационализма, духовная культура и научно-техническая революция — рассматриваются советскими авторами (Г. Ломидзе, Е. Бабосов), место «польской школы кино» в современной мировой культуре — польским исследователем Р. Маршалекком.

На большом историческом и художественном материале, в результате глубокого сравнительно-типологического изучения славянских культур в их европейском, а в последнем разделе — и мировом контексте, авторы книги объективно раскрывают богатство духовной культуры славянских народов на важнейших рубежах культурной истории человечества — в век Просвещения, в эпоху романтизма и реализма XIX в., в становлении социалистической культуры XX в. Убедительно показана общность историко-культурного процесса у славян с другими народами Центральной, Юго-Восточной и Западной Европы, нарастающая синхронность этого процесса от XVIII к XIX в., основополагающая роль славянских народов в открывании новых путей развития мировой культуры XX в. Книга ученых разных стран вносит весомый вклад в изучение славянских культур в общеевропейском историко-культурном контексте.

Данилова А.

Г. РЕЗЕЛЬ. *Словарь к чешским сочинениям Я. А. Коменского*

Мировая Comeniana пополнилась значительным трудом: вышел в свет словарь к чешским сочинениям Яна Амоса Коменского (1592—1670), составленный известным мюнстерским славистом Г. Резелем. Потребность в словаре подобного рода давно ощущалась исследователями, прежде всего историками чешского языка. Великий чешский педагог и мыслитель оставил глубокий след и в развитии родного языка. К сожалению, до нас не дошел капитальный труд Коменского — словарь-тезаурус чешского языка, рукопись которого, уже готовая к печати, сгорела в 1656 г. В этом словаре, над которым Коменский работал около 50 лет, была, по его словам, с большой полнотой отражена лексика чешских научных и литературных произведений, а также слова, характерные для живой чешской речи того времени. Лишь в XIX в. была найдена и напечатана рукопись «Мудрости древних чехов» (*Moudrost starých Čechů, za zřadlo vystavená potomkům*) — собрания народных пословиц и поговорок (около 2300 единиц), которое имеет непреходящую научную ценность. Большой интерес представляет чешское приложение, которым Коменский снабдил свой знаменитый труд «*Janua linguarum reserata*» (1631) — новаторский учебник латинского языка, лексический материал которого распределен по тематическим группам. Приложение, о котором идет речь, вышедшее в свет в 1633 г. под названием «*Dvěře jazyků otevřené*», поражает продуманностью и тонкостью построения чешских параллелей к латинским упражнениям.

Однако значение Коменского для чешского литературного языка определяется не столько его собственно лингвистическими трудами, сколько тем, что сам язык сочинений Коменского знаменует собой высшую для того времени ступень развития, для которой характерны зрелость и стабильность грамматического выражения и богатство словарного состава [1].

Все это обуславливает несомненную научную актуальность смелого лексикографического предприятия Г. Резеля, справедливо полагающего, что лексика сочинений Я. А. Коменского достаточно

репрезентативно отражает пока еще мало изученный словарный состав чешского литературного языка первых десятилетий XVII в.

Материал для рецензируемого словаря был извлечен из 50 опубликованных чешских текстов Коменского (как известно, большинство сочинений Коменского на чешском языке было создано в период до 1631 г., впоследствии же длительное изгнание вынудило его писать преимущественно на латинском языке [2; 3, s. 129]). Картотека цитат составила более 12 000 единиц; 70% этого материала, как указано в предисловии (с. IX), было использовано в корпусе Словаря, который содержит свыше 22 000 словарных статей. К сожалению, в предисловии остались нераскрытыми критерии произведенного таким образом отбора материала.

Структура Словаря характеризуется следующими чертами. Это словарь полного, а не дифференциального типа: в него включена вся лексика из произведений Коменского; в случаях же расхождения с современным состоянием приводятся новочешские соответствия слов, употребленных Коменским. Толкование слов осуществляется посредством немецкого перевода. В Словаре использован минимальный набор грамматических характеристик: для существительных — указание на род и особенности проявления категории числа (*plurale* или *singulare tantum*); формы прилагательных и наречий сопровождаются указанием на часть речи (*Adj.*, *Adv.*), кроме того, приводятся родовые окончания прилагательных, отмечаются субстантивированные формы; при глаголах же отсутствуют какие бы то ни было грамматические характеристики. Однако такое ограничение формальных данных, как нам кажется, допустимо, поскольку видовые и залоговые формы глагола (напр. *poškvřniti*, *poškvřňovati*, *poškvřniti se*, *poškvřňovati se*), причастия (напр. *probuzující*), отглагольные существительные на *-ní*, *-í* выделены в отдельные словарные статьи.

Обращает на себя внимание последовательное стремление автора отразить фонетические и орфографические варианты слов, — естественно, в той мере,

в какой это позволяет сделать современное состояние текстологической работы над сочинениями Коменского.

Высоко оценивая труд Г. Резеля, открывающий богатые возможности для изучения словарного состава чешского литературного языка XVII в. и того вклада, который внес в его развитие Я. А. Коменский, нужно отметить и те моменты, которые в известной степени ограничивают эти возможности. Речь идет об определенных нарушениях принятого автором принципа полноты Словаря.

Так, обнаруживается пропуск некоторых лексем, ср., например, уменьшительные формы *hlavička*, *koníček*, *snadníčko*, отмеченные в статье Б. Гавранека [4], слово *tíhota*, приведенное в работе И. Немца [5] и некоторые другие (например, *přepotřebný* — из «Лабиринта света» [3, с. 199], *spoluevangelik* — из сочинения «Cesta pokoje» и ряд латинизмов оттуда же: *declarací*, *distinkcí*, *limitací*, *exsercí* [6]). Поскольку никакие пропуски в предисловии не оговорены, их можно считать случайными и, вероятно, неизбежными в столь обширной работе. Более существенным представляется отход от принципа полноты в способе приведения иллюстративных цитат (по необходимости весьма кратких). Здесь, наряду с огромным числом удачно сокращенных контекстов, встречается немало невыразительных, ущербных, не позволяющих раскрыть значение слова. Приведем в качестве примера статью *důchodní m 'Rentmeister, Rentamts — verwalter'*. Единственная иллюстрирующая цитата приведена в таком виде: *důchodní by říkati měli* (LS 252, 26). Между тем, полный текст цитаты таков: *omylem jim tuším duchovní otcové říkají; důchodní by říkati měli*. Механическое сокращение цитаты не только не выявило каламбурно-сатирического характера словоупотребления Коменского (*duchovní otcové // důchodní [otcové]*), но и вызвало неоправ-

данное отнесение слова к разряду субстантиватов.

К сожалению, автор, вероятно, не имел возможности привести в Словаре данные о количестве употреблений каждого из заглавных слов. Было бы чрезвычайно полезным и желательным поэтому дополнительное опубликование словоуказателя с количественными характеристиками и полным индексом мест употребления каждого слова. Выход в свет такого словоуказателя в большой степени повысил бы научную ценность Словаря, дав исследователям возможность изучения не только состава лексики Коменского, но и системы его образных и фразеологических средств, синонимических и антонимических рядов и т. п.

Появление рецензируемого словаря вряд ли снимает вопрос о создании в будущем нового лексикографического описания языка Я. А. Коменского, максимально полного по всем параметрам, и прежде всего по семантической разработке. Труд Г. Резеля, в значительной степени удовлетворяющий потребностям исследований сегодняшнего дня, представляет собой в то же время и серьезный вклад в решение этой будущей задачи.

Лилич Г. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Havránek B.* Vývoj spisovného jazyka českého. — In: *Ceskoslovenská vlastivěda, řada II.* Praha, 1936, s. 63.
2. *Králík S.* Jan Amos Komenský a český jazyk. — *Naše řeč*, 1970, № 4—5, s. 215—216.
3. *Polišenský J.* Jan Amos Komenský. Praha, 1972.
4. *Havránek B.* Příspěvek k stylové diferenciaci českých spisů Jana Amose Komenského. — *Slovo a slovesnost*, 1970, № 4, s. 308.
5. *Němec I.* Nová slova Husova a J. A. Komenského. — *Slovo a slovesnost*, 1970, № 4, s. 318.
6. *Apoštol míru J. A. Komenský.* Praha, 1949, s. 133, 139.

Календарные обычаи. Современное состояние и изменения

«Календарные обычаи» — восьмая книга серии «Народная культура и современность», выпускаемой по проекту Министерства культуры в Брно с 1974 г. В рамках этой серии издаются материалы чехословацких и международных симпозиумов по проблемам функционирования традиционной культуры в современном обществе. Предыдущие выпуски были посвящены комплексным исследованиям народного искусства, современной деревни, роли детей в преемственности культуры. Пятый том серии был отведен разностороннему анализу одного из главных календарных циклов — масленице (Masopustní tradice. Brno, 1979).

Настоящий сборник, как и предыдущие, подготовлен профессором философского факультета Университета в Брно В. Фроломом. В него включены выступления чехословацких ученых на VI симпозиуме в Стражице. 33 статьи сборника демонстрируют многообразие подходов к анализу духовной (и отчасти материальной) культуры — от постановки теоретических проблем (что такое обряд, традиция, условия ее функционирования, новаторство и актуализация в народной культуре, формы и функции календарных обычаев в связи с различными аспектами современной жизни) к конкретному рассмотрению календарных циклов как в масштабе страны, так и в отдельных областях, районах, городах и селах. Ряд статей посвящен изучению отдельных элементов обряда: ритуальной еде, маскам, традиционным видам организации молодежи. Разнообразие проблематики определяет и применение различных методов исследования.

В статье Д. Лутера «Традиционный и современный циклы календарных обычаев с точки зрения временных представлений» предпринята попытка осмыслить календарь в философских категориях времени. Если первоначально он был подчинен природному и биологическому времени, то впоследствии к нему стали применяться понятия прошлого, настоящего и будущего. Праздник, понимаемый как замкнутый отрезок времени, «закрытый цикл», продолжает подчиняться ритму природного и биологического времени, но он приобретает двойную функциональную нагрузку — очищение

от прошлого и обеспечение благополучия в будущем. На современной стадии последняя функция не имеет столь большого значения, главное — «индивидуальное переживание» настоящего.

Проблема функциональной направленности обряда затрагивается в большинстве статей. Все авторы единодушно отмечают утрату или ослабление таких функций, как религиозная, магическая (П. Сальнер), и усиление развлекательной, коммуникативной (М. Туркова), репрезентативной (М. Тонпрова-Я. Поспишилова), экономической, театрально-драматической, социально-критической, общественно-интегрирующей (Я. Паргач). Причину перестройки функциональной структуры этнографы видят в изменении социальных и экономических условий в стране.

Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет обращение к вопросу сохранности обычаев, их месту в традиционной культуре и изменению их статуса в современном мире, сформулированное в подзаголовке книги. Наблюдение над календарными обрядами в разных регионах страны показывает, что они остаются «одной из самых жизнеспособных сфер народной культуры» (И. Мелкус). Главным механизмом в сохранении обычаев и передаче их во времени по-прежнему остается традиция. Общение 3—4-х поколений создает условия для освоения культуры, формирует систему общественных норм и оценок. Преемственность и непрерывность традиции — существенные условия сохранения старых обрядов. Исходя из критерия «прерывность — непрерывность», Л. Бузек предлагает различать обряды: аутентичные (чья традиция не прерывалась), актуализированные (вновь практикуемые после небольшого перерыва или восстановленные с помощью традиционных носителей) и фольклорные (ставшие частью репертуара фольклорных групп). Дополнительным критерием служит карта: аутентичные обряды сконцентрированы вокруг одной точки.

В отдельных случаях сохранность обычаев определяется такими обстоятельствами, как необходимость сохранения этнической однородности (так, словацкие реэмигранты из Румынии, оказавшиеся

после войны в чешской пограничной области Тахов, тщательно поддерживают традицию рождественских вертепов — Т. Носкова) или этнической и конфессиональной (украинцы в восточной Словакии располагают большим репертуаром обычаев, приуроченных к церковному календарю, чем их соседи — М. Мушинка). Обряды могут сохраняться и даже возрождаться в результате целенаправленной деятельности фольклорных групп (профессиональных и непрофессиональных), местных органов управления (Я. Крист пишет об обновлении в 60—70-х годах виноградарских обычаев). В статье Э. Вечеровой анализируется и более сложное явление — «нестабильности» обряда, когда он тяготеет либо к возрождению (возжигание костров, майское дерево), либо к угасанию (масленичные церемонии, дожинки). «Нестабильные» явления возникают в районах с мигрирующим населением: обычай, практикуемый новопоселенцами в южной Моравии, подлежит оценке всего коллектива, если оказывается, что он прочно связан с небольшой локальной или профессиональной группой, его зачастую отвергают.

В целом, однако, можно говорить о том, что процесс исчезновения обрядов протекает значительно активнее, чем процесс регенерации. В этом отношении представляется важным материал из районов Йиглавы (южноморавская область) и Пельгжимова (южночешская область), приведенный в статье Х. Бочковой. (Эти данные тем более показательны, что, по оценке В. Фролеца, южноморавская область занимает первое место по степени сохранности календарных обычаев, а южночешская — четвертое). По наблюдениям Х. Бочковой с конца прошлого века в этих двух районах исчез 21 обычай, а сохранилось всего 13, из них два самых популярных — обходы на св. Николая и пасхальное хлестание — широко распространены по всей Чехословакии. Кроме них по всей стране практикуются гулянья, майское дерево, ритуальные костры, масленичные ряженья, обрядовый шум на Пасху, обходы на Крещение, женские обходы на св. Люцию и Варвару, колядование в Сочельник и на св. Степана, пасхальное «преследование Иуды», вынос «смерти», «королевы» и скачки «королей».

Изменение статуса обрядов, падение их традиционного престижа выражается и в снижении возраста исполнителей — многие обычаи перешли в детский репер-

туар (Я. Паргач, М. Туркова). Большой жизнеспособностью обладают праздники, справляемые в семье. Поэтому П. Сальнер выдвигает предположение, что «перспективы дальнейшего развития имеют те обычаи, которые или связаны с семейной средой или посвящены отдельным членам семьи (Рождество, Пасха, день поминовения усопших, св. Николай, Международный женский день)» (с. 290.)

Особо ценным представляется разнообразие методов сбора и исследования материала. Большинство статей написано на основе полевых записей (например, М. Турковой в селах в окрестностях Праги, Я. Паргача в районе Нымбурка, А. Вольбрахтовой в области Свитавы). Другие авторы основывают свои выводы на ответах специальных анкет, рассылаемых по всей стране (В. Фролец) или отдельных районов и областей (И. Мелькус о районе Бланско, Л. Турчалова об Угерске Градиште), на карточках этнографического атласа Словакии. Этот метод позволяет собирать материал в большом числе пунктов в относительно короткие сроки, однако он не может учесть изменений в социальном составе участников, в функционировании, в средствах выражения и т. п. Поэтому особо успешным представляется одновременное использование анкет и полевых обследований, как, например, в работе Х. Бочковой по районам Пельгжимова и Йиглавы. В статье А. Сулитки сопоставляются результаты силезской анкеты 1926 г. и современных полевых экспедиций в области Фрыдека и Тешина. Такое же использование старых этнографических свидетельств (по письменным источникам) и новых полевых записей мы встречаем у Р. Земановой в статье о деревне Ростенице-Звоновице. Большое достоинство сборника, в частности исследований Х. Бочковой и В. Фролеца, — рассмотрение нескольких исторических этапов: до первой мировой войны, между войнами, после второй мировой войны и настоящее время. Сопоставление нескольких временных срезов позволяет наблюдать динамику функционирования обрядов, строить прогнозы. Кроме того, применяется и семиотический анализ, в частности, в изучении народного театра.

Необходимо подчеркнуть, что в монографии отражена практически вся территория Чехословакии. Достоянием науки стало множество новых записей, ценность которых тем более значительна, что, возможно, в них в последний раз за-

фиксировано этнографическое явление. Например, в статье Р. Земановой мы находим редкое для славянского мира поверье: если заблудиться в лесу — вспомни, с кем стукнулся крашеным яичком на Пасху, и сразу найдешь правильную дорожку. Аналогичное представление встречается и у румын Трансильвании и Буковины.

Однако, как нам кажется, в таком труде явно не хватает анализа отдельных обрядов с выявлением их генезиса, инвариантов, семантики и т. д. Единственное исключение составляет работа В. Гриничко о рождественских ряженьях в «соломенного», «горохового» человека, «медведя».

Некоторые проблемы, к сожалению, только упоминаются, но не исследуются. Так, о межэтнических контактах в пограничных районах говорится в статьях Р. Земановой (о немецком островке в Вышкове), Л. Вольбрахтовой, которая указывает моравские и чешские черты в обрядах в Свитавско и М. Турковой (о влиянии словацких рабочих на пасхальные церемонии в деревнях в окрестностях

Праги). Л. Нойфельд в очерке об области Старина характеризует ее как часть карпатского этнокультурного ареала. Однако приведенный материал не рассматривается им в рамках ареальной проблематики.

Также, на наш взгляд, участники коллективного труда мало использовали лингвистические данные для прояснения этнографической карты (такую попытку предприняла лишь Е. Елинкова, отметив, что территория обозначения гуляний hodu в области Новый Йичин соответствует ареалу пасхального хлестанья без обливания).

И все же сборник «Календарные обычаи» безусловно вносит существенный вклад в изучение народной культуры современной Чехословакии. А главное, думается нам, он создает возможность применить результаты теоретических исследований в общественной и культурной практике — сохранить, а подчас и возродить традиционные формы культуры.

Кабакова Г. И.

ПАМЯТИ ПЕРВОПЕЧАТНИКА

13 декабря 1983 г. на историческом факультете Гродненского государственного университета состоялась научно-практическая конференция, посвященная 400-летию русского первопечатника, просветителя и гуманиста Ивана Федорова, чья деятельность представляет собой яркую страницу в истории культуры русского, украинского и белорусского народов. Со вступительным словом к собравшимся обратился канд. ист. наук В. А. Хилюта. С докладом «Иван Федоров и Белоруссия» выступил проф. Я. Н. Маращ. Он показал, что Иван Федоров не только первопечатник, но и представитель той плеяды выдающихся просветителей XVI в., которых Ф. Энгельс назвал «титанами эпохи Возрождения». Он продолжил передовые традиции белорусского гуманиста и основателя книгопечатания в Белоруссии Ф. Скорины. Труд Ивана Федорова заложил основы развития научно-педагогической литературы в России, на Украине, в Белоруссии, Литве и Польше.

С докладом о жизни и творческой деятельности Ивана Федорова выступила студентка А. В. Одноурова. Об изданиях И. Федорова как памятниках межславянских культурных связей рассказала канд. ист. наук С. В. Полуцкая.

С большим интересом был прослушан доклад доцента Т. Б. Блиновой на тему «Белорусские старопечатные предисловия XVI — первой половины XVII века». Ф. Скорина в предисловиях писал, что он повелел «тиснути Псалтырь русскими словами, а словенским языком». Издания И. Федорова на славянском языке были адресованы простому народу. В предисловии к Учительному

евангелию прямо говорится, что издателю трудилось «выразуменья ради просты, людей преложити на простую мову» — что перекликается со скоринским «людей посполитым к доброму научению».

В ряде сообщений студентов Ж. Ю. Романюк («Рационализм и атеизм в мировоззрении антитринитариев»), Т. В. Мишевич («Ивьё — крупный центр радикально-реформационного движения в Белоруссии»), А. А. Левковича («Развитие Симоном Будным просветительных идей Ф. Скорины») содержалась характеристика эпохи, в которой жил и творил И. Федоров, передовые мыслители Белоруссии, с которыми он встречался и общался.

Для участников конференции библиотека Гродненского университета и кабинет истории БССР подготовили выставку литературы, посвященную И. Федорову и развитию книгопечатного дела в СССР. Здесь можно было увидеть редкие книги об И. Федорове, изданные в РСФСР, Белоруссии и на Украине. Кафедра истории БССР ознакомила учащихся старших классов средней школы № 3 г. Гродно с деятельностью И. Федорова. Зав. кафедрой проф. Я. Н. Маращ выступил с докладом «Роль наследия Ивана Федорова в борьбе против католической реакции в Белоруссии и на Украине» на юбилейной научно-практической Республиканской конференции, состоявшейся 2—3 декабря во Львове.

В связи с 400-летием со дня смерти И. Федорова была опубликована статья «Памяти первопечатника» в газете «Гродненская правда».

Маращ Я. Н.

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУР ЕВРОПЕЙСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН: ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НА ИССЛЕДОВАНИЕ ¹

Литературы социалистических стран Европы прошли после 1945 г. большой и сложный путь и сегодня, спустя почти четыре десятилетия после создания мировой системы социализма, вместе с советской литературой представляют собой определенную идейно-эстетическую общность, обогатившую культуру человечества непреходящими ценностями. Для изучения и освоения этого художественного достояния советскими литературоведами, учеными из братских стран сделано немало — библиография научных работ, даже если ограничиться самыми значительными из тех, что посвящены творчеству крупных писателей, отдельным жанрам и периодам литературы рассматриваемого региона, проблемам социалистического реализма, заняла бы десятки страниц. В ряде стран — Болгарии, Венгрии, ГДР — подготовлены и труды обобщающего характера, в которых предпринята попытка рассмотрения всего послевоенного развития соответствующих национальных литератур.

На повестку дня выдвинулась и другая задача — создание труда по истории социалистических литератур европейского региона в целом. К ее осуществлению уже приступил коллектив литературоведов Института славяноведения и балканистики; исследования такого типа предпринимаются и в некоторых других социалистических странах.

Между тем, написание истории современной литературы сопряжено с немалыми трудностями. Уже сама возможность исторического, научно-объективного подхода к ближайшему прошлому, к периоду во многих своих тенденциях не завершеному, подвергалась и продолжает подчас подвергаться сомнению. И, хотя методологический уровень марксистского литературоведения не дает оснований для подобно скептицизма, несомненно, что задача исторической систематизации послевоенной литературы европейских социалистических стран — в силу ее специфики и новизны — ставит перед исследователями ряд проблем, связанных как с построением такого труда, так и с оценкой отдельных фактов, явлений и этапов литературного процесса.

Широкий спектр вопросов, касающихся историографии, принципов периодизации и методологии исследования современных литератур региона явился предметом заинтересованного и плодотворного обсуждения на симпозиуме, организованном в рамках международного сотрудничества Академий наук социалистических стран.

Реализация исторического подхода к литературе прежде всего предполагает разработку общих критериев оценки, общих принципов научного освоения литературной материи. Наиболее важные из них охарактеризовал во вступительном слове директор ИСБ АН СССР Д. Ф. Марков. Сложность осуществления задуманного труда, — отмечал он, — объясняется сложностью и нередко противоречивостью самого литературного процесса, и избежать субъективизма или объективистской летописности при его описании можно лишь исходя из марксистской теории познания, из понимания социалистической литературы как открытой системы форм художественного познания и объяснения мира. В истории литературы были и догматические искажения, но при анализе этих явлений неверно говорить о периоде догматизма, останавливаться на констатации недостатков; исследование должно показать и пути их преодоления, выявить закономерности художественного прогресса.

Подлинная история литературы, — напомнил Д. Ф. Марков, — не может обойтись без исторической поэтики, без углубленного рассмотрения жанровой и стилевой специфики литературы. Ее должно отличать стремление охарактеризовать поэтику в динамике, поскольку общие процессы в художественном творчестве прокладывают себе дорогу через своеобразие формы.

Историческая систематизация послевоенной литературы европейских социалистических стран, как и всякая новая научная задача, выдвигает перед исследователями вопрос о методах исследования. Поэтому не случайно, что эта проблематика оказалась в центре внимания участников симпозиума.

Существенным отправным пунктом об-

¹ 24—25 мая 1983 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялся международный симпозиум «Проблемы изучения современных литератур европейских социалистических стран (вопросы историографии, принципы периодизации, методология исследования)» с участием литературоведов из Болгарии, Венгрии, ГДР и Чехословакии. На основе материалов симпозиума подготавливается многосторонний коллективный труд.

суждения явилось предпринятое в докладе С. А. Шерлаимовой разграничение таких весьма близких, и в современной литературе взаимно пересекающихся областей, как текущая литературная критика и историко-литературный подход. «Критик обязан оценить произведение, соотнести его с жизнью и другими произведениями, — отмечалось в докладе, — но он не только объективный наблюдатель литературного процесса, а, как и писатель, — его субъект. В отличие от критика, историк литературы не участвует в литературном процессе, о котором пишет. Речь здесь идет не о первичной, как в критике, оценке, а о своего рода проверке — с известной временной дистанции — первичных критических суждений»². Историко-литературный подход к богатейшему материалу рассматриваемых литератур позволяет обобщить опыт, важный, по мнению автора доклада, по крайней мере, в трех отношениях: он содержит немало художественных открытий, значение которых выходит за рамки одной национальной литературы или одного литературного региона; анализ этого опыта дает возможность «проверки» некоторых общих закономерностей, выведенных на основе изучения советской литературы; этот опыт дает материал для прогнозирования развития литератур остального мира, мировой литературы вообще.

На протяжении последних полутора десятилетий во всей сфере литературоведения происходило бурное обновление методологического арсенала: наряду с историко-генетическим подходом, получили распространение сравнительно-исторические и типологические исследования, структурно-семиотическое моделирование и системные методы изучения литературы. О задаче постепенной интеграции результатов, накапливаемых на основе различных подходов, говорил на симпозиуме Ю. В. Богданов. Современная наука, подчеркнул он, открывая в объектах своего исследования все новые уровни сложности, убеждает нас в бесперспективности попыток абсолютизации какой-либо практической методики и диктует необходимость построения по крайней мере нескольких дополняющих друг друга описаний одного и того же явления, выполненных с разных точек зрения. Однако, «при всей дифференцированности исследовательской практики исходным методологическим положением

для марксистского литературоведения остается принцип первичности бытия, принцип зависимости развития литературы от изменений в общественно-экономическом базисе. „Экономической необходимостью“ нельзя, разумеется, объяснить всю совокупность литературных процессов; вместе с тем ею „в конечном счете“ программируется логика, направление и динамика качественных перемен, происходящих в литературе».

Проблема взаимосвязи литературного и социально-исторического процессов активно обсуждается в последние годы литературоведами ГДР. Ее постановка, как явствует из доклада Г. Рихтера и Л. Ольшовского («О функциональном и коммуникативном аспектах изучения современной социалистической литературы») обусловлена назревшей потребностью раздвинуть традиционные рамки историко-литературных исследований путем введения широкого духовно-культурного контекста, изучения меняющейся роли литературы в обществе, ее отношений с читателем. Проблематике функционально-коммуникативного подхода было посвящено и выступление И. Мюнц-Кёнен. Методы исследования, ориентированные на коммуникацию и предполагающие в качестве предмета истории литературы прежде всего «отношение между писанием и чтением литературы», находятся, как отмечала И. Мюнц-Кёнен, в стадии становления. Абсолютизировать этот подход было бы неверно, и его сторонники, думается, и не претендуют на адекватное исследование столь сложного и много-составного явления, как литература. Вместе с тем, целый ряд выдвигаемых положений — в частности, то, что историк литературы должен иметь в виду «действующий ансамбль литературы», т. е., не только ту литературу, которая в тот или иной период писалась, но и ту, которая читалась, включая произведения других эпох и литератур, — нельзя не учитывать при исторической систематизации.

По мнению Д. Бодвара (ВНР), литературный процесс следует описывать как комплексную систему направлений, жанровых и стилевых изменений, исходя в первую очередь из анализа художественной «картины мира» писателей — той сферы, в которой «социально-исторические и идейно-исторические влияния встречаются с процессами, которые в условиях данной действительности протекают в литературе».

Значение единства социально-генети-

² Здесь и далее цитируются тезисы докладов и выступлений.

ческого и историко-функционального аспектов исследования литературных явлений было раскрыто в докладе М. Фридмана. Охарактеризовав широкий спектр мнений и методологических позиций, существующих в исследовании послевоенной румынской литературы, он указал на опасность субъективистских искажений в тех случаях, когда историко-функциональное изучение (осмысление литературных явлений в свете закономерностей «воспринимающей эпохи») не опирается на результаты генетического изучения. В свою очередь, последнее должно выявлять и наиболее существенные предпосылки для понимания воздействия литературных явлений прошлого на сознание более поздней эпохи. «Сочетание двух аспектов исследования, — отметил М. Фридман, — позволяет верно определить соотношение отрицания и „удержания положительного“ в структуре вновь создаваемых ценностей. Оно позволяет также понять сущность той или иной „модели“ преемственности на различных этапах литературного процесса, а также стереотипов читательского опыта и направления его изменения, обогащения».

При изучении литератур европейских социалистических стран нельзя упускать из виду, что некоторые из них (литературы Чехословакии, Югославии) являются многонациональными. Особенности изучения этих литератур и, в частности, два основных подхода, сложившихся в литературоведении, — «расщепляющий», т. е. ориентированный на одну национальную литературу, отдельную творческую личность, и «собирающий», нацеленный на типологические черты, свойственные всей данной литературной общности, — были рассмотрены в докладе Г. Я. Ильиной. Отмечалось, что оба подхода правомерны и необходимы в зависимости от целей и задач исследования. В контексте «социалистического литературного региона» историю многонациональной литературы целесообразно рассматривать как совокупность и взаимодействие художественных достижений ее национальных составляющих. Такой угол зрения «поможет сосредоточить внимание на основных идейно-эстетических тенденциях, общих для всех литератур, хотя и проявляющихся в каждой из них с разной степенью интенсивности».

Проблема традиции в послевоенной литературе изучаемых стран — еще одна существенная тема, обсуждавшаяся на симпозиуме. «Рассмотрение литературы

с точки зрения традиции, — отмечал в своем докладе В. А. Хорев, — не самоцель, а один из важных методологических аспектов, позволяющих видеть целостное развитие литературы, ибо без обращения к литературным традициям нельзя установить закономерностей литературного развития». При этом традиция должна изучаться как многоплановая и многосоставная система, включающая в себя разные пласты (мировоззренческий, идейно-эмоциональный, словесно-композиционный). Изучая ее, важно не просто найти сходство, а выявить общность идейно-эстетических принципов и своеобразия их применения.

На важность системного подхода к вопросу культурного наследия указал в своем выступлении и Й. Петерка. Рассмотрев на примере чешской марксистской критики, через какие качественные этапы проходит революционное освоение духовного наследия прошлого, исследователь из Чехословакии показал, что этот процесс носит не случайный, мозаичный характер, а имеет «глубокую историческую логику и долговременную стратегию».

Вторым кругом вопросов, который, наряду с методологией, находился в центре внимания участников симпозиума, были вопросы периодизации. Это не случайно, ибо от их решения во многом зависит уровень научного обобщения литературных процессов.

Выступления на симпозиуме подтвердили неэффективность традиционно используемого исследователями современной литературы принципа периодизации, когда отдельные этапы развития жестко привязывались к тем или иным конкретным событиям общественной истории. «Дробность» периодизации, по словам М. Томчика (ЧССР), сегодня можно считать «детской болезнью» прежнего понимания литературы. Более перспективной признана идея «укрупненного» членения послевоенного литературного процесса, выдвинутая советскими исследователями и учитывающая, прежде всего, качественное изменение литературы в целом при переходе от строительства основ социализма к этапу его укрепления и совершенствования. Согласно этой концепции, как тезисно сформулировал Ю. В. Богданов, «первому историческому периоду, отмеченному острой классовой борьбой, соответствует этап „суженной“ литературной структуры. После стабилизации новой системы, когда концепция социалистической литературы приобретает ха-

рактер общенациональной литературной платформы, наступает этап ее внутренней дифференциации: по закону отрицания вновь оживают самостоятельные в прошлом, а ныне составляющие единой системы, различные формы и способы художественного обобщения, правдивого изображения жизни».

Фиксируя принципиальную стадиальность процесса, в целом характерную для всех рассматриваемых литератур, это деление не снимает, однако, вопроса о внутренней специфике развития каждой из национальных литератур, а также о необходимости разработки ряда вспомогательных принципов периодизации, определяющих способ организации и подачи материала.

Этой проблематике так или иначе касались все участники симпозиума. Были

сделаны и специальные доклады о периодизации болгарской (С. Игов), словацкой (М. Томчик), польской (Е. З. Цыбенко), а также послевоенной советской литературы (А. Г. Бочаров) и литературы ГДР (А. А. Гугнин).

В разных аспектах освещен на симпозиуме и широкий спектр вопросов, связанных с взаимодействием отдельных литератур (здесь выделяется доклад болгарской исследовательницы С. Беляевой о проблемах поэтики и месте национальной литературы в международном литературном контексте), а также с освоением и восприятием в СССР литератур европейских социалистических стран (доклады и сообщения Т. П. Агапкиной, О. Л. Кирилловой, Е. Е. Львовой).

Середа В.

CONTENTS

<i>Kostyushko I.</i> 40th anniversary of the Polish People's Republic. <i>Khorev V. A.</i> From the abstract humanism towards the socialist humanism (Ideological and literary evolution of some Polish writers in 1945—1948). <i>Pozolotin M. Ye.</i> The new stage of economical development in Bulgaria (40th anniversary of the Socialist revolution in Bulgaria). <i>Volokitina T. V.</i> Modern Soviet-Bulgarian relations: the course towards all-round rapprochement. <i>Pokivaylova T. A.</i> 40th anniversary of the liberation of Roumania from the fascism. <i>Cherniavski G. I.</i> Western bourgeois historiography on the communist and working-class movement in Bulgaria between two World Wars. <i>Florya B. N. V. D.</i> Korolyuk's scientific work. <i>Kirillova O.</i> «The house stands by itself» as a reflection of the Ivo Andrić's artistic world. <i>Shtudiner M. A.</i> Development of long consonants in Slovakian	3
---	---

PEOPLES, IVENTS, FACTS

<i>Sverdlina S. V.</i> A. S. Griboyedov's letters concerning the assignment of A. Semashko as a doctor of the Russian Embassy in Teheran	87
--	----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Krapivin A. V.</i> Ю. Львунин, В. Кузько. Георгий Димитров и международное профсоюзное движение. <i>Sliva A.</i> Библиографија радова о Светозару Марковићу. <i>Danilova A.</i> Slawische Kulturen in der Geschichte der europäischen Kulturen vom 18. bis zum 20. <i>Lilich G. A.</i> Hubert Rösel. Wörterbuch zu den tschechischen Schriften des I. A. Comenius. <i>Kabakova G. I.</i> Výroční obycěje: Současny stav a proměny	95
--	----

SCIENTIFIC LIFE

<i>Marash Ya. N.</i> In commemoration of the first printer. <i>Sereda V.</i> History of literature of the European Socialist countries: concepts of research	107
--	-----

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 11.04.84	Подписано к печати 20.06.84	Т-13320	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₁₆
Высокая печать	Усл. печ. л. 9,8	Усл. кр.-отт. 11,6 тыс.	Уч.-изд. л. 11,1
	Тираж 1145 экз.	Зак. 34	Бум. л. 3,5

Издательство «Наука», 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10

№ - 17

В ОРДЫНКА 34/38-40

ТОЛСТОМУ И И

70891

Ц

Цена 1 р. 20 к.

Индекс 70891